

Ольга Фикс

Улыбка Химеры

Annotation

Действие романа Ольги Фикс разворачивается в стране победившего коммунизма. Повсеместно искоренены голод, холод и нищета. Забыты войны, теракты и революции. Все люди получили равные права и мирно трудятся на благо общества. Дети воспитываются в интернатах. Герои книги – ученики старших классов. Ребятам претит постоянная жизнь за забором и под присмотром. При всяком удобном случае они сбегают за ограду в поисках приключений. Что за странные сооружения, огороженные колючей проволокой, выросли вдали за холмами? Зачем там охрана и вышка с таинственными, качающимися из стороны в сторону «усами»? Что за таинственная болезнь приковывает их друзей на долгие месяцы к больничной койке? В поисках ответов на свои вопросы герои вступают в неравную борьбу с системой, отстаивая право каждого быть самим собой.

- [Ольга Фикс](#)
 -
 -
-
-

Ольга Фикс

Улыбка химеры

© Фикс О. В., 2018

© «Время», 2018

* * *

Огромные окна распахнуты настежь. Со всех сторон в класс врываются запахи весны – клейких листьев, прелой травы, пережившей под снегом зиму, медвяный аромат первых огоньков мать-и-мачехи...

Сергей наломал вербы у ручья и сейчас щекочет пушистым барашком Леркину шею. Девушка дергает плечами, втягивает голову в воротник, сжимает губы, силясь не рассмеяться. Наконец не выдерживает и фыркает громко, на весь класс, как лошадь.

– Соломина, Снегирев! Что вы там нашли смешного? И это вместо того, чтобы всерьез задуматься о своем будущем! Последний раз повторяю: анкеты должны быть сданы до конца урока! Ребята! Ну вы как маленькие, ей-богу! У вас и так всего сорок пять минут! Вот понапишете сейчас чепухи, потом всю жизнь придется расхлебывать!

Лоб Евдокии Геннадьевны прорезает смешная треугольная морщинка. Вот-вот заплачет, закроет лицо руками и выбежит вон из класса. Такое, кстати, уже бывало.

– Да ланно, Евдокия Геннадьевна! – немедленно сочувственно откликается класс.

– Не надо за нас так волноваться!

– Вы что ж думаете, мы не понимаем?

– Небось не идиоты какие-нибудь!

Постепенно общими усилиями складка на лбу разглаживается. Евдокия Геннадьевна улыбается, поправляет на переносице очки. Она будто не учительница их, а сестренка. Причем даже не факт, что старшая. Худенькая, невысокая, явно ниже большинства из них, и к тому же страшно сутулится – сказывается вторичный сколиоз. Говорят, от него так и нельзя избавиться до конца.

– Евдокия Геннадьевна, но потом ведь можно будет исправить?

– Что-то можно. Что-то нельзя. Лучше сразу написать как следует. И не стесняйтесь! Помните: вам дан уникальный шанс самим выбрать себе судьбу. Общество не хочет стричь всех под одну гребенку. Общество понимает, что вы уже взрослые шестнадцатилетние люди. У вас вполне могут быть свои желания, предпочтения. Кто-то хочет математику учить, кто-то физику. Кто-то хочет врачом стать, кто-то учителем. Кто-то шахтером, кто-то класть кирпичи на стройке, а еще кто-то родить много детей и воспитать их достойными членами общества. Карасиков, я сейчас сказала что-то смешное? Знаешь что, выйди за дверь и посмейся там. Придешь, когда успокоишься. И вот, ребята, наше общество по мере возможности старается пойти навстречу желаниям каждого... Горенков и Нехлюдов, вы чем там заняты?

Горенков и Нехлюдов на задней парте режутся в морской бой. Момент острый – Нехлюдов уже потопил два Горенковских трехпалубника и подбирается к четырехпалубному. Планшеты у обоих раскалены.

– Заполняйте анкету внимательно, вдумчиво. Впишите все свои желания в соответствующие графы. Помните, кто не заполнит анкету и не отправит ее до конца урока, тот пусть пеняет на себя. Администрация школы сама решит, что с ним делать. Не сетуйте потом, если вам ее решение не понравится.

– А можно вопрос? – вскинулась над партией длинная рука. Ерофееву, как всегда, больше всех надо. – Евдокия Геннадьевна, скажите честно, зачем весь этот балаган? Все равно ведь все решает администрация. Все равно ведь нам пять лет еще торчать в интернате. Почему, раз уж мы все взрослые да к тому же все из себя уникально ценные, не дать нам не свалить отсюда и жить дальше по своему усмотрению?

С задней парты кто-то громко присвистнул. Учительница болезненно поморщилась.

– Саша, ну зачем ты так? Как будто вы тут в тюрьме. Для вас же все делается! Пожалуйста! Выходи за ограду, ставь свою палатку где хочешь! У тебя же есть своя палатка, я правильно помню? Ты ее выиграл в прошлом году на соревновании по ориентированию. Счастливый! У многих ведь и палатки нет. Но, насколько я помню, планы у тебя были другие. Скажи мне, ты так и не определился? Физика или математика?

Ерофеев слегка смутился:

– Нет, я еще не окончательно решил, но...

– Вот видишь! – перебила его учительница. – Ты даже один простой вопрос до сих пор не можешь решить! А представь, сколько их у тебя будет, окажись ты вне школы? Что есть, что надеть на себя, как согреться, когда

зима придет? Поверь мне, тебе станет не до физики. Можно подумать, ты первый.

– А зачем ему думать?

– Можно ведь у других отобрать!

– Взять в пункте помощи неопределившимся!

– Самому вырастить и соткать!

– Приучить себя обходиться малым!

– Точно! Минимум минимум! И никакой физики!

– Тихо! – Учительница властно взмахнула рукой. – С чего это вы так разошлись? Представляю себе, что будет, если вы все в одночасье вырветесь отсюда на волю. Вы ж, как стадо молодых слонов, все вокруг перетопчете.

Они засмеялись, соглашаясь: а что, мы могём!

– Поймите, ребята, общество хочет сделать для вас как лучше. Сейчас у вас такой возраст, когда важнее всего сосредоточиться на учебе, приобретении профессиональных навыков. Поверьте мне, нельзя хорошо учиться, думая одновременно о куске хлеба. Вам надо радоваться, что общество еще на какое-то время берет эти заботы на себя. Раньше только дети очень обеспеченных родителей могли себе такое позволить. Большинству молодых людей приходилось самим пробиваться в жизни. В итоге общество лишалось многих талантов, которым просто не удавалось развиваться. Разумеется, всегда есть исключения. Любой, кому не терпится поскорей выйти в самостоятельное плавание, может написать о своем желании в анкете. Пожалуйста! Разумеется, приведя объективные обоснования. Общество всегда идет навстречу человеку с особыми талантами или потребностями. Ты, Саша Ерофеев, к какой из этих групп себя причисляешь?

– К последней. У меня, Евдокия Геннадьевна, особая потребность – раз в жизни заснуть в комнате, где никто, кроме меня, не храпит.

– Только-то? Не понимаю, из-за чего сыр-бор. Просто укажи в соответствующей графе – хочу отдельную комнату. Я уверена, администрация школы найдет способ тебе помочь.

– Да ну? А я слышал, на такие комнаты уже очередь в километр из тех, кто хочет в маму-папу поиграть.

– Сань, а ты поори погромче, повозмущайся – глядишь, тебе каморку под лестницей выделят.

– Во-во, как Гарри Поттеру!

– Да что за детский сад?! – Учительница, наконец, всерьез возмутилась. – Ребята, я вас не узнаю! А может, вы просто боитесь

принимать решения? Да ладно уж, выдохните. Расслабьтесь. Открою вам маленький секрет: ваши анкеты сперва попадут ко мне. Я их все просмотрю, прежде чем отправить. И если увижу, что кто-то написал совсем самоубийственную чушь, вызову его к себе, и мы вместе подумаем, как это можно исправить. Всё, сосредоточьтесь и не тяните время за хвост! До конца урока осталось...

* * *

Стоя на декоративном мостике Лерка и Сергей наблюдали, как сторожика специальной палкой с крючком подтягивает к берегу очередную мертвую золотую рыбку. Даже не рыбку, а рыбищу – килограмма на три, не меньше.

Конечно, пруд-то большой, так чего им в нем не расти!

Золотистые чешуйки сверкают на закатном солнце. Белое раздутое брюхо устремлено к небу.

– Такой пруд большой! И с подогревом, и с воздухом. Жить бы да жить! А они почему-тодохнут.

– Может, это она от старости?

– Да ну, какая старость, ты что? Вон у нее чешуя-то – огнем горит! У старых чешуйки блеклые, тусклые. Наверняка опять из мелких кто-то гадости какой-то в пруд нашвырял. И чего им нейметса! Игрушек других нет, что ли? Смотри, вон еще одна кверху брюхом плывет...

– Точно, траванулись. Все, Сереж, пошли! Не могу на это смотреть. Убить кого-нибудь хочется!

– Смотри, смотри, палочки плывут! Это они чупа-чупсов им своих накидали.

– Что ж за ними воспиталки не смотрят?

– Ну, воспиталка одна, а их много. Каждого за ручку водить не будешь. Они ж шустрые, как эти! Не помнишь, какими мы в их возрасте были? Дуська орет, надрывается: «Ребятки, ребятки! Строем, строим!» А мы кто по дрова, а кто в лес. А то и вообще за ограду. Ну, помнишь?

Леркино лицо светлеет. Она даже почти улыбается.

Ей вспоминается, как когда-то, в пятом, кажется, классе, они с Сережкой в первый раз ушли вдвоем за ограду. В сентябре. Сразу после каникул. После каникул всегда сперва так: ветер в голове гуляет, летняя вольница из крови не поветрилась, вот все и блажат кто во что горазд.

Резать проволоку Сергей тогда еще не умел, да и инструментов у него

таких в ту пору не было. Он просто разогнул клещами несколько стратегических колец, понажимал, потянул – образовался узкий лаз. Узенький, конечно, но ведь и они тогда щуплые были. По-пластунски подлезли, встали, коленки отряхнули – и вперед!

Долго шли. Тропинка казалась бесконечной, она то скрывалась в лесу, то выныривала на луг или в поле. Небо над головой было ясное-ясное. В овраге они наткнулись на лещину и до отвала набили животы зелеными лесными орехами. И карманы наполнили, Сергей еще и за пазуху себе насыпал.

Полкласса потом неделю животами маялось.

– Да, время было! И, главное, времени этого на все хватало: и на уроки, и на фигню любую, какую захочешь. Чего мы только не вытворяли! Но вот чтобы рыбу травили – не помню. Честно.

– Да ладно, Лерк, они ж тоже не нарочно. Они ж, небось, как лучше хотели. Оторвали, можно сказать, чупа-чупсы эти от сердца.

– Хотели как лучше, а получилось как всегда. Главное, мне знаешь чего обидно? Что им ведь и не объяснят ничего. Даже не расскажут. Чтоб лишний раз не расстраивать. Просто напустят в пруд свежих рыб. И опять по новой... Ой, Серый, гляди, вон, кажется, еще всплыла! Все, не могу, пошли быстрее отсюда!

– Точно, погнали. Гляди, вон туча какая!

Они понеслись к стеклянной, расцвеченной огнями, похожей на радужный мыльный пузырь столовой. Оттуда донеслись смех и музыка. День кончился, впереди два часа личного времени. Из колонок загрохотала веселая песенка про дождик, который «окна вымоет и смоем все следы!».

– Дождик, дождик, пуще! – подхватила Лерка веселую, заразительную мелодию. Худые, нескладные ноги затанцевали сами собой. Улыбка вернулась на широкоскулое, веснушчатое лицо, обнажив крупные, неровные зубы.

«Кобылка моя». Сергей смотрел на нее и не дышал. Не было у него и быть не могло слов ласковой и нежней. Лошадей Сергей обожал. Лошадь в его глазах – образец совершенства. Недаром же он лучше всех в классе ездил верхом.

Дождь и в самом деле начал накрапывать. Тяжеловесные капли падали одна за другой. На нос, на светлые плитки под ногами, на протянутую ладонь. Сперва по одной, по две. Не то правда дождь, не то только кажется. Но вот уже настоящий ливень обрушился им на головы, заколотил по рюкзакам, по плечам. Сильный, ледяной, освежающий. На стремительно растекающихся вокруг лужах вспухают и лопаются пузыри.

Хорошо, им недалеко. Сергей на бегу скидывает и держит над Леркиной головой пиджак.

Ворвавшись в вестибюль, оба встряхиваются всем телом, как собаки после купания. Рыжие кольца Серегиных кудрей потемнели от воды, из золотых стали медными. Мокрое насквозь Леркино платье прилипло к животу и груди.

– Уф! Надо же как вдруг полило!

– Ничего, скоро уже кончится. Смотри, в лужах какие пузыри!

– Да, с пузырями это ненадолго.

Сережке кажется, он так раскалился, что от него наверняка должен идти пар. И дикий, звериный запах пота. В последнее время никакой дезодорант не спасает. Наверняка Лерка слышит, как колотится его сердце.

– Слушай, я так и не спросил. Что ты написала в анкете?

– Косметика или швейное дело. По-любому в жизни пригодится.

– А кулинария что, по боку? Ты ж хорошо готовишь!

– Да ну еще! Там и химия, и физиология! Готовить я и без них смогу.

– А... про личное?

– Написала, что планирую ребенка на следующий год.

У Сергея внезапно пересыхает в горле.

– Вот прямо так? А не рано?

– Да ну еще! Сколько с этим можно тянуть? Ерофеев прав. Потом, как до дела дойдет, комнат вправду на всех не окажется.

– Н-да, тоже верно. А... будущим отцом ты кого вписала?

Лерка хитро улыбается во весь рот, во все свои тридцать два неровно торчащих зуба:

– А никого. Оставила пока что пробел.

* * *

Они сидели на полу и вдыхали в себя запах свежей краски. Вдыхали с завистью. И то, что слезились глаза и закладывало нос, зависть эту только усиливало.

– Нет, ну вот как нормальный человек может так подсуетиться? Раз – и отдельное жилье! И на завод больше не таскаться со всеми.

– Нормальный и не может. Только Ерофеич на такое способен.

– Да подсуетиться – это ладно, ты лучше скажи, как тебе в голову такое пришло?!

– И правда, это ж еще придумать надо!

– Да уж, среднему уму недоступно!

– Ерофеев, колишь, кто тебе это подсказал?

Ерофеев улыбался и отмалчивался. Хмурил тонкие брови, хитро щурил близорукие круглые глаза. Не говорить же, что сами они и подсказали. Тогда, на воспитательном часе, во время заполнения анкет. Ну, про каморку под лестницей.

Он тогда сразу подумал – консьерж! Напроситься на общественный труд комендантом в Дом творчества, то есть убираться и следить за порядком в огромном здании, где были актовый зал, библиотека, мини-зоопарк, бассейн, тренажерка, учебные мастерские, лаборатории, студии, музкабинеты и черт знает чего еще. Откуда по традиции не выгоняли никого допоздна. Где всегда горел свет, было шумно, натоптано, накурено, разноголосая музыка со всех этажей, клубы дыма из туалетов. Хотя курить в школе, конечно, нельзя. Даже простой табак, не говоря уж о чем-то еще.

Где было сердце школы.

Он сам не помнил, как попал сюда в первый раз. Наверное, кто-то заставил его прийти. В первое время его все приходилось заставлять – даже есть и спать. Потому что он поклялся, что не смирится, не будет делать вид, что все в порядке, все нормально и так и надо. Потому что ничего не было в порядке. Они не имели никакого права забирать его у мамы. Он им еще покажет, они узнают... Возьмет и умрет им назло!

Его кормили насильно. Впихивали ему ложку в рот. Он все изрыгал из себя – до последней капли, до слез, до желчи, до кровавой пены на губах. Сутками не спал, сидел, завернувшись в одеяло, на кровати, а засыпая, ссался, как маленький. Отказывался ходить на уроки. Отказывался переодеваться и мыться. Отказывался говорить.

Его уже собирались отправлять в спецучреждение. Никому он ничего не доказал, всем на него было пофиг. Одна только Дуся не сдавалась. Просиживала с ним в изоляторе, куда его заперли в конце концов, все свободное время. Гладила по голове, пела ему, что-то нашептывала, приговаривала. Мыла его – такого большого – в ванне, переодевала. Он пытался сопротивляться, но она в ту пору была сильнее. Приносила всякие вкусности, которые неизвестно откуда брала – не то за оградой покупала, не то сама пекла на крохотной плитке в своей гостинке. Тормошила его, все время с ним разговаривала. Хоть он и не отвечал ничего.

Конечно, что ей еще-то делать? Семьи ведь у нее нет.

И вообще, Дуся она такая, у нее принцип. Ей выдали их двадцать пять, и теперь они все ее. До конца, до самого выпуска.

Наверное, Дуся и привела его сюда в первый раз. Затащила в

мастерскую технической игрушки. Усадила перед ящиком со всякими детальками. Он стал их перебирать и даже не заметил, как руки сами вытащили оттуда чего-то, стали к чему-то прилаживать, привинчивать, собирать. Сама собой вышла какая-то хренька. Он подтолкнул ее пальцем, и хренька весело покатила вперед по столу.

– Ай молодца! – воскликнул впервые обративший на него внимание руководитель кружка дядя Паша. – Как тебя зовут, мальчик?

– Саша, – ответил он и заметил, что Дуся при звуке его голоса вздрогнула.

Хренька доехала до конца стола, свалилась и распалась на составные части. Он сморщился и заревел.

– Не плачь, – сказал ему дядя Паша. – Станешь ходить к нам и построишь когда-нибудь настоящую машину.

«Ага, – подумал он про себя, – и уеду на ней отсюда к едрене фене».

Кажется, прямо на другой день ему впервые дали письмо от мамы. Наверняка, нарочно, чтоб закрепить успех.

Письмо было месячной давности. Мама писала, что все с ней хорошо и Дом инвалидов оказался не такой страшный. Чтобы Саня вел себя хорошо, не плакал и не очень всех доставал. Что когда-нибудь они все равно будут вместе.

До этого «когда-нибудь» надо было еще дожить! Но ничего. Он выдохнул и начал стараться.

* * *

Сергей вышел из мастерской, на ходу вытирая руки замасленной тряпкой, и присел на бревно чуть передохнуть. Рыжие вихры потемнели и слиплись надо лбом от пота, но на затылке коротко стриженные колечки вспыхнули на закатном солнце червонным золотом. Жаль, сам Сергей не мог видеть себя со спины. Любимая шутка в классе: «Серый, стой! – Да какой он Серый, когда он рыжий!» «Не рыжий, а золотой», – обязательно поправляла Лерка, если оказывалась рядом и была в настроении.

Впереди до самого горизонта раскинулось огромное поле. Зрелые колосья гнулись под тяжестью и натужно шелестели на ветру. Ложились волна за волной, а после медленно, с трудом поднимались. Желтое бескрайнее море. «Когда волнуется желтеющая нива...»

Серезка помнил, как перед первой сельскохозяйственной практикой Дуся долго втюхивала наивным мелким десятилеткам, как же им повезло.

– Вы увидите, как растет хлеб, узнаете, откуда на стол попадает молоко! Общество специально расположило школы в сельских районах, подальше от городов. Общество хочет, чтобы все дети, без исключения, росли на свежем воздухе, на парном молоке, чтоб вдоволь набегались босиком по полю.

Про босиком – это она, конечно, приукрасила. Как и про вольный бег. Поди побегай по этому полю, когда влажные комья вспаханной земли сразу забиваются в сандалии, а колосья впиваются в кожу колючей остью не хуже кактусов. Да и не до бега им было. В первую практику их поставили на прополку, и спины у них к концу рабочего дня едва разгибались. Хоть и трудились они только до обеда, не больше четырех часов в день.

– По-настоящему экологически чистые продукты невозможно вырастить без реального человеческого участия, не вложив в каждый колосок, в каждую капельку молока частичку души, – втолковывала им Дуся.

Дуся честно гнула наравне с ними свою бедную больную спину, без конца снимая и протирая очки, которые нещадно заливал пот.

Когда они стали старше, настолько, что им уже можно было объяснить про пирамиду Маслоу, Дуся с жаром колотила в классе указкой по основанию пирамиды:

– Без удовлетворения базовых потребностей все остальное делается неважным и невозможным! Без еды и воды человек попросту умрет! Вы должны гордиться тем, что, несмотря на юный возраст, вносите вклад!

Им таки было чем гордиться. На закрепленных за школой сельхозугодьях все делалось руками учеников. Каждому находилось дело по силам и возрасту. Не так много, не так часто. Чтобы это, упаси бог, не мешало учебе. Слава богу, учеников в школе много. Один начнет, а другой закончит. Да и школа в государстве не одна.

Однако все строилось на этом. Везде, где надо, вкладывались именно их частички души.

По идее, Сергей должен был все это со временем возненавидеть. Но ему, наоборот, классно было сознавать, что они без дураков делают нужное, стоящее дело. Что без них и хлеб не вырастет, и картошка останется невыкопанной, в земле. Коровы будут сутками мычать недоенные, поросята пищать некормленные, а у людей в городах и весях не будет ни мяса, ни молока.

Когда в конце рабочего дня Сергей, теперь уже квалифицированный механизатор – а чего, если он в двенадцать лет впервые на трактор сел? – вот так сидел и смотрел на поле, он чувствовал себя здесь хозяином. Это

было его поле, каждый колосок был ему здесь знаком. И пусть другие, если хотят, думают по-своему. Ему не жалко, пусть они обманывают себя. Как это может быть чье-то еще, если этот кто-то никак здесь ни во что не вложился?

Может, и правда не уезжать никуда? Поступить на заочку в агрономический, выстроить дом прямо на краю поля и сидеть по вечерам на крылечке, всматриваясь в бескрайнюю даль. Интересно, что скажет на это Лерка? Ей-то ведь явно хочется в город. Где театры, проспекты, косметические салоны и магазины...

Впрочем, до окончательного решения у них еще впереди пять лет! Может, он еще и сам передумает.

Сережка на всю жизнь запомнил, как Дуся вывела их, десятилетних, на поле и он впервые увидел горизонт. Его будто вытряхнули наружу из тесной коробки! В городе ведь все кругом заставлено домами. А тут вдруг со всех сторон оказалось сплошное небо. Он слово бы парил в воздухе, крохотная точка в бескрайнем мире. Небо кончалось где-то далеко-далеко, за полем.

– А можно туда? – спросил он у Дуси. – Я хочу посмотреть, где оно кончается.

– Конечно! – сказала Дуся. – Потом, со временем. А пока... Мы ведь пришли работать.

* * *

– Так что ты выбрала в результате?

– Сама не знаю. Честно! Писала, что в голову взбредет. Литература, философия, два иностранных языка, история мировых религий. Случайный набор какой-то.

– С языками, кстати, совсем не глупо. Языки всегда пригодятся. С языками можно за границу за общественный счет кататься. А историю религий зачем?

– Просто. Хочу понять, как это устроено.

– А в личном что написала?

– Извини, Лерка, но личное – это личное. Как дойдет до дела, узнаешь.

– У ти бозе мой, секреты у нас! Можно подумать, кто-то не в курсах, что ты по Ерофееву который год сохнешь. Зря что ль он ведра за тобой на картошке таскал? А что, он прикольный. Не то что мой Серый – валенок валенком. Только и радости, что свой.

– Да ну, глупости! С Сашкой мы просто друзья. Да и зачем ему? Он и без меня прекрасно устроился.

– Ну, баба под боком еще никому из них не мешала.

– Да нет, Лер, Сашка – он совсем по другому делу.

– Да ну? А на что поспорим? Так просто не бывает! Разве что... если... короче, это уж совсем не про Ерофеева.

– В смысле как «поспорим»? Ты что, пойдешь проверять?

– А хотя бы. Ну раз у тебя у самой кишка тонка.

– Да ну, при чем тут... Проверь сколько влезет. Что только Серый скажет?

– А его не касается! Что я за него, замуж, что ли, вышла? Хорошо, если не Ерофеев, то кто?

– Девчонки, хватит болтать! И так химия в голову не лезет, а тут еще вы над ухом стрекочете. Я из-за вас завтра провалюсь!

– Ты что, Анечка?! Ты не можешь провалиться! Мир тогда перевернется! Останется без гениального врача!

– Ладно, Маш, валим отсюда. На воле договорим.

– Смотри, Машка, досмеешься! Чем болтать, сама б свое почитала. Лерке что, у нее все схвачено. Для нее учебный год уже окончился. А у тебя как бы с обществоведением сюрпризов не вышло. Ляпнешь что-нибудь не то, а там же не только Максим, там комиссия. И плакали твои языки с религиями.

– Ань, ну что я могу поделаться? Я жаворонок. Вечером голова бастует. Ни на чем сосредоточиться не могу. Встану завтра часиков в шесть и спокойно все повторю. Экзамен же в десять только! До десяти сто раз успею взад-вперед учебник прочесть. Уложится. Слава богу, не химия.

– Ну смотри! Тогда хоть возвращайся не поздно!

– Слушаю-с, маменька. – Машка делает шутливый книксен.

– Не волнуйся, Ань! Я ей не дам загуляться. Если что, палкой домой загоню.

* * *

Она проснулась как обычно, без десяти шесть. Пять минут полежала в постели, потягиваясь и щурясь, счастливая уже тем, что не надо немедленно вскакивать и куда-то сразу бежать. Первый экзамен в десять. Времени еще бездна.

Вокруг, как всегда в подобную рань, царила полная тишь. Девчонки

спали с обеих сторон от нее, сладко посапывая. Лерка, как водится, во сне бесстыдно откинула одеяло и теперь раскинулась на кровати во всей красе. Сколько раз говорили, чтоб надевала на ночь трусы! Но ей же хоть кол на голове теши. Не факт, что она и днем-то их носит.

Аня как раскрыла с вечера свою химию, так и заснула, уткнувшись в нее носом. Из-под одеяла торчат худенькие, острые лопатки и мальчишеский стриженный затылок.

Из угла, где должны спать Алена и Злата, не слышно ни звука. Небось опять зависли у своих бойфрендов. Достанется им, если узнают! А может, уже и нет. Может, все и так всё уже давно знают. А что? Мы ведь взрослые. Нам всем по шестнадцать лет. И мы же не виноваты, что учебный год все никак не окончится.

* * *

Она нагнала его на выходе из учебного корпуса. Все уже ушли, а он, как всегда, задержался, проверяя последние тетради. Максим никогда не затягивал с проверкой, и никогда не брал тетради домой, и из-за этого часто задерживался. На это у Машки и был расчет.

– Максим Игоревич! Можно с вами поговорить?

– Говори, Машенька! Говорить еще никому не заказано. – Он улыбнулся своей обычной теплой улыбкой – немножко Машке и немножечко своим мыслям.

– Максим Игоревич, я тут подумала и решила – я хочу ребенка от вас!

От неожиданности Макс поперхнулся. Запнулся, однако немедленно взял себя в руки и как ни в чем не бывало продолжил движение. Старался не смотреть на нее, но краем глаза отмечал, какая она вся красная и потная. Задохнувшись после выпаленных слов, Машка теперь тяжело, с хрипом переводила дыхание. Черт, от кого-кого, а от нее не ожидал! Не то чтобы такое с ним в первый раз. Конечно, по весне они все немножко сходят с ума, Макс к этому даже почти привык, но Машка...

– Маш, мне, конечно, лестно такое слышать, – заговорил он, не без труда подбирая слова. Обычно подобные разговоры давались ему куда легче. Потому что, по правде сказать, Макс и сам заглядывался на Машку. Исподтишка, на уроках, на переменках. Любовался, как падают во время письма темные кудряшки на смуглую щеку, как кривятся смешно пухлые губы и порой показывается между ними кончик языка.

Была бы она на пять лет постарше! И не будь она его ученицей.

Макс привык быть честным с собой. Особенно в эти последние, одинокие годы, когда обманывать стало попросту некого. Никуда не денешься, Машка ему нравилась. Так что сейчас ему было в первую очередь жаль себя. Конечно, если бы она не была его ученицей...

Но ничего не поделаешь. Правила есть правила.

А вот ее ему не было жалко нисколечко. Чего их жалеть? Да, сейчас она стоит, и краснеет, и дышит как паровоз. Кажется, даже начала уже всхлипывать. Но ведь это пройдет! Она красивая девчонка, вот-вот встретит своего парня. Какого-нибудь лопухого дурака-ровесника или чуть постарше. И все у них будет пучком, в равной мере смешно, трогательно и глупо. Как и у него самого когда-то. Всякому овощу, так сказать, свое время.

Хотя, конечно, при иных обстоятельствах... Но – стоп. Макс запретил себе думать и чувствовать и переключился на автопилот.

– Маша, ты же умная девочка. Прекрасно знаешь, что подобные вещи внутри школы запрещены.

– Но вовсе не обязательно делать это в школе!

При слове «это» автопилот в Максе неожиданно дал сбой. В горле запершило, Макс судорожно сглотнул. Нет, как она легко обращается со словами!

– А ты не думаешь, что так даже хуже? Получится, будто мы всех обманываем.

– Не обманываем! А просто... Ну... Мы ведь не обязаны всех посвящать в свою личную жизнь. Так даже в школьном уставе написано! Что личная жизнь учащихся никого не касается!

Ему сделалось смешно.

– Хорошо, а потом что ты скажешь? От кого у тебя ребенок?

– А я ничего не скажу! Ну может, их у меня много было? Может, я даже и сама не всех помню? Не бойтесь, Максим Игоревич, от меня никто ничего не узнает!

Макс неожиданно разозлился.

– Маш, ну все. Так мы с тобой далеко зайдём. Давай лучше считать, что разговора этого у нас не было.

– Но... Послушайте! Ведь я ж вас больше ни о чем не прошу! Я просто хочу, чтобы ребенок мой был от вас. А не от кого-то из наших мальчишек. Потому что... Ну, они все, конечно, хорошие. Но какие-то все еще... одним словом, полуфабрикаты. Из них вообще еще неизвестно что выйдет. А вы... Вообще, что вам стоит? Один-единственный раз, и всё. Можно ведь подгадать под овуляцию. Я вам что, совсем-совсем, ни капельки не

правляюсь?

– Маш, ну что ты говоришь? Ты сама-то себя хоть слышишь? Зачем тебе это? Я старый уже, некрасивый. А ты красавица, умница. Хотя и ведешь себя сейчас как дура. Ну, оглядись! Вокруг полно красивых, интересных парней. Ну пусть не из вашего класса, а из выпускного. Не может быть, чтобы ни один из них...

– Пфф! – Она презрительно фыркнула. – Я ж вам уже все сказала. Они... они все еще... А вы... вы уже, сейчас. Вы цельный. Вы настоящий. И вот поэтому я хочу... В целях улучшения генофонда!

И Машка в ярости топнула ногой по дорожке, взметнув вверх целый фонтан декоративной гальки.

Максим едва успел защитить глаза. Острый камешек царапнул его по щеке.

– И не говорите со мной как с чокнутой!

– Маш, но ты сама напрашиваешься! За улучшением генофонда следует обращаться в банк спермы.

– И обращусь! А там есть ваш образец?

– Нет.

– Ну и вот! – Машка отвернулась. В глазах ее стояли слезы. Меньше всего она сейчас думала об улучшении генофонда.

Ну ничего! Он у нее еще попляшет! Есть у Машки один способ. Ей бы только дожить до каникул! Вот она придет домой, сбегает на крышу, и Максим Игоревич будет у нее в кармане!

Больше всего Максиму сейчас хотелось ее обнять. Но делать этого нельзя было ни в коем случае.

* * *

Маша подходит к краю крыши, садится и болтает ногами. Запрокидывает голову, жмурится и смеется. Ветер ерошит ей волосы. Солнышко целует в макушки. Сперва в одну, а потом в другую. Маша счастливая, макушек у нее две.

Внизу потихоньку начинает собираться народ. Тычут пальцами, всплескивают руками.

– Гляди, гляди, девочка!

– Махонькая какая!

– На самом краю сидит!

– Куда только родители смотрят?

Машины родители смотрят дома телевизор. Маше они велели пойти погулять, но только чтоб от дома недалеко. Потом, когда Маша вернется, мама пойдет готовить на общую кухню, а они с папой будут пить чай. С конфетами.

На самом деле сидеть здесь совсем не опасно. По краю крыши установлен металлический барьер. Маша высунула меж прутьями ноги, крепко ухватилась за прутья руками. Она ничего не боится. Она как будто летит.

Маша – девочка послушная. Сказали недалеко – она и не пошла далеко. Она вообще из дому не вышла. Вместо того чтоб спуститься по лестнице, она поднялась по ней вверх. На последний этаж и дальше, выше, по железной лесенке, похожей на шведскую стенку в садике. До самой вечно запертой крышки люка. Она так тыщу раз уже делала. Долезет до потолка и слегка бодает головой крышку люка.

Вот только крышка в этот раз оказалась не заперта.

– Надо залезть и снять! Она ж так убиться может!

– Чудо, что до сих пор не упала!

– Да легко! В любой момент может. Дети ж ничего не соображают.

– Господи! Да что ж мы стоим-то!

И вот кто-то лезет наверх. Крышка люка откинута по-прежнему (в следующий раз Маша будет ее предусмотрительно за собой закрывать). Некто в два прыжка достигает барьера. Бесцеремонно хватает Машу под мышки. Резко выдернутые ноги оставляют часть нежной кожицы на прутьях, насильно оторванные от барьера ладошки кровят и саднят. Маша громко и возмущенно вопит, дергается, лягается, пытаюсь вырваться. Некто, не обращая внимания на Машино сопротивление, волочет ее за собой по крыше, не давая толком встать. Вниз, вниз, вниз. По железной лестнице, потом по обычной. Машка ушибается об углы, плачет, кричит, наконец вопит во все горло.

На лестничных площадках распахиваются двери. Из квартир высовываются люди. Неодетые, неприбранные, лохматые. В трусах, тапочках и халатах. С волосами, накрученными на бигуди. А вот и мама. Она выхватывает зареванную Машку из рук незнакомца и начинает с ним объясняться. Сперва на повышенных тонах, потом вдруг смущается, всплескивает руками, оправдывается, благодарит. Что вы, больше никогда!

Мама вталкивает Машку в квартиру. Судорожно прижимает к груди. Стискивает так, что невозможно дышать. И дает ей оплеуху, от которой Машка на секунду глохнет.

– Ты с ума сошла?! Как тебе в голову пришло?! Зачем вообще ты туда

полезла?! Двора тебе мало?!

– Что молчишь?! Отвечай, когда тебя спрашивают! – к маме присоединяется папа. Он тоже бледный, и голос у него дрожит.

Сами спрашивают, и сами же ничего не дают сказать!

– Вот придет в другой раз злой дядька и заберет тебя от нас навсегда!

– А этот был, что ли, добрый? – удивляется Маша, демонстрируя ободранные до крови ладошки с коленками.

– Этот добрый. Иди пить чай.

* * *

Крыша была задумана как кусочек рая. По замыслу архитектора повсюду должны были быть кадки с цветами, питьевые фонтанчики, лавочки.

Предполагалось, что жители дома станут по утрам делать тут зарядку, бегать и приседать, восхищаясь всходящим солнцем. А на закате, после трудового дня, отдыхать здесь на лавочках. Болтать, смеяться, сплевывая в кулак шелуху от семечек.

В солнечную погоду на крыше будут загорать, как на пляже. По вечерам устраивать концерты, ставить спектакли на маленькой круглой сцене. Рассевшись на трех ступенях-сиденьях, люди будут глазеть вниз, на сцену, хлопать и восхищаться.

По праздникам с крыши будут смотреть салют.

Почему все это не получилось, Маша не знает. Обо всех этих несбывшихся проектах она слышала от дяди Егора.

Дядя Егор такой старый, что и не двигается уже почти и ноги у него не ходят. Внуки вывезут его на коляске во двор, подвезут вплотную к доминошному столу и уходят. Дядя Егор сразу оживляется и наравне со всеми азартно забивает козла.

Но вечером, когда его партнеры расходятся по домам, коляска дяди Егора стоит иногда во дворе часами. Пока кто-то из родни не вспомнит и не спустится его забрать. Вот тогда Маша с ним и беседует. Залезает к нему на колени – дядя Егор говорит, ему не тяжело, он не чувствует, – и расспрашивает обо всем на свете. Дядя Егор все помнит! Он ведь еще до всего родился.

* * *

Крыша напоминает руины замка. Обглоданные дождем и ветром остовы скамеек, подставки под кадки и прочие, иной раз совсем непонятного назначения конструкции разбросаны по ее поверхности без всякого порядка и смысла. Среди этих благородных развалин встречаются осколки банок, бутылок, недокурные бычки, чернеют проплешины от костров.

Кроме Маши крышу регулярно навещают дворники, разнорабочие и всякая местная шпана, неопределившиеся. Им ничего не стоит взломать хлипкий, в общем-то, замок крышки люка. Да и Маша с ним уже неплохо справляется. У нее теперь есть отмычка, подарок дяди Егора.

Кроме дяди Егора, никто не знает, что Маша ходит на крышу. Ни мама, ни папа, вообще никто. А дядя Егор никому не скажет. Он только иногда просит Машу рассказать, как оно там, наверху. Маша рассказывает, ей не жалко.

По углам крыши стоят четыре скульптуры.

Та, что в восточном углу, трубит в горн. Мундштук отколот вместе с губами и кончиком носа. Вообще у статуи какое-то стесанное ветром или, может, недоделанное изначально лицо. Глаза только как живые, всё смотрят куда-то вдаль. Плащ развевается за спиной, и ветер треплет бесчисленные каменные складки.

В западном углу кентавр, сжимает в руках обломки туго натянутого лука. У лука нет ни тетивы, ни стрелы. Тетива, наверное, оборвалась, а стрела упала давным-давно.

В южном углу сидит женщина с растрепанными каменными кудрями и доброй улыбкой. На коленях у нее две детские фигурки. Обе без голов, но с остро торчащими из-под лопаток крыльями. Руки женщины лежат на детских плечах, как бы успокаивая, оберегая.

А в северном углу пристроилось вообще непонятно что – не то лев, не то гриф, а может, и вовсе скорпион. На хвосте жало, вместо рук и ног – птичьи лапы, лицо полульвиное, получеловечье. Глаза грустные, и Маше его поэтому жалко. Тем более что под носом у чудовища кем-то пририсованы зеленой несмываемой краской усы.

Дядя Егор говорил, что статуи эти – дело рук известного мастера. Он их начал, но не закончил. Дядя Егор не помнит уже почему. То ли помер внезапно, то ли посадили.

В центре крыши расположено что-то вроде амфитеатра – три полукруглых ступени-сиденья спиралью уходят вниз, к углублению сцены. Это такое специальное место. Если туда спуститься и встать прямо посередине, все, что скажешь, даже шепотом, немедленно отзовется эхом.

В первый раз Маша там встала случайно и жутко испугалась. Зато теперь это ее любимое место. Она оттуда понарошку беседует с Богом. Она его как будто о чем-то просит, а он ей как будто бы отвечает.

– Хочу, чтоб мне на день рождения подарили куклу!

– Куклу, куклу, – соглашается Бог.

– Похожую на настоящего малыша!

– Ша, ша! – увещевают ее. Дескать, поняли тебя уже, успокойся.

– Чтоб умела пить из соски и писать! – уточняет Маша на всякий случай.

– Писать-писать! – шелестит со всех сторон.

Маша прижимает ладони к ушам и смеется. Бог смеется с ней вместе.

Каждый раз, когда ее отсылают во двор гулять, Маша всегда сперва бежит вверх по лестнице, проверяет: вдруг люк открыт? Иногда везет, а иногда нет. Маша не дурочка. Если не заперто, то она сначала приподнимет крышку и слушает. Если чьи-то шаги или голоса, немедленно спускается вниз. А если нет никого, то для Маши наступает блаженство. Маша болтает сама с собой, танцует под лишь ею одной слышимую музыку и поет песенки, текст которых выдумывает на ходу. На крыше Маше всегда особенно здорово придумывается.

Или можно лечь на живот и подползти к самому краю крыши.

Маша теперь большая, она хорошо понимает, что стоять или сидеть на краю нельзя – так тебя снизу видно. Но если подползти к краю на животе, то внизу ничего не заметят. Так она теперь и делает – ложится и ползет по грязной крыше прямо в чистой розовой курточке или канареечных брючках. Неважно, скажет маме потом, что упала.

Мир внизу такой маленький! Человеческих лиц не разглядеть. Цветные фигурки двигаются туда-сюда, как в мультике.

Игрушечные деды под липой забивают козла. Маше кажется, она слышит, как с победным стуком опускаются с размаху на столешницу невидимые костяшки: «И раз! И два! А это ты видал? Накось выкуси!»

Игрушечные бабки сидят у подъезда на лавочке и сплетничают обо всех, кто прошел:

– Ты глянь, как расфуфырилась!

– Куда это она?

– Кто это с ней?

Игрушечные мамы катят перед собой игрушечные коляски.

Красочные машинки, урча моторами, ездят вперед-назад, точно их гоняет невидимая рука.

Две девочки вертят веревочку, а третья скачет. Большие девочки.

Наверное, их уже скоро в школу заберут. Вредные девчонки нарочно вертят веревочку все стремительнее и резче, третьей приходится подсакивать с каждым разом все быстрее и выше. Быстрее и выше, быстрее и выше, вот-вот ноги ее перестанут касаться земли, и она взлетит наверх, к Маше... Вместо этого девочка оступается, путается в веревке и чуть не падает. Другие две хохочут.

Машке делается скучно. Она отползает от края, перекатывается на спину и разглядывает облака. Растрепанные, похожие на охапки перьев. Облака плывут так низко над головой, что кажется, можно изловчиться и выдернуть перо.

Можно-то можно, да что потом с ним делать? Белое, огромное, ей чуть ли не по пояс. Если только спрятать здесь же, в трещины под ступенями амфитеатра. Там есть одна такая трещина, широкая, и уходит куда-то вниз. Может, даже доходит до верхней квартиры. Тогда у них эти перья будут торчать с потолка.

* * *

Пупс, похожий на настоящего младенца, возникает на стульчике у кровати в ближайший же понедельник, но почему-то не вызывает у Маши большого восторга. Пупс толстый, румяный, на лице его бессмысленная улыбка. Пупс пьет из бутылки воду и исправно делает свои дела на горшок. Он почти как настоящий ребенок, видно даже, что он мальчик. Но играть с ним почему-то скучно.

Может, просто она выросла уже из таких игрушек?

В следующий раз Маша будет умнее. Она попросит у Бога собаку.

* * *

– Ерофеев, Саша? Заходи, заходи. Да тебя не узнать, совсем взрослый стал. Как вспомнишь, каким клопом тебя привезли! Ты уж не обижайся, но мелким, вонючим, еще и кусачим! Хе-хе, бежит времечко-то, бежит! Надо б мне почаще выбираться из кабинета. Ну, присаживайся, не стой как неродной. Как экзамены? Все пятерки? Я и не сомневался. Надо б тебя за это дело премировать как-то. Путевочку хочешь к морю? Прямо на две смены, на все каникулы? Нет? А ты подумай, так сразу не отказывайся. Ты когда море-то видал? Небось, только в пятом классе, на экскурсии по

родному краю? Да что там можно успеть за три дня! Ни поплавать толком, ни позагорать...

– Адольф Семенович, ну вот зачем этот цирк? Вы прочли мое заявление?

– Да, конечно, заявление, как же. Читал, читал. – Улыбка на лице заведующего по воспитательной работе медленно гаснет. Заведующий снимает очки и трет пальцами мясистую переносицу. Водружает очки на место, двигает к себе внушительную пирамиду из папок. – Ну что же, Саша. Педагогический совет рассмотрел твою просьбу разрешить тебе навестить мать в период школьных каникул.

– И?

– К сожалению, вынуждены отказать.

– Так. И почему же? – Ерофеев так сильно стискивает под столом кулаки, что белеют костяшки пальцев.

– Причина та же. Встреча с близким человеком, находящимся в тяжелом состоянии, может стать непосильным испытанием для твоей неокрепшей психики. Ты все еще недостаточно стабилен.

– Слушайте, но мне ведь уже шестнадцать! Последнее время нам тут без конца твердили, что мы, дескать, уже взрослые! Так какого ж черта!.. – Он не выдержал и сорвался на крик.

– Саша, Саша, возьми себя в руки! Твое поведение лишний раз доказывает нашу правоту. Смотри, как ты легко теряешь контроль над собой. И это дома, где все свои. А если ты в больнице устроишь что-то подобное? Прости, но мы не можем так рисковать. Вот станешь постарше...

– Как, мама опять в больнице?! А я почему об этом не знаю?! – А он-то все ломал голову, почему вдруг перестали приходить письма!

– Не хотели тебя тревожить в разгар экзаменов. Не волнуйся, ей уже лучше. Непосредственной опасности нет. Не сомневаюсь, она скоро тебе напишет. Как будет в состоянии держать ручку.

«Держать ручку»! В памяти немедленно всплыли скрюченные, одеревенелые пальцы. «Сань, сынок, зажги мне, пожалуйста, сигарету. Только поосторожней, сынок, не обожгись смотри».

Кто ей там все эти годы сигареты раскуривает?

В который раз уже Ерофеев попытался вспомнить мамино лицо. Синесерые, кажущиеся огромными глаза с белками в красных прожилках. Тонкие ниточки бровей, всегда точно вздернутые в немом удивлении. Нос с маленькими аккуратными ноздрями, заостренный на конце, похожий на клюв хищной птицы. Полные губы, кожа на которых вечно трескалась, а в

уголках трещин запекались капельки крови. Кожа молочно-белая, прямо таки до легкой голубизны. Алые пятна на щеках. Темная родинка слева на подбородке. Морщинки, складочки, чешуйки шелушащейся кожи.

Кажется, он помнил ее всю, до последней малюсенькой черточки!

А все-таки картинка не складывалась. Лицо как бы убегало вдаль, расплывалось. Он все никак не мог собрать отдельные черты воедино, увидеть хоть на мгновение ее лицо целиком.

* * *

Лерка расстегивает куртку. Почему-то в школе всегда холодней, чем в городе. Идет, подставив грудь ветру. Только что прошел дождь, умытые им витрины сияют как новенькие. Она останавливается и заглядывается на манекен в шелковом белье. Хорошо ей, безголовой дуре! Живот плоский, грудь от силы второго размера. На такой любой лифчик ладно сидеть будет. Да ей и без лифчика неплохо. А когда у тебя в шестнадцать третий размер и грудь уже не держится ни фи́га? Живот зато торчит из-под куртки, и кожа на нем вся в каких-то разводах. Ляжки толстые. Как у свиньи. Вчера в зеркало на себя смотрела – чуть не расплакалась. И кто мог думать, что из нее вырастет такая корова? А ведь каким тощим, заморенным подростком скакала когда-то, лет пять назад. И вдруг – на тебе, откуда что взялось! Правильно Сергей говорит – кобыла.

Он, правда, немножечко не так говорит.

«Кобылка моя», – звучит у нее в ушах горячим, срывающимся шепотом, и она на миг останавливается, не в силах на ходу перенести эту тянущую сладость, возникающую одновременно в груди и внизу живота. Вдыхает, открывает глаза. И идет дальше медленно.

Улицы, знакомые с детства, кажутся с каждым приездом почему-то грязнее. Хочется поскорей взять метлу и начать мести.

Интересно, что ей этим летом подсунут в качестве общественных работ?

Родная школа-четырёхлетка. Во дворе копошится незнакомая малышня. Вон окна их класса. На стеклах до сих пор скачут нарисованные Леркой лошадки. Они тогда вышли как живые. Особенно если смотреть снизу, издалека. Учительница хвалила.

Собственный двор, похоже, тоже уменьшился в разы. Песочница, где, если покопаться, наверняка отыщутся спрятанные сто лет назад секретники, шведская стенка, с которой свешивалась на руках, воображая, что вот-вот

полетит, качели. Лерка присаживается на доску. Качели в ответ протестующе скрипят. Смущаясь, Лерка вскакивает. Вот ведь, в самом деле разъелась! Родные качели – и те уже не выдерживают. Ничего, сейчас устроим себе разгрузочный день, и завтра тоже, и послезавтра, и за лето сбросим все лишнее.

Правда, стать такой, как раньше, все равно не выйдет. Она ведь еще и вытянулась за зиму. Вон какие ноги теперь длиннющие! Хотя длинные ноги – хорошо. Ну хоть что-то в ней должно быть хорошего?

– Лерочка! Ты что там стоишь?! Поднимайся! Блины стынут! Я целую миску напекла. И сметаны свежей утром купила! Все для тебя! А ты стоишь!

– Бегу, мамочка! Уже бегу! – Сглатывая на бегу слюнки, несется на четвертый этаж, перескакивая через три ступеньки.

* * *

Гудок электрички сливается с заводским. Утро безумно раннее. Сергей переходит через пути, взбирается по насыпи вверх. Знакомая тропа заросла травой.

У родной дыры в заборе его ждет сюрприз. Дырка заделана намертво металлической сеткой. Ха, думают, нашли фраера! Пусть, кто хочет, ходит в обход. У Сергея на такой случай есть волшебные ножницы. Клик, клик, клик – и сеточка крякает. Он протискивается в проделанную дыру и топает дальше. Впереди его ждут новые испытания.

Гора сверкающих никелем водопроводных труб. Глубокая траншея, где, готовясь к эксгумации, все еще покоятся на дне трубы старые. И сплошная стена из притиснутых друг к другу гаражей.

Сергей в три прыжка преодолевает гору. С разбегу перемахивает траншею. Протискивается в щель между гаражами. И вот он – home, sweet home! Он нащупывает в кармане ключ от квартиры. Наверняка родители на заводе. Завтра он тоже к ним присоединится. Как же, четыре часа общественных работ – это святое! Хотя в родной автомастерской, где он инструменты подавал с тех пор, как ходить научился, это только в охотку. Сам бы заскучал, если б вдруг не позволили.

Но это все завтра.

А пока он смывает с себя грязь и пот. Придут родители, они вместе сядут обедать. Он достанет подарки. Интересно, понравится ли батюшке ножик? Мамка-то в свой платок по-любому вцепится. Ей хоть буро-малиновый,

хоть какой, еще и плакать над ним ночью станет. Хотя Сергей, конечно, старался, чтобы под цвет глаз.

У них с матерью одинаковые глаза, серо-голубые, как небо в грозу. И волосы у матери тоже рыжие, хотя теперь уже наполовину седые. А носы разные – у Сергея чуть вздернутый, а у мамки картошкой. От этого мамка особенно какая-то уютная и родная. С другим носом могла б быть красавица, к какой и подойти страшно.

На Сережкин взгляд, женщина не должна быть чересчур красивой. Красивой-то она, конечно, должна быть, но не так, чтобы от нее в дрожь бросало. Всегда должен быть какой-то изъян. Вот у Лерки, например, зубы крупные, неровные. И улыбка от этого выходит не ледяная, как у модели с экрана, а теплая, человеческая. Стоит Лерке улыбнуться, у Сережки в груди сердце так и ёкает. Сразу хочется обнять, прижаться.

А классно будет впервые за полгода отмокнуть как следует в теплой ванне. Какое мытье может быть в общем душе?! Он сдерет с себя все, бросит прямо на пол большой разноцветной кучей. Хлюпнется в теплую воду. В воде тело сразу сделается невесомым. Цапнет с бортика непромокаемый пульт, хлебнет пивка холоденького из банки...

Уговорить бы предков сделать в ванной экран побольше! Чтоб во всю стену, как у Андреевых. Он сам даже теперь сможет это частично профинансировать. Небось в году вкалывал будь здоров, не филонил.

Фильм какой-нибудь поставить покруче. С драками чтоб, с погонями, трупами. Чтоб кровища во весь экран. Чтоб дракон кого-нибудь сожрал. Что еще нужно человеку для счастья?

Но сперва все-таки звякнуть Лерке. Интересно, что она делает сейчас? Может, тоже мокнет в ванне? Он представил это себе и на секунду зажмурился. Достал мобильник, нажал клавишу быстрого набора.

Не отвечает. Это еще почему?!

Час назад была еще в поезде, как и он. Давно уже должна быть дома. Ехать ей на полчаса меньше, чем ему. Между ними всего-то сто километров с четвертью. Причем четверть эту он сам намерил ногами. Вечно эти электронные устройства врут или, на худой конец, дают весьма приблизительную информацию.

Может, телефон у нее разрядился?

– О! Привет! Наконец-то! Где шляешься? Что значит – «мобильник в куртке»? А ну щас же повесила на шею, как ошейник! И так и ходи. Что значит «не получится»? Почему? Ленты подходящей нет? А что на тебе сейчас? Какого цвета? Черт, когда ты успела переодеться?

В их доме, на краю поля, будет у них две ванны. Одна простая и одна

двойная, с джакузи. Или уж не мелочиться, а оборудовать сразу в подвале настоящий бассейн? С подсветкой? Вечером надо покопаться в сети, прикинуть разные варианты.

* * *

– Ты опять выросла, – сказала мама печально, пока пес Джим восторженно облизывал Машкино лицо. Тоже небось бедняга, недоумевал – раньше-то ему запросто это удавалось, а теперь вон как высоко приходится подскакивать! – Просто невозможно! Все, что я купила, уже не годится.

– Да ладно, не расстраивайся. – Машка виновато клюнула губами мамину щеку. – Пойдем в магазин и все поменяем. А папа в лаборатории?

– Папа в поликлинике. Врач велел кардиограмму сделать. Что-то сердце шалит у него в последнее время.

Машка сочувственно покивала головой, хотя словосочетание «сердце шалит» никак у нее с папой не вязалось. Папа у Маши высокий, стройный, молодой и влюбленный в маму. Один взгляд, которым он на нее смотрит, чего стоил. Интересно, сколько же папе лет? Должно быть, сильно за пятьдесят. Машка ведь у них поздний ребенок. Между ней и старшим братом десять лет разницы. Когда Машка родилась, брат уже год как был в школе. Так и выросли поврозь.

– Пойду распакуюсь! – Машка волочет по коридору сумку, чувствуя, как прогибаются под ногами и поскрипывают разохшиеся паркетины. – Кликнешь меня, когда придет папа?

– Не придешь ко мне поболтать на кухню? Рассказать, что у тебя происходит, что выбрала на следующий год?

– Мам, да я тебе по телефону сто раз уж про все рассказывала!

– По телефону не то. По телефону разве про все расскажешь?

Машка вздыхает. Нет, она, конечно, очень любит маму. Но, честно сказать, в первые дни после приезда с ней бывает нелегко.

– Хорошо. Но дай мне сперва хоть в туалет сходить и умыться.

Она долго плескалась и строила зеркалу дурацкие рожи. Вот вам всем! Как в нее можно не влюбиться, когда она так улыбается? Кто перед ней устоит?!

– Как Никита?

– Никита хорошо. На прошлой неделе мы у них были. Маленькие такие забавные! Хотя какие они маленькие! Старшему на будущий год уже

в школу.

– Не может быть! А куда? К нам, в Святичи? Было б здорово! Я б за ним присмотрела. Все ж таки племянник родной.

– Нет, в Крутичи. Так Света хочет. Говорит, все-таки поближе.

– А смысл? Навещать же все равно не дадут! Она что, не в курсе, какая про эти Крутичи слава? Мы туда на соревнования ездили – сыро, неуютно! Болота кругом. Речка, правда, рядом, но все равно она за территорией. Не, завтра первым делом побегу к Никите. Пока меня в работу не запрягли, попробую им мозги вправить.

– Попробуй. Меня они вряд ли послушают. Учти только, что Света сама из Крутичей. Она-то на них другими глазами смотрит.

– И что?! Какая разница, где кто учился! Есть же ведь объективная реальность. Все знают, что наша школа... – Она не заметила, как хлопнула дверь. Спыхватилась, только услышав над ухом:

– Маруська, побойся Бога! Выкинь хоть на пару месяцев школу из головы! Ну, приди в себя, ты же дома.

– Папа! – Она вскочила и повисла у него на шее.

Отец устоял, хоть и болезненно сморщился. Расцепил Машкины руки и аккуратно поставил ее на пол.

– Потихе, ведь убьешь ненароком.

А раньше всегда говорил «задушишь», вспомнилось Машке.

– Пап, что они тебе сказали про сердце?

– Стучит, куда оно денется? А что они могут сказать? Следить надо за собой, беречься, не волноваться. Я их спрашиваю: «А жить за меня тогда Пушкин станет?» Не дают ответа. От общественных, правда, освободили.

– Да что ты?! Надолго? Значит, думают, с тобой что-нибудь серьезное? – Мамины руки опускаются, голос сразу начинает дрожать.

– Пока сказали – на пару месяцев. И очень кстати. Займусь наконец-то всерьез монографией. Удачно, что с Машкиными каникулами совпало. Да не смотри ты на меня так, малыш! А то мне уже и самому страшно. – Папа досадливо машет рукой на маму. – Оставь, меняй уже выражение лица! А что мы все про меня да про меня? Маруська, колись давай, что наметила на тот год, какие свершения? Как было на экзаменах?

Машка в сотый раз принимается рассказывать про философию, религию, языки. Что алгебра пять, история пять, обществоведение вообще пять с плюсом. А геометрия слегка подкачала, четыре. Но это неважно. На подготовительный в вуз она все равно прошла.

На середине речи Машка внезапно осознает, что родители ее вовсе не слушают. Стоят, смотря, как шевелятся ее губы, и переглядываются между

собой.

* * *

Ночью Машка просыпается и не сразу может взять в толк, где находится. По лицу ее, по подушке, по одеялу пробегают полосы света от проезжающих машин. Кровать стоит вплотную к окну, в нише, за занавеской. Со всех сторон окружают Машу картины, книги, с детства знакомые безделушки.

Машка приподнимается на локте и прислушивается. Джим, спящий у нее в ногах, счастливо сопит и нежно покусывает ей пальцы. Машка в ответ треплет пса по ушам.

Машка слышит, как кто-то всхлипывает, и понимает, что это мама. Это не новость, в первые дни Машкиных каникул мама постоянно плачет. «Сказывается напряжение, – объясняет она. – Я ж только и выдыхаю по-настоящему, когда тебя наконец увижу».

Машкина мама – художница. При ее профессии допустима некоторая излишняя эмоциональность. Но иногда, думает Машка, мама все-таки хватается через край. Нельзя ж, в самом деле, так распускаться!

– Тише, тише, успокойся, – шепчет за занавеской папа. – Ну что ты, что ты? Все ведь уже кончилось. Она дома и спит.

– Ничего еще не кончилось! Она опять уедет.

– И опять вернется. Ничего не сделаешь. Такова жизнь.

– Мне бы твои стальные нервы! У меня сердце каждый раз обрывается. Что с ней там, где она? В конце концов, я не выдержу.

– Выдержишь. Не так уж много осталось. Каких-то пять лет. С Никитой-то мы пережили. И с Машей переживем.

– С Никитой было куда проще! Мы с тобой были молодые. Потом Машка родилась. И я тогда еще ничего не знала! И, вспомни, все равно каждый раз я плакала.

– Ну что сделаешь, раз ты у меня такая плакса. Спи, Машку разбудишь.

– Как я могла решиться на второго ребенка?! Только ты мог уговорить меня на такое! Как подумаешь...

– Перестань думать. Не накручивай себя. Радуйся, какая она у нас прекрасная!

– У нас ли? Сень, я все-таки ужасно боюсь. Помнишь, у сестры у моей... Я тебе еще когда рассказывала...

– У нас, у нас. Спи. Ничего я не помню. И ты забудь.
У какой сестры? У мамы никаких сестер не было.

* * *

– А знаешь, – говорит мама, – дядя Егор-то ведь умер.
– Да что ты! Жалко! Классный был дед такой!
– Ну он ведь уже старенький был. И не ходил столько лет.
– Все равно! Мне его будет не хватать.
– Он тоже к тебе хорошо очень относился. Спрашивал всегда про тебя.
Ой, чуть не забыла! Он ведь тебе кое-что оставил. Подозвал меня месяц назад на улице и отдал. Передайте, говорит, вашей Маше. Прямо как, говорит, специально для нее сделано. А сами-то вы, говорю, что же? Вот в каникулы она приедет, вы ей и отдайте. А я, говорит, наверное, уже не успею. И так еще улыбнулся. Как чувствовал человек!

Мама протягивает Машке полотняный мешочек.

– Что в нем? – спрашивает Маша.

– Не знаю. Сама смотри.

Машка распускает горловину мешочка, и на ладонь ей падают четыре фигурки, размером чуть больше косточек домино. Кентавр, горнист, женщина с детьми и этот черт его знает кто.

* * *

– Это, Машка, химера. Древние верили, что химеры обладают даром прозрения. Видишь, она как бы представляет собой единство животных царств: тело млекопитающего, к коим, как тебе известно, относится и Homo sapiens, птичьи ноги на кривых когтях и хвост скорпиона. Таким образом, у химеры как бы есть возможность судить обо всем со всех точек зрения сразу. С максимальной, так сказать, объективностью.

Лицо горниста было обветренным и суровым. Впрочем, возможно, такой эффект создавался ноздреватостью камня.

Кентавр посылал вперед стрелу с зеленоватым наконечником. Копыта его были отполированы до блеска, могучий атлетический торс возвышался над лошадиным крупом. А лицо было неожиданно простоватым. Прямой нос, широкие скулы, чуть вьющиеся на концах волосы. Ни дать ни взять паренек из их класса.

Женщина обнимала двух крылатых мальчишек – улыбчивых, озорных, курносых.

– Пап, а разве ангелы такие бывают?

– Вот начнешь свою «Историю мировых религий» учить, там тебе все про ангелов объяснят. Какие бывают, каких не бывает, и бывают ли ангелы вообще. А это, может, и не ангелы вовсе.

– Как? А кто же они тогда такие?

– Может, просто пацаны с крыльями. Аллегория какая-нибудь. Мало ли.

* * *

Ночью, дождавшись, когда все заснут, Машка на цыпочках выбирается из квартиры. Поднимается на последний этаж, карабкается по железной лестнице. В кармане у нее отмычка. Тоже, между прочим, давнишний подарок дяди Егора. Машка приподнимает крышку люка, и ветер с силой ударяет ей в лицо. Как бы ее не сдуло отсюда к чертям собачьим! Пригибаясь и хватаясь по дороге за все, что придется, Машка ощупью пробирается к своей цели. Темно вокруг. Не видно ни зги. Ни звезд, ни месяца, ни даже у нее с собой карманного фонаря.

Но Машка крышу как свои пять пальцев знает!

Ну вот он, амфитеатр! В последний миг, уже на ступеньках, Машка оступается и кубарем скатывается вниз. Ничего страшного, здесь невысоко. Хотя синяков она, конечно, набила немерено. Может, оно и к лучшему. У всего ведь должна быть своя цена. С трудом поднявшись, Машка выходит на заветное место.

– Привет-привет! – здоровается она.

– Привет-привет, – откликается вокруг нее тьма.

– Понимаешь, Бог, я тут, кажется, влюбилась, – начинает Машка объяснять ситуацию.

– Билась, билась, – соглашается с нею тьма.

– Так вот, не мог бы ты сделать так, чтобы и он в меня тоже?

– Тоже, тоже, – заверяют ее со всех сторон, и Машка счастливо улыбается.

* * *

Максим ругнулся вполголоса, едва не пропустив поворот.

Мог бы, конечно, и в полный голос, в машине-то, кроме него, никого, но вот вечная эта привычка жить с оглядкой...

До моря оставалось еще изрядно, но дыхание его – соленое, влажное, с легкой примесью мускуса – уже чувствовалось вовсю и шибало в башку почему зря!

Многие не понимали, зачем ему этот цирк с машиной, самолетом ведь быстрее и легче. Ну вот как таким объяснить, что эти три дня пути для него едва ли не важнее, чем весь прочий отпуск? Когда еще он мог почувствовать себя абсолютно свободным, как не в дороге с машиной наедине?

Он мог останавливаться, где хочет, и стоять битый час на обочине, любясь закатом и не трогаясь с места, пока самого не потянет ехать дальше. Мог застрять где-нибудь в лесу на полдня, выйти из машины и упасть ничком в траву. И перекатиться на спину и глазеть на облака и даже, прищурившись, на самое солнце. Мог сидеть, затаив дыхание, в кустах и слушать птиц и, если повезет, увидеть, как несмело высунет нос какой-нибудь зверь. Мог разжечь вечером костер, и смотреть всю ночь на языки пламени, и заснуть только под утро, встретив пепельно-серый рассвет с розовеющей на востоке полоской зари, и проспать потом полдня. Он мог быть собой!

Он мог нигде не регистрироваться – нахождение в пути само по себе вполне уважительная причина.

Справедливости ради стоит упомянуть, что он не раз звал с собой Дусю. Не потому, чтобы его к ней влекло – в бесплотной, худенькой, вечно сгорбленной Дусе трудно было разглядеть женщину. Максим, во всяком случае, даже и не пытался.

Просто Дуся ему нравилась как человек – как она близко к сердцу принимала радости и горести своих ребят, как всегда горячо их защищала перед начальством. Как настоящая мама, Дуся могла допоздна настирывать и наглаживать пацанам белые рубашки перед каким-то мероприятием – ну а что, они ведь сами не умеют как следует! Ночи напролет просиживала она в изоляторе с кем-нибудь заболевшим, на прогулках повторяла с ними стихи и таблицу умножения, рассказывала перед сном сказки. Дети ее ярко выделялись среди прочих, неприкаянных и ничейных душ, табунами носящихся по школе. Эти были не ничьи. Эти были Дусины до мозга костей.

Макс даже иногда им завидовал.

Но все-таки, все-таки...

– Понимаешь, – смущенно оправдывалась Дуся, – не люблю я уезжать из школы. Здесь для меня все понятно и просто. А там все не разбери-поймешь как устроено. Понимаешь, школа ведь мой настоящий дом, я другого не знала. Родители мои здесь учились. Они даже не были формально парой, я у них получилась как-то случайно. Пока школу заканчивали, навещали меня в детблоке. А потом им не до меня стало. Жизнь закрутила, то-сё. В первые годы после выпуска случалось еще на родительские дни приезжали. То вместе, то порознь, то с супругами. Потом дети у них свои пошли, и они сочли, видно, что я взрослая уже и не нуждаюсь.

Один раз, когда еще мой сводный брат здесь учился, папа нас обоих к себе на каникулы забрал. Знаешь, жутко мне не понравилось! Чужие люди, я их явно стесняла. Жена вдруг стала отца ко мне ревновать, так, будто я сама отчасти была моя мама. Дети их от домашней вольницы совсем очумели. Как поняли, что мама их за что-то меня не любит, начали изводить – то соль в чай подсыплют, то воду в постель нальют, то жвачку к одежде прилепят, в ботинки наплюют. Смешно, конечно, но все-таки противно ужасно! Короче, больше я в такие авантюры не ввязывалась. Мать как-то звала к себе – сказала ей нет. Хочешь меня видеть – сама сюда приезжай. А мне и здесь хорошо. Гулять и у нас есть где. Вон какой лес кругом!

– Что ж, ты даже в отпуск никогда не ездила? – не сдержавшись, поддразнил ее Макс. – Неужель не интересно, как оно там, за оградой?

– Нет, почему же? В молодости пару раз выбиралась полюбопытствовать. А сейчас уже даже как-то не тянет.

В молодости! Дусе не было еще сорока. Но она и правда казалась старушкой. Сухонькая, сгорбленная. Соломенные волосы вечно гладко зачесаны назад, из-под очков в немодной оправе светятся стальным блеском темно-серые всепонимающие глаза.

– Что ж, ты и не влюблялась ни разу? Так всю жизнь сердце и промолчало? Погоди, у тебя ж вроде был кто-то в старших классах? Высокий такой, красивый. Помнится, я вас издалека видел вместе.

Они с Дусей лишь самым краешком совпали в школе по времени, да к тому же и учились в разных потоках.

Сам Макс только недавно стал приходить в себя после тяжелого развода. Типичный случай – сошлись еще в школе, оба пьяные от неожиданно свалившейся на их головы и, как потом выяснилось, кажущейся вседозволенности и свободы. Замутили дом, развели в нем детей. Дураки были, смеялись много. Все казалось не всерьез, все их, как

маленьких, забавляло.

Потом дети выросли, их позабিরали в школу. И вдруг выяснилось, что у них с женой нет ничего общего. И похоже, никогда и не было. Бывает. По статистике, чуть ли не с каждым третьим. И кстати, довольно типично, что после всего этого он вернулся в школу зализывать раны.

– Да что ж я не человек, что ли? – Дуся улыбнулась, и глаза ее за стеклами очков сразу поглубели. – Была любовь, как не быть. Отличник, медалист. В баскетбол за школу играл. Все всерьез, вместе жили в семейном блоке. Собирались в университет поступать. Науку двигать, мир менять, ни больше ни меньше. Когда дочка родилась, никому ее отдавать не хотели. С рук на руки друг другу передавали. Бегали на уроки по очереди. А то и с ней в кенгурушке, когда спала хорошо. Проснется, захнычет, я ей сразу сиську в рот. Почмокает и опять заснет.

– Дуся, у тебя есть ребенок?!

– Ну да. Дочка Марта. Теперь-то она уж взрослая! А тогда, перед самым выпуском, обнаружился у меня вторичный сколиоз. И всё сразу коту под хвост.

– Так поздно?! Да еще после родов?! Так же не бывает!

– Иногда, как видишь, случается. Не повезло. Вадим уехал в университет, а я осталась лечиться. Ну собственно, и всё.

– А дочка?

– Понимаешь... мы с Вадимом хотели, чтобы у нашей Марты было нормальное детство. Чтобы в нем было что-то помимо школы. Я-то ведь все равно лежала, заниматься ею не могла. Мы решили, пусть Вадим ее увезет с собой. Ей было уже пять лет, большая девица, разумная. И потом, мы ж тогда глупые совсем были. Думали, я, когда вылечусь, к ним присоединюсь. А Марта, когда придет время, поступит, конечно, сюда, в нашу школу. Наивные были как дети!

– И?

– И ничего. Вторичный сколиоз – ну ты ж знаешь. Минимум два года постельного режима. Потом еще год в аппарате. Потом, конечно, можно уже что хочешь, но, честно говоря, потом обычно уже ничего не хочется. Я разговаривала с психологами – это не со мной одной, это с большинством так бывает. Что-то в тебе ломается. Ничего... Курсы воспитательниц тоже не так плохо. Других и на это уже не хватает.

– А Вадим? А Марта?

– Вадим сперва меня навещал. И девочку нашу привозил с собой. Но... ты ж понимаешь. Учеба, общественная работа, ребенок маленький. Девушки всякие вокруг – красивые все, здоровые. Я Вадима понимаю, он

не железный. Женился. Защитил диссертацию. Теперь известный ученый. Я им даже отчасти горжусь.

– Слушай, как тебе удается всех понимать? Родителей, детей, Вадима этого своего?! На твоём месте, я б его возненавидел!

– А смысл? – Дуся пожала плечами.

– А Марта? Почему она сюда не вернулась? Ну когда ей десять лет исполнилось?

– Понимаешь, у Вадима появилась возможность устроить ее в другую школу. Элитную, при университете. Мы оба решили, что так будет лучше. Марта выросла интересным человеком. Она журналистка. Иногда она меня навещает. Хорошая девочка. Но, понимаешь, взрослая уже совсем. Для чего ей мама?

* * *

Зарегистрировавшись в гостинице, Максим с временного номера зашел на сайт местных общественных работ. Хм, что б такого выбрать, потяжелее и попротивней, где час идет за два? И чтоб не слишком рано, и не очень поздно, и от гостиницы не слишком далеко...

В конце концов Максим выбрал мытье туалетов в торговом центре, с двенадцати до двух, когда на море идти все равно уже жарко, а бары, пабы и прочие зланные места еще закрыты. А чего нам? Мы не брезгливые. Рабочий комбинезон у него с собой. А если что, так море же в двух шагах. Из моря ты всякий раз выходишь как заново родившийся. Оно с тебя все смывает и в пучину уносит.

Через полчаса Максим, одетый в одни лишь умопомрачительные красные плавки, нырял с пирса под восхищенные вопли девчонок.

А чего? Знай наших! В нашей школе один из лучших в стране бассейнов. Наша школа выпустила немерено кандидатов в мастера по плаванию и прыжкам в воду! В нашей школе каждый мальчик и каждая девочка...

Ох, да ну ее уже на фиг, нашу школу! В отпуске он или нет?

Максим шел по набережной, и в наступающих сумерках каждый встречный огонек манил его новой возможностью зайти, и заказать, и немедленно выпить, и закусить. Услужливые мальчики и девочки тратили свои общественные часы на то, чтоб смешивать ему коктейли и добавлять в них колотый лед. И нарезать закуску, и подносить огонек к его сигарете. Прелестные девицы в бикини призывно улыбались ему с шестов.

В нашей стране все равны! Сегодня ты – завтра я. Сегодня меня – завтра тебя. Сегодня со мной – завтра с тобой. Счастье для всех, и пусть никто не уйдет обиженным!

Ох, только бы не напиться, а то ж он и к двенадцати не встанет! Не хватало только записи в личное дело, что в первый же день не вышел на общественные работы.

* * *

Крайняя кабинка в женском туалете между четвертым и пятым этажами была по-прежнему занята. Каждый раз, закончив отскребать от говна очередной санузел, Максим возвращался на это треклятое межэтажье, вежливо стучался и уходил, не получив ответа.

Может, там и нет никого? Может, просто дверь заклинило?

Он припал к двери ухом, уловил частое прерывистое дыхание и еле слышный, сдавленный всхлип.

– Что с вами? Вам плохо? Ну, ответьте же, пожалуйста, а то я буду вынужден обратиться в охрану!

– Не на-адо никого зва-ать, – донесся наконец из кабинки плачущий голос. – Со мной все хо-ро-шо. Вы только уходите, пожалуйста!

Голос звучал настолько по-детски, что Максим не на шутку встревожился. Дети до двадцати одного года не могут находиться на территории молла без сопровождения. Это аксиома.

– Выйдите, пожалуйста! – настаивал он. – Я должен убедиться, что у вас все в порядке.

– Уходите! Вам что, неясно сказали?! Вы что себе позволяете?! Вообще, что вы делаете в женском туалете?! – на сей раз в голосе прозвучало вполне взрослое отчаяние.

Максу стало стыдно.

– Девушка, – заговорил он просительно. – Поймите, я не могу уйти. Я клининг-менеджер. Сейчас по расписанию санитарный час. Вы сперва дайте мне убратся, а потом, если хотите, залезайте туда обратно и сидите там хоть до морковкина заговенья. Точнее, до следующего санитарного часа.

За дверью всхлипнули, но промолчали. Максим почувствовал, что победа уже близка.

– Девушка, – решительно сказал он. – Выходите или я дверь вышибу!

На самом деле, это была пустая угроза. Вышибать двери при любых

обстоятельствах строго-настрого воспрещалось, поскольку двери были хлипкие, полые внутри, трескались на раз, и поди ее потом почини, эту дверь. Но девушка-то этого знать не могла!

Замок щелкнул. На пороге кабинки показалось длинноногое существо в умопомрачительном серебристо-прозрачном мини. До кучи это мини было еще и разорвано до пупа, и существо с трудом придерживало его на груди руками. Существо шмыгало носом и размазывало по щекам слезы, сопли и макияж.

Черт, без десяти два! Откуда она здесь взялась в таком виде? С ночи тут сидит, что ли?

– А когда следующий санитарный час? – уныло спросила девица вместо приветствия.

– В два ночи. А ты что, здесь жить собираешься? – участливо поинтересовался Максим, оперативно орудуя шваброй, так как время, отведенное ему на уборку, заканчивалось и пора было сдавать инвентарь. К счастью, кабинка оказалась на удивление чистой.

– Да. Может быть. Не знаю. Я теперь совсем ничего не знаю! И вообще, куда я в таком виде пойду? – И девица безутешно разрыдалась.

Выглядела она тютелька в тютельку на свои законные двадцать один и ни минутою старше. Максим внезапно ощутил себя в привычной роли учителя.

– Так, – сказал он. – Стой тут и никуда не уходи. Впрочем, действительно, куда ты в таком виде пойдешь? Тебя ж нравственный патруль в два счета загребет в таком прикиде. Вот что, лезь давай обратно в кабинку и никому больше не открывай. Сейчас я сдам швабру и прочие причиндалы, душ приму и вернусь сюда за тобой с нормальной одеждой. Какой хоть у тебя размер?

* * *

Переодевшись в майку и джинсы, она слегка успокоилась, но выглядела по-прежнему настороженно и как-то безнадежно тоскливо.

– Тебя как звать-то? – спросил Максим.

– Галадриэль, – ответила она без всякого выражения.

Максим сочувственно присвистнул.

– Кто ж тебя таким имечком наградил?

– Ну кто-кто? Родители. Главное, назвали, а сами слиняли из школы и за столько лет ни гугу. А я теперь ходи мучайся. Нашла б, поотрывала им

кой-чего. Но где ж их теперь искать-то? К тому ж вряд ли они все еще вместе.

– Так ты из школьных детей? Ну ясно, ясно. – Максим понимающе покивал.

– Ну и чего тебе ясно? Чего тебе ясно, дядя? Вот все вы такие уроды! Понаделаете детей без счету, а школа потом с ними мучайся. А они, наоборот, со школой. И так по кругу. Ненавижу! – Она заскрипела зубами, и лицо ее исказилось.

– Ну тише, тише. – Максим положил было ей руку на плечо, но она шарахнулась, как от удара. – Зачем ты так уж сразу про всех-то? Ты, наверное, недавно только школу окончила?

– Этим летом. Ну и что с того?

– Да ничего. Просто ты еще не научилась разбираться в людях и в ситуациях. Наверное, и за оградой одной ни разу побывать не пришлось? Да это все придет, не волнуйся. Со временем...

– Ну хорошо, а до этого мне что, в кабинке туалета сидеть? – задиристо перебила она его.

Максим смутился.

– Да нет, зачем же в кабинке? Ты вообще как там оказалась? Ты ж мне и не рассказала еще ничего. Давай, давай, не стесняйся, выкладывай! Глядишь, я тебе помогу.

– Никто мне теперь не поможет! – Лицо ее сморщилось, и Галадриэль горько заплакала.

Помня ее первую реакцию, Максим больше не пытался к ней прикоснуться. Он просто протянул ей пачку бумажных платочков.

– Понимаешь, – сказала она сквозь слезы, – я приехала сюда только вчера. Прямо из школы, понимаешь? Прямо с самолета пошла, как положено, в отдел общественных работ. Они мне там дали список.

– Так. – Максим начал догадываться, в чем дело. – И что же ты выбрала?

– Услуги по сопровождению. – Галадриэль совсем по-детски шмыгнула носом. – Мне одна тетка в очереди посоветовала. Говорит, работенка непыльная и к тому же час считается за два. Я не думала, что будет так мерзко. Я думала, будет прикольно. Думала, ну может же кому-нибудь просто быть одиноко. И я ведь тут тоже совсем одна. И теперь я... Я ведь там зарегистрирована на две недели. Ой, что ж со мной теперь будет, ой, божечка мой! – голос ее опять сорвался.

Максим опять терпеливо дал ей прореветься. Что ж, она права. Взрослая уже, должна понимать. Две недели неявики на общественные

работы – это вам не шуточки. Но господи, какой же мерзавец ей попался! Видел же, что перед ним ребенок совсем! Бывают же мрази!

– Он... что-нибудь... с тобой сделал?

Галадриэль замотала головой.

– Он не успел. Я убежала. Мы были в номерах, на верхнем этаже торгового центра.

– Не плачь, – сказал Макс, чувствуя себя отчасти добрым волшебником. – Не конец света. Сейчас мы с тобой все это разрулим. Сперва пойдем к врачу. Он даст справку, что у тебя нервный срыв, и бюллетень на два дня, и официальное освобождение от данного вида общественного труда из-за полной твоей к нему профнепригодности. Это ж любому невооруженным глазом видно! Потом мы с тобой в первом же интернет-кафе зайдем на соответствующий сайт – я тебя научу, у вас же там в школе, небось, и доступа к интернету толком не было? Да ничего, это просто. Ты там регистрируешься, и сама, без всяких дурацких теток, устроишься на эти две недели посудомойкой в какое-нибудь кафе. Хорошо?

Галадриэль быстро-быстро закивала и так вцепилась ему в руку своими накладными когтями, что Макс чуть не взвыл. Она точно боялась, что он вот-вот исчезнет, растает в воздухе и она опять останется наедине со своими проблемами.

«Господи, хранил бы ты, что ли, их, идиоток! – мысленно воззвал Макс. – А если бы моя Машка так?!»

Его прямо-таки замутило от одной мысли, и он даже не заметил, что впервые в жизни назвал Машку своей.

* * *

В огромном полутемном зале столовой они сидели вдвоем. Детей давно уже покормили и увели спать. Учителя и обслуга в каникулы редко когда ужинали в столовой, в крайнем случае делали заказ, и ужин присылали к ним на квартиру. Старшие школьники, по возрасту уже освобожденные от ежеминутного надзора, но в силу обстоятельств не выпущенные на каникулы, ужинали, конечно, в столовой, но не по расписанию, а кто во что горазд. Повара просто не убирали после раздачи котлы, зная, что иные голодные души совершают набеги на столовую прямо посреди ночи.

Вообще, в каникулы в школе царила полная расслабуха, особенно в вечерние часы, когда немногие необходимые дела были уже переделаны.

– Ну что, друзья встречаются вновь? – Ерофеев забрал у Ани поднос и помог поставить на стол. На подносе вперемешку громоздились яблоки, котлеты, куски хлеба, сыра, огурцы, помидоры и стояли две чашки холодного чая. – А гречку чего не взяла? Гречка ж вроде на дне еще оставалась.

– Да ну ее! – Аня смешно сморщила нос. – Холодная, не хочу!

– А говорила – быка съешь!

– Быка – да. А холодную гречку не стану.

– Однако ты привереда!

С утра, покормив зверей в мини-зоопарке и сообщив организовав им сравнительно сносное существование, они вдвоем выбрались за ограду и махнули на речку. В каникулярное время два бродящих без присмотра подростка не слишком бросались в глаза. Речка и без них кишмя кишела детьми. До обеда они купались, потом пошли в лес, на свое любимое место, развели костер и напекли картошки, которую Аня натаскала с кухни во время дежурств. Наевшись, растянулись на траве, незаметно задремали и продрыхли до сумерек. Свежий воздух пьянил не хуже вина.

Проснулись оба от холода и некоторое время сидели в обнимку, стуча зубами и греясь друг об дружку. Прикинули, не разжечь ли снова костер. Решили, что не стоит – поздно уже, к тому же темнеет, огонь могут заметить из школы.

Вернувшись обратно, каждый отправился к себе, чтобы принять душ, одеться потеплее и доработаться с делами.

Саша Ерофеев, у которого в его хоромах под лестницей, конечно, не было санузла, мылся, как всегда, в огромной душевой при бассейне. Сейчас тут было непривычно тихо. Слышно только, как назойливо капает вода из крана в дальней кабинке. Саша попробовал было закрутить кран до упора, но чуть не сорвал резьбу. Надо будет отметить в журнале. Пусть вызовут сантехника.

Прошелся по мини-зоопарку, посмотрел, все ли у всех в порядке. Попугай жакко был какой-то грустный, не ответил на приветствие, вообще на Сашу не среагировал – застыл на ветке молчаливым изваянием, спрятав голову под крыло. Ерофеев постучал по клетке – попугай дернулся, но голову так из-под крыла и не вынул. И корм с утра нетронутый стоит.

Спустившись к себе, Саша набрал номер ветеринара, дождался автоответчика и оставил сообщение.

Наскоро сполоснувшись, Аня спустилась в медпункт и быстренько пробежалась по аптечке. Бинты есть, обезболивающих хватает. Раствор антисептика на доньшке, пластырь бактерицидный на исходе. Надо завтра

сходить на склад, пополнить запас. Лето же, все без конца носятся взад-вперед, падают и расшибают коленки.

Открыла реанимационную укладку, сверила по списку. Атропин, адреналин, кардиостимулятор, тубус, ларингоскоп, шприцы и иголки. Все на месте, как и следовало ожидать. Расписалась в журнале.

* * *

Они лежали у Ерофеева в дежурке. Им было тесно и душно – настоящих окон, ведущих наружу, на свежий воздух, там не было.

– По-моему, в палатке было бы уютней, – посетовала Аня, чувствуя, что вот-вот свалится на пол. Топчан в дежурке явно не был рассчитан на двоих. – Может, лучше на пол переместимся?

– Как хочешь. – Он пожал плечами.

Они встали и расстелили на полу одеяло и спальник. На полу оказалось заметно свежее – сквозило из-под двери.

– Короче, избалованные мы какие-то, – посетовала Аня. – Вот раньше спали на полу в пещерах, на шкурах. А мы кроватей напридумывали себе каких-то. Всем вместе-то на полу и теплей, и уютней, и в темноте не так не страшно.

– Вообще-то кровати – это чисто европейские штучки. Во многих странах до сих пор на полу на циновках спят.

– Ну и правильно делают! Знаешь, ты только не смейся, но я до смерти боюсь спать одна. Когда девчонки другие в комнате, еще ладно. Но когда все разъедутся, вот как сейчас... брр! Я, знаешь ли, везде на ночь свет включаю: и в ванной, и в коридоре, и в комнате, и ночник еще над головой – и все равно уснуть иногда не могу!

– А ты приходи ко мне. Не за чем-нибудь, а просто.

– Спасибо, приду. – Аня улыбнулась. – Не то чтоб я была против чего-нибудь. Я только одного понять не могу. Зачем ты все время в презервативе, если знаешь, что я на таблетках? Без презерватива намного прикольнее.

– Могу себе представить. Но так все-таки надежней. Мало ли что. Вдруг ты таблетку забудешь принять? Или она не работает? Тогда как?

– Ну, тогда... Тогда ничего не поделаешь. Против лома нет приема. Тогда, значит, родится и будет жить. Не мы первые, не мы крайние. Или ты за меня боишься? Не бойся, я крепкая.

– За себя боюсь. Нет уж, на фиг такие сюрпризы. Ерофеевы в неволе не размножаются. Вот выйду отсюда, заберу мать. Уедем с ней в глушь, где

нас никто не сыщет. Вот там-то я и... Ань, ты как, поедешь со мной?

Она не ответила. Широко раскрытыми глазами она смотрела куда-то вдаль, куда-то сквозь стены и потолок. На поверхности глаз дрожали непролитые слезы.

Саша перевернул ее лицом к себе.

– Эй, с чего вдруг ты плакать вздумала? Ань, я что-нибудь не то сказал?

Она вытерла глаза кулаками.

– Нет, Саш, дело не в тебе. Просто... Сашка, Сашка, какой ты все-таки хороший. Меня вот с собой зовешь. Только не получится у тебя ничего!

– Почему? Можно ведь забраться глубоко в тайгу, уплыть в море на необитаемый остров, выстроить лачугу где-нибудь в скалистых горах. И жить припеваючи, ни от кого не зависеть. Огонь трением добывать, на козлов каких-нибудь горных охотиться, рыбу ловить.

– Саш, ты никогда не спрашивал, почему я торчу здесь в каникулы. Тебе было неинтересно?

– Интересно, конечно. Но я считал – зачем в душу лезть? Захочешь – сама расскажешь. Не захочешь – твое дело.

– Ты правильно считал, умница. Я действительно об этом говорить не люблю. Но тут, короче, Сашка, какое дело... Хорошо ты, конечно, придумал – в глушь, в горы, в леса. Вот только не поможет это. Нельзя от них убежать, пойми! Нет, то есть до поры, конечно, до времени можно. Пока молодые, пока еще дети маленькие. Ну не вышли на работу, не отметились где-то там, живете сами по себе, необходимое все сами из-под земли добываете. Черт с вами! Никто преследовать не станет. Вам от общества ничего не нужно – ну и вы ему на фиг не сдались. Но все это, Саш, пока дети ваши, ну, если они есть, конечно, до школьного возраста не доросли. А там уж извини-подвинься. Приплывет к вам на необитаемый остров или спустится по веревке с вертолета у вашей лачуги в горах школьный инспектор – и протянет, как Румпельштильцхен, свои длинные ручонки – ну-ка, ну-ка, где там ваше живое и тепленькое? Отдавайте мне то, что вам милее всего!

– Не может быть! Ань, ты преувеличиваешь!

– Ой ли? А как у вас с мамой было? Ты ж сам мне рассказывал, как мама тебя в шкафу прятала. Что сидели безвылазно в квартире, ни с кем не общались, пособие продуктивное на маму-инвалида под дверь получали, ты из этой квартиры нос ни разу за десять лет жизни не высунул, голос боялся подать, мама тебя читать-считать шепотом учила. И что же, помогло это вам?

– Ань, ну что ты сравниваешь?! Это ж был обычный муниципальный дом, соседи, полиция, кругом глаза-уши. Может, я как-то к окну неосторожно подошел, я ж пацан был, что я понимал-то?

– Ага, два раза! Десять лет не подходил, а тут вдруг подошел. И всем вдруг стало до вас дело – и врачам, и инспекторам, и детской комнате милиции.

– Ань, я по-прежнему склонен считать это случайностью.

– Ой, да считай ты что хочешь! Но только вот чтоб ты знал – меня мои родители действительно увезли. Точнее, они сами от всех уехали. В тайгу, чёрт-те куда, где одни медведи и волки. На собственном малолитражном самолете улетели. Посадили его в одном безлюдном месте, сами пешком в другое пошли. Шли много дней, по дороге сто раз чуть концы не отдали. Шестеро их было – мои и еще две молодые пары, все бывшие одноклассники. Снегом их раз ночью завалило, потом еда у них кончилась совсем, изголодались, пока сами добывать наблатыкались. Я эту историю наизусть знаю, часами могу про их приключения рассказывать, да только не в том суть. Потом, если хочешь, расскажу. Там много у них прикольного было. И по дороге, и вначале, пока обжились. Кое-что я и сама уже помню.

Так вот, короче. Они вообще-то никаких детей не хотели, предохранялись всякими естественными путями. Не хотели, короче, давать обществу возможность ухватить их, если что, за яйца. Ну те две пары убереглись, а моим, вишь, не повезло. Хотя с какой стороны смотреть. Мне в детстве всегда казалось, что остальные все им завидовали. Опять же, до поры-времени, конечно.

Я выросла на полной свободе – кого бояться в такой глуши? Звери, в отличие от людей, без причины не нападают. Все со мной нянчились, цацкались, учили меня всяким премудростям кто во что горазд, их там пятеро из шестерых университет успели закончить, причем по разным специальностям. Так гоняли, мне теперь любой школьный предмет – пустяки.

Короче, жили мы припеваючи. Пока в один прекрасный день на поляну перед домом не выехал внедорожник со школьным инспектором. Я тогда, веришь ли, автомобиль впервые в жизни увидела.

– И что? Твоих родителей лишили родительских прав? За сокрытие тебя? Но разве есть такая статья? За уклонение от общественных работ? Но они ведь все эти годы и сами не пользовались благами общества?

– Нет, тут все сложнее. Инспектор сказала, что общество не может даже временно доверить ребенка лицам, ведущим, как она выразилась, девиантный образ жизни. Поэтому она предложила им выбор – родители

или кто-то один из них возвращается вместе с ней и дальше играет по общим правилам. Тогда меня можно будет отпускать к нему на каникулы. В противном случае родители меня больше не увидят.

– И что, твоя мама на это согласилась?! Не поехала с тобой?!

– Куда? Меня ж все равно от них забирали! Саш, мы с мамой тогда долго говорили. Инспектор сказала, что понимает. Не будет нас торопить. Видишь ли, мама никак не могла оставить отца. А для него возвращение было хуже смерти. Он у меня художник. Он, когда картины свои пишет, сутками от холста не отходит, поесть-попить забывает, какие уж там общественные работы! А без мамы он бы не выжил, это даже я в свои десять лет понимала.

– А ты?

– А что я? Ради нескольких недель раз в полгода? Нет, я маму не осуждаю. Тем более когда такая любовь.

– Да какая любовь?!

– Настоящая, Саш, без балды. Как в сказках, ни словом сказать, ни пером описать. От которой человек сам себя забывает.

– Нет, Ань, не понимаю. А дети? Детей же своих человек тоже любит. И дети его любят. По-твоему, это ничего не значит?

– Значит, конечно! Только вот, Саш... Ну я не знаю, как тебе объяснить! Сама внутри себя понимаю, а объяснить не могу. Сложно это на пальцах объяснять. Особенно если человек сам такого не переживал и не видел.

– Да нет, отчего ж. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Совсем не обязательно переживать самому. Есть же книжки и фильмы. Только... все равно я не понимаю!

* * *

Река на закате была прекрасна. Янтарный песок, темные островки камышей, рыжая половинка апельсина, тонущая в воде.

От реки тянуло сыростью и холодом, но в запале они этого не замечали. Они сбежали, сбежали, сбежали! Им в очередной раз удалось обдурить систему!

Правда, вначале все чуть было не сорвалось. Знакомая дыра в заборе оказалась заделана. Но Сережкины ножницы сделали волшебное клик-клик-клик, и вот они все на воле!

Жаль, что Аня не смогла с ними. У нее сегодня дежурство по кухне.

Они смеялись, размахивали руками. Скакали по песку, то прямо, то вбок. Радовались первому погожему дню после двух недель проливных дождей. Галдели, перебивая друг друга:

– А Машка ему такая: «Максим Игоревич, я вас не понимаю. Вы не могли бы объяснить поконкретней?»

– Он, бедняга, аж задохнулся!

– А покраснел-то как, покраснел! Мне прям его жалко стало!

– Машк, он к тебе явно неровно дышит!

– Вот еще, жалеть их?! Нефиг пургу на уроке гнать! У тебя практикум по социальному общению? Вот ты насчет общения и втирай. А уж что нам там после школы делать, мы и без тебя как-нибудь сами сообразим.

– Действительно! Чего б вдруг кто-то из наших девок пошел в проститутки?! Это, может, в других школах такие дуры имеются.

– Нет, ну он-то, тако-ой! Ой, я больше не могу... – складываясь от хохота пополам.

– Да ну вас! Меня сейчас со смеху вырвет.

– Удивила! Тебя и так постоянно рвет.

– Прекратите, а то я сейчас со смеху сдохну!

– А чё, давай. Место подходящее. Уложим тебя в ладью, украсим цветами... где, кстати, наша лодка?

* * *

Они плыли долго-долго. Солнечную дорожку сменила на воде лунная. Капли с весел падали расплавленным серебром.

– Вот здесь мы в прошлый раз приставали. Видишь, на кусте обрывок бечевки?

– А не дальше? Почему ты знаешь, что это наша бечевка? Через полгода-то?

– А чья еще она может быть? Кто, кроме нас, здесь бывает?

– А это еще что за фигня? Откуда они взялись? Раньше не было.

Действительно, из-за холмов, упираясь в небо, торчали, покачиваясь, две гибкие антенны. Похожие на усики гигантского муравья, они точно принюхивались к небу вокруг. На кончиках усов мерцали две маленькие звездочки, почти теряясь на фоне прочих, настоящих, звезд.

– Ох, не нравятся мне они!

– Кому ж такое понравится? Пейзаж весь портят.

– Что-то мне стремно. Нас оттуда не засекут?

– Да ладно, не бери в голову! Кому мы на фиг сдались? Они вообще в другую сторону повернуты!

– Кто их знает... Может, их так запрограммировали, чтобы во все стороны сразу.

– Народ, хватит болтать! Всю рыбу распугаете!

* * *

Они наловили мелкой рыбешки, забросали ее в котелок и залили речной водой. Из приправ у них была только соль; рыбу они, конечно, не чистили – что там чистить-то. Гадость получилась изрядная. Впрочем, бульон они выпили до дна – куда ж деваться, другого-то ничего нет.

Лерку сразу вывернуло наизнанку.

Никто этому не удивился. Ее рвало постоянно – утром, днем, вечером, на уроках. Она уже в два раза похудела, на зависть Златке, которую, наоборот, к четвертому месяцу разнесло, как бочку. Она, правда, похвлялась, что сразу после родов все сбросит. Есть, мол, у нее на примете чудо-диета. За один день десять кил. Но Лерке как-то не верилось в подобные чудеса.

Машка хоть и смеялась вместе со всеми, но внутри себя, конечно, переживала. А вдруг они догадались, что Макс не случайно вызвал именно ее!

Сработало, сработало колдовство!

«Ребята, вы уже взрослые и разговаривать с вами можно по-взрослому. Хочу поделиться с вами историей, случившейся с вашей почти ровесницей. Чтобы вы поняли, к чему может привести элементарное незнание реалий. Вот ты, например, Маша, представь себе...»

Да с чего б ей вдруг фигню всякую представлять? Что он с ними как с малолетками?

И Машка опять передернула плечами.

Но как он на нее смотрел! И покраснел ведь действительно! И весь урок еще потом при одном взгляде на нее запинался!

Машкина душа сладко пела при одном лишь воспоминании.

А так ему и надо!

* * *

Они расположились у костра – не слишком близко, чтобы не сгореть, не слишком далеко, чтобы не замерзнуть. Из ниоткуда возникло пиво, для конспирации налитое в бутылки из-под лимонада. Сергей расчехлил гитару. Завел вполголоса, перебирая струны:

Там свет в окне.
Там свет в окне.
Он светит нам,
Тебе и мне.

– Тимохин, что ли?

– Он. Группа «Осенние птицы». Там у него еще хорошая есть, да вы ее знаете, наверно: «А мы улетаем, а мы улетаем, как осень придет, собираемся в стаи. Вы спросите нас, мы в ответ улыбнемся: “Что будет нас ждать здесь, когда мы вернемся?”»

– «А мы и не знаем, откуда мы знаем?! Мы этих путей себе не выбираем!» – подхватили хором со всех сторон. Даже Лерка пела, как ее ни мутило.

Один Саша Ерофеев не пел. Он раскопал ямку с глиной и слепил из глины маленького слона. Отдал его Маше и теперь машинально разминал в руках новый ком.

– Да у тебя талант! Как живой, так глазами и смотрит!

– Зато я петь совсем не умею. Медведь на ухо наступил. – Ком в руках Ерофеева приобретал постепенно форму медведя.

– Слушай, как ты это делаешь?

– А я знаю? Само собой происходит. А начну задумываться, пытаюсь отследить процесс – сразу перестает.

– С ума сойти! Ты как сороконожка, у которой спросили, как она ходит. Хотя, наверно, ты прав. Иногда, наверно, лучше не думать. Просто идти себе вперед, куда глаза глядят, куда ноги несут...

– Куда душа просит, – негромко договорил Ерофеев.

– Мы разве не душой думаем? – усомнилась Машка.

Но Ерофеев покачал головой:

– Душой мы чувствуем. А думаем мы мозгом. Ну у кого есть, конечно.

– А у кого его слишком много?

– Тады ой! – На морде медведя расплылась клыкастая ухмылка.

Машка озадачилась: не слишком ли много у нее в голове мозгов? Навскидку получалось, что многовато. Поскольку в основном она в жизни

совершает какие-то вполне разумные действия: учится, умывается, чистит зубы, в общественные часы выдает книжки в библиотеке. Но иногда, похоже, душе удастся взять верх, и тогда Машка умудряется учудить такое!

Вот и сегодня. Весь день она тревожно прислушивалась к себе. Начиная с урока Макса и потом, когда они сбежали из школы, плыли сюда, разжигали костер, пели песню. Особенно когда пели песню. Все время в Машке что-то бурлило и клокотало, поднимаясь все выше, выше, грозя выплеснуться наружу. Теперь оно, похоже, почти что дошло до горла. Секунда, другая – и...

Ни с того ни с сего Машка вскочила и заорала:

– Ребята-ы! А чего мы всё сидим, а?! А давайте-ка вместе все за холмы стоняем! Разведаем, что там нового появилось! Поглядим, откуда эти усы растут!

Народ уставился на нее в изумлении.

– Машка, ты чего?

– Что на тебя нашло?

– У тебя как, с головой в порядке?

– Народ, Машке больше не наливаем!

Она сморщилась и надула губы.

– Ну чего вы все как эти... Пригрелись тут, точно старики.

– Да поздно уже, Маш! Давай как-нибудь в другой раз.

– Скоро ведь уже и назад пора.

– У некоторых, между прочим, уроки еще не сделаны.

– Темно, что ты там разглядишь?

– Так днем-то мы сюда по-любому не попадем, – возразила она резонно. – Ну что, всем слабо? Со мной наперегонки? До верха холма и назад? Никто не хочет? Смотрите, тогда я одна.

– Маш, а это тебе как? – Нехлюдов кивнул на столб с фонарем и надписью «Запретная зона», занозой торчащий в самом начале ведущей к холмам дороги.

– Ой, я тя умоляю! Можно подумать, из школы выходить можно было.

– Сравнила! Из школы выходить нельзя только ученикам. И то, если они без пропуска. А запретка – она для всех. Независимо от пола и возраста...

– По мне, так что в лоб, что по лбу. Окей, тогда ждите меня. Я быстро, одна нога здесь, другая там. Не вздумайте без меня уплыть! – выкрикнула она уже на бегу.

Машка во весь дух понеслась к холмам. Вперед и вверх, навстречу загадочным звездочкам. Миг – и она скрылась из глаз.

– Во дает, – пробормотал кто-то вполголоса.
Ерофеев вскочил, стряхивая с пальцев остатки глины.
– Слушайте, вы как хотите, а я за ней. Мало ли чего...
– Тьфу, идиотка! – Сергей сплюнул. Взъерошил рукой огненную шевелюру. – И чего ей нейдет! Так хорошо сидели! Постой, Сань, я тоже с тобой. – Встал, чмокнул Лерку в лоб, накинул на нее телогрейку, нагнулся и быстро-быстро зашептал Лерке что-то на ухо. Она в ответ понимающе закивала.

Остальные сидели у костра молча. Запретка – это вам не хухры-мухры.

* * *

Они шли быстро, торопясь и немного рисуясь друг перед другом. Дорога петляла, все круче и круче устремляясь вверх, к вершине холма. Машки по-прежнему не было нигде видно, хотя их не оставляла надежда, что вот-вот, за следующим поворотом, они наконец-то ее увидят.

Не могла ж она в самом деле уйти далеко за столь короткое время!

Они всё прибавляли и прибавляли шаг, приближаясь к заветной точке, где подъем наконец завершился и дорога устремлялась вниз так же резко, как до сих пор поднималась вверх. Уж сверху-то они Машку наверняка углядят!

Звездочки антенн согласно мигали им с высоты.

И вдруг с той стороны холма послышался выстрел.

Парни переглянулись и рванули вверх со всех ног.

* * *

Оба они дружно выдохнули, завидев издалека идущую им навстречу целую и невредимую Машку. Правда, ее конвоировали два каких-то придурка с автоматами, но это уже были мелочи. Главное, жива, а остальное приложится. Ну или отвалится, глядя по ситуации.

Сергей дернул Сашку за рукав, и они вдвоем нырнули в ближайшие кусты, откуда стали наблюдать за происходящим.

Одному конвоиру на вид было лет тринадцать, другой казался постарше, примерно их возраста.

Каждый знает, что на военку в восьмом классе отбирают самых тупых качков. Но эти вроде выглядели обычно. Парни как парни. Ну подстрижены

под ноль, ну осанка, будто аршин проглотили. У младшего были круглые, как бы все время удивленные глаза и пухлые, совсем еще детские губы. Он без конца повторял: «Ну Андрей, ну не видела она ничего, не видела, ну вот чем хошь тебе поклянусь, не видела, ну вот хоть сам у нее спроси! Оттуда, где она стояла, вообще ничего увидеть нельзя! Вот сам встань туда и посмотри вниз!»

Однако чем горячее были уверения младшего, тем сильнее каменело лицо старшего с узкими, похожими на щелки, глазами. На щеках у него перекачивались желваки.

Наконец младший выдохся, и старший заговорил.

– Ты мне вот что скажи, – обратился он к младшему. – Ты мне лучше вот чего объясни. Как она вообще в той точке у тебя оказалась? Когда за сто метров от запретки приказано всех для разъяснений задерживать? Куда у тебя усы глядели? Опять ты с их помощью за птичками наблюдал? Или в этот раз за кроликами?

– За волками, – нехотя, хоть и с оттенком гордости, признался младший. – Они совсем близко подобрались. Километров десять отсюда, не больше. Не, ну мне ведь сказали – смотреть в оба и обо всем важном потом докладывать. А это разве не важное – волки? Нас, между прочим, в лес этот на ученья гоняют.

– Натуралист хренов! – выдохнул старший, замахиваясь. Младший испуганно втянул голову в плечи. Но старший опустил руку, не ударив. – Говорил отцу, не надо бы тебе сюда вовсе! На биофак тебя надо готовить, в университет. Нет ведь, заладил: «В роду все военные, в роду все военные». Его разве переспоришь? Прислали на мою голову!

– Так а я разве просился? Вообще, кстати, когда меня сюда распределяли, оценки по биологии тоже учитывали. Поскольку военно-научный объект.

– Сам знаю, что объект! Сам знаю, что не просился! Но раз уж так случилось, распределили тебя, попал ты сюда – так ты служи обществу как следует! Вот что мне теперь с тобой делать?! Своими руками под трибунал отдать? А маме я потом что скажу?! На собачек он засмотрелся! Детский сад, штаны на лямках!

– Какие собачки?! Говорю тебе, волки!

– Да какая разница! И те псовые, и эти! Ладно, с тобой ясно. После поговорим! – Он обернулся к Машке: – Ну а ты кто такая? Будешь ты, наконец, отвечать? Ты откуда свалилась? На лодке приплыла или, может, тебя с парашютом скинули? Кто-нибудь еще с тобой есть?

Машка в ответ угрюмо молчала.

– Черт с тобой! Хочешь молчать – молчи! Подумаешь, партизанка хренова! Как сдам сейчас в комендатуру, вот ребята обрадуются! Знаешь, сколько они уже месяцев девок не видели? С тобой как с человеком, а ты!

У Машки в глазах плеснулся тоскливый ужас.

– Ага, вижу начало доходить, – довольно хмыкнул старший из конвоиров.

Сашка счел, что с него хватит, и дернул Серого в кустах за рукав.

– Так, – жарко зашептал он Сергею в самое ухо, – по команде три. Я беру на себя старшего, а ты пацана. Главное, сразу отобрать автоматы.

– А выйдет у нас? Они ж, небось, хоть и тощие, а накачаные и приемы всякие знают. Их же на военке, сам знаешь, как гоняют.

– Должно выйти! Они ж ничего такого не ждут. На счет раз...

– Раз-то раз, а только почему ты взрослого? Я тебя и выше, и в плечах шире.

– Господи! Ну хорошо, ты взрослого, а я пацана.

– Маша меня зовут. Не надо меня ни в какую комендатуру! Ну правда, что я вам сделала? Никого со мной нет, одна я здесь. Сбежала из школы и заблудилась. Ребят, отпустите меня, пожалуйста! Я честное-пречестное ничего там у вас не видела. Даже и не знаю, что там у вас видеть можно...

– Ты гляди! Запела! Дурочку-то из себя не строй! Заблудилась она, как же. Еще скажи, пешком сюда шла. Когда тут берегом вообще не пройдешь, топь сплошная после дождей. А лесом тем более... А, черт! Да что ж такое!

Спустя секунду оба конвоира валялись беспомощно на земле. Автоматы их были в руках у Сережи и Сашки, наставленные на прежних владельцев.

– Лицом вниз! Посмейте лишь шевельнуться!

Настала напряженная тишина. Никто не знал, что делать дальше.

Машка первая не выдержала и нервно хихикнула.

– Эй, слышь, как вас там... Вы там поосторожней, оружие-то ведь заряжено, – невнятно проговорил старший конвоир, обращаясь к земле.

– Саня, он нас учить вздумал! – возмутился Сергей. – Хватает же наглости! Лежишь себе – и сопи в три дырки!

– И буду учить! Вас же, дураков, жалко! Небось, оружия настоящего ни разу в руках не держали? Тем более чтоб на человека его наставлять. Ну вот ты, рыжий, представь – спляшет у тебя палец, убьешь меня ненароком – как жить-то после этого будешь?

– Фью, Серый, да он, оказывается, философ! – присвистнул Сашка. – А мы думали, простой солдафон.

– Слушайте, кончайте уже шутки шутить! Верните нам оружие, берите

свою девку, и разбежались по-хорошему. Мы вас не видели, вы нас. Вы вообще соображаете, где находитесь? У нас тут супер-дупер секретный объект! Если нас всех здесь засекут, мало никому не покажется.

– Да какие тут шутки! – Сергей сплюнул под ноги и растер.

– Дико смешно, – поддержал его Сашка. – Особенно Машке пять минут назад было.

– Да черт с нею, с вашей Машкой! – взмолился младший. – Мы ее вообще только поугагать хотели! Чес-слово! Чтоб не лазила, где не надо. Скажи им, Андрей, ну что ты молчишь? Ведь если б мы ее сдавать вели, то совсем бы в другую сторону надо. Не верите, да?

– Окей, верим, – сдался неожиданно Ерофеев. – Тогда встали и валите отсюда! Только быстро и без глупостей.

Братья вскочили как по команде, разом, и каждый протянул руку за своим стволом.

Серый с Ерофеевым синхронно отступили назад и помотали головами.

Братья замерли в замешательстве.

– Ну, вы это, оружие-то отдайте.

Младший хлюпнул носом.

– У-тю-тю-тю. – Сергей покачал головой. – Так мы не договаривались. Вы себе, так уж и быть, ступайте, а игрушки ваши у нас останутся.

– Вы что, смеетесь?! – заорали братья наперебой. – Как это мы так без стволов вернемся?! Вы знаете, что нам за это сделают?!

– А у нас какие гарантии, что вы нам в спину не стрельнете, стоит нам повернуться?

– Да на хрен нам это надо?!

– Ну, мало ли... Может, у вас приказ такой, во всех стрелять, кто мимо идет.

Ситуация казалась неразрешимой.

– А давайте так, – предложил Сашка, подумав. – Мы сейчас идем к реке, прыгаем в лодку и отчаливаем. Как чуть отойдем, размахнемся и выбросим ваши ружья на берег. А вы тогда подойдете и подберете. Идет? Соглашайтесь, другого выхода я не вижу.

– А вдруг не добросите? Они ж тогда в воду упадут и потонут! – Младший в ужасе округлил глаза.

– Идет, – выдохнул, немного подумав, старший. – Мы ж смотреть будем, – разьяснил он брату. – Упадёт – заметим куда. Только вы их лучше от себя стволами кидайте. А то мало ли, выстрелит, еще попадет в кого. И уговор – мы с Володькою вас не видели, а вы нас.

– А усы если засекут?

Они подняли глаза к небу. На нем сияли одни настоящие звезды.

– А усы, похоже, сломались. – Андрей изобразил на лице недоумение. – Вообще, с ними иногда бывает. Опытный образец, барахлит...

– Да ладно, гонит он, – рассмеялся Володя. – Выключил я их. До девяти ноль-ноль пэ эм я по ним оператор. Хочу включу, хочу выключу. Видите, у меня пульт в кармане?

* * *

В лодке, на пути домой, к Машке пытались приставать, упрашивая рассказать, что ж она все-таки успела углядеть в том засекреченном месте. Но Машка лишь качала головой и отнекивалась. В конце концов от нее отстали.

Машка и самой себе боялась признаться, что на той стороне холма привиделись ей грустные человечьи глаза, глядящие из-под спутанной львиной гривы, и кривые птичьи когти, вцепившиеся в ограду из колючей проволоки.

Наверняка ей все это показалось. В жизни ведь таких существ не бывает.

* * *

– Ну здравствуй, Аня Громова. Присаживайся, в ногах правды нет.

Человек в сером костюме, в очках, с каким-то мятым лицом указал Ане на стул с твердой спинкой. Сам он с двумя другими, ничем не отличимыми от него, развалился напротив в мягком кожаном кресле, за устланным зеленым сукном столом. Позади стола, на стене, висел портрет старика с черными пронзительными глазами.

– Зд-дравствуйте, – проговорила Аня, чуть заикаясь. На пороге этого кабинета ей неожиданно изменила всегдашняя уверенность в себе. От решения, которое будет принято здесь, зависела вся ее дальнейшая жизнь. Немудрено, что Аня так волновалась.

– Итак, Громова Анна, социальная сирота, находящаяся на попечении школы. Физически здорова, поведения примерного, ни в каких нарушениях не замечена, второй разряд по легкой атлетике, в графе «Личные отношения» пробел. Что ж это ты так, Громова? Почему? На вид вполне

симпатичная девушка – и пробел?

Аня мучительно, до слез покраснела.

И как она не подумала! На медицинский ведь берут нормальнейших из нормальных! Конечно, отсутствие личных отношений в ее возрасте выглядит неестественно! Дура она! Надо было, короче, вписать Ерофеева! Хотя как? Нельзя ж без его согласия. А он ни за что бы, конечно, не согласился.

Сам Сашка графы анкет всегда заполнял скупно, предоставляя системе минимум сведений о себе. Но, может, раз в жизни, ради Ани, он и пошел бы на компромисс? Эх, да что уж теперь об этом, теперь-то уж поздно!

Может, справку принести от гинеколога, что не девственница?

– Я, я... – сбивчиво залепетала Аня. – Понимаете, я учусь много, занимаюсь и по вечерам, и по выходным. Времени, короче, ни на что, кроме учебы, нет. Факультативы, общественные нагрузки. И я еще за медпункт отвечаю. У нас в общежитии. Посмотрите, у вас в документах написано!

– Не волнуйся, деточка, у нас все-все записано! – Сидящий справа улыбнулся ей тепло, прямо по-отечески. – Не надо так волноваться! Стало быть, ничем, кроме учебы, ты не интересуешься. А почему изучать хочешь именно медицину?

– Хочу помогать людям! – Этот ответ Аня носила в себе столько времени, что теперь он вылетел из нее на одном дыхании.

– Вот как? Что ж, это похвально. – Они все закивали, точно китайские болванчики.

– Послушай, Аня, – обратился к ней сидящий справа. – Это замечательно, что ты хочешь помогать людям. Но хотелось бы знать, отдаешь ли ты себе отчет в том, на какой тернистый путь собралась ступить? Как правило, у людей довольно романтическое представление о работе врача. Далекое, так сказать, от реальности. Клятва Гиппократата... и прочее.

– Конечно же, – вступил в разговор сидящий слева, – конечно же, мы спасаем жизни. Лечим болезни. Избавляем людей от страданий. Однако нужно понимать, что главная задача медицины заключена вовсе не в этом.

– А в чем же? – Аня почувствовала себя сбитой с толку.

Сидящие за столом обменялись улыбками.

И снова заговорил тот, что справа, а другие двое лишь молча кивали. Слова его неожиданно прозвучали доверительно и проникновенно. Он словно делился с Аней какой-то тайной.

– Главная задача врача – сохранять здоровье общества! Хотя общество, конечно, состоит из людей. – Сидящий справа слегка поморщился. – Аня,

хоть ты и девочка совсем, я тем не менее скажу тебе откровенно. Как взрослому человеку. Которым ты станешь, когда получишь диплом. Профессии врача учатся ведь долгие годы. Надеюсь, тогда ты вспомнишь и в полной мере осознаешь мои сегодняшние слова. Оказывая людям помощь, врачу приходится совершать различные действия. Не всегда приятные. Иногда тяжелые как морально, так и физически. Врач вынужден так поступать. Потому что в отдельных случаях это необходимо.

– Я... мне кажется, я понимаю, – произнесла Аня.

Ей вспомнилось, сколько раз в медпункте приходилось вытирать рвоту с пола и врать малышам, что прививки – это совсем не больно.

* * *

– Ну что, берут они тебя? – Сашка Ерофеев составил свои и Анины тарелки на один поднос, вложил один в один стаканы из-под компота. Поднял и понес это тяжелое сооружение на мойку. Уткнувшись в учебник химии, с которым не расставалась теперь ни на миг, ни за едой, ни в туалете, Аня краем глаза наблюдала за его действиями.

– Вроде берут. Вчера велели зайти, подписать обязательство о неразглашении.

– Неразглашении чего? Вам что, с первого курса начнут доверять военные тайны?

– Саш, ну какие военные? Врачебные, ясный фиг. Нас же с первых дней вместо общественных в больничку санитарить погонят. Типа не распространяться о том, кто чем заболел, и не болтать про чужие аборты. Хотя это и так понятно.

– Ну, может, кому-нибудь непонятно.

– Да перестань ты! Дебилов на медфак не берут.

– Не обязательно быть дебилем. Можно быть даже очень умным. Просто немножечко не от мира сего.

– Это да! Тут я с тобой согласна.

Выйдя из столовой – он немного придержал для нее дверь, – Аня наконец-то собралась с силами и сказала, стараясь произносить слова как можно небрежней:

– Саша, можно тебя кое о чем попросить?

– Попроси. – Он усмехнулся одними губами. Глаза его были при этом далеко-далеко.

– Можно мне в графе «Личные отношения» указать тебя?

– Нельзя, – ответил Ерофеев неожиданно твердо.

Аня поняла, что изначально ожидала именно такого ответа. Поэтому и боялась спросить. Она вдруг разозлилась – на него, на себя, на все.

– Сань, ну это же чистая формальность! Потом, мы же все равно с тобой спим! А с пробелом моя анкета выглядит подозрительно.

– Нельзя, – повторил Ерофеев уже мягче, как бы с некоторым сожалением. – У нас с тобою нет отношений.

– Ну и пошел ты на фиг! – вспыхнула Аня, чувствуя, как на глаза у нее наворачиваются злые слезы. Вырвала у него из рук свой рюкзак, пихнула туда злополучную химию, развернулась и убежала.

* * *

– Самарина, стой! Ты когда реферат сдашь?

– Когда напишу, тогда и сдам! Вы сами сказали: кто не успел, может и на той неделе.

– А можно без грубостей? Я же только спросил.

– А чего вы все время ко мне цепляетесь?

– Маш, разве я цепляюсь?

– А разве нет? Спрашиваете чаще других. Оценки снижаете ни за что. Соломиной вон, четыре, а мне три. А она, между прочим, чуть ли не слово в слово у меня списала.

– Я это заметил. – Максим усмехнулся. – Если честно, четверку я поставил Лере за старание. В ее состоянии списать пять страниц – мученический подвиг. И она на удивление хорошо знала материал. Я спрашивал ее устно. Она ни разу не сбилась.

«Еще бы! – подумала Машка. – Я Лерку два вечера натаскивала, пока она все не затвердила как попугай».

– Но от тебя, Маша, я ждал большего. Это не твой уровень, что случилось? Да и рефераты ты мне всегда сдавала не то что вовремя – раньше всех. Маша, я несколько разочарован тем, как у нас с тобой начинается этот учебный год. Я привык, что...

«Ну и отвыкай», – подумала Машка и перестала слушать.

Вместо этого она стала смотреть. Как морщится его лоб, как кривятся губы во внезапной усмешке, как Максим взмахивает руками, чтобы придать выразительности словам, как вздрагивают в конце каждой фразы его длинные, загнутые ресницы.

«Вот почему он не чувствует? Почему ничего не понимает? – думала

Машка, чувствуя, что готова выскочить из собственной кожи, лишь бы до него наконец дошло, лишь бы он глазами своими наконец разглядел, почувствовал наконец, что там внутри у нее происходит. – Совсем-совсем ведь ничего не понимает! Почему?!»

Неожиданно прямо посреди фразы Максим вспыхнул и замолчал.

* * *

«И встанет солнце посреди ночи. И поднесет Он горн к губам, и вострубит новую зарю. И придут на зов Его все люди земные и все твари диковинные!»

Машка ошеломленно оторвалась от книжки и ринулась перебирать вещи, отыскивая среди них заветный мешочек. Нашла, высыпала на ладонь фигурки. Близоруко щурясь, поднесла горниста к глазам.

Так вот Он, оказывается, какой! А по виду и не скажешь. Человек как человек, вполне земной и обыкновенный. Лицо, правда, уж больно суровое. К такому не посмеешь соваться с дурацкими просьбами, а разве что станешь молить о милосердии или снисхождении.

Смешные они, эти древние! Столько всего напридумывали, и сами же во все верили. Хотя преподаватель говорит, надо ко всему относиться как к аллегории. Мол, просто у древних не было еще для многого подходящих слов, и они поэтому про все говорили «Бог». Ну типа как со счетом в совсем уж первобытные времена: раз, два, три, четыре, пять, шесть, много. Теперь-то ведь у нас чисел сколько угодно.

* * *

Осторожно прикрыв за собою дверь, чтоб не хлопнула, Сергей на цыпочках крался мимо тахты со спящей Леркой к холодильнику. Конечно, лучше всего было бы упасть с порога на тахту и уснуть, но голод-то ведь не тетка. Хочется чего-то в брюхо себе перед сном закинуть, с обеда же ведь не жрамши.

Но как он ни старался, Лерка все-таки проснулась.

– Сережка! – Она сонно потянулась и откинула спутанные волосы с лица. Перевела взгляд на темное окно. – А почему так поздно?

– Да пацаны эти, из девятого, комбайн чуть не угробили! Козлы малолетние, что с них взять. Впервые за руль сели, а с них еще и план

какой-то хотят. Представляешь, волокни в гору на себе, еле дотащили. В последнюю минуту, мы уж закрывать собирались. Чумадые все, страшные – как таким откажешь?

– Ну сказали бы, что завтра всё сделаете.

– Ты что, Лерка, какой завтра?! Мне ж завтра с утра на уроки, а у них там уборочная! Им за день простоя знаешь чего будет! Пришлось нам с Тимохой подзадержаться.

Тимохой звали начальника автомастерской, туповатого парня, не нашедшего, куда себя применить, и пока временно приставленного командовать малолетками.

– А тебе спать не надо? Сам же говоришь, с утра завтра на занятия. Тимохе что, он отоспится и к обеду будет как огурчик, а ты опять завтра на алгебре синус от косинуса не отличишь. А без тебя Тимоха б не справился?

Сергей, впившись зубами в гигантский, только что сооруженный им бутерброд с колбасой, сыром и солеными огурцами, отчаянно замотал головой.

– Ты что, Лерка? – произнес он, с трудом проглатывая кусок. – Куда Тимохе без меня? Тимохе без меня никак. Ты пойми, оно ж там не просто так. Там понимать надо, чувствовать, куда чего идет!

– А Тимоха не понимает? Тогда как же его над вами поставили?

– Ну как поставили... Надо ж было кого-то ставить. А Тимохе уже двадцать один. Либо так, либо уходить из школы. У него ж родителей нет, профессии нет. Он без школы совсем сопьется.

– Сопьется?..

Лерка разом вскочила с постели и с подозрением принялась.

– Сережка, ты что, пил?! Опять?!

– Я?! Откуда?! Клянусь тебе! Ну если только полстолечко! Тимоха мне плеснул, на полпальца. Лерк, да ты не понимаешь, что ли? Ведь у нас полу-чи-лось! Я гений, Лерка, понимаешь, гений! Чуха эта железная опять на ходу! А видела б ты, как они его уделали! Цепь была прямо ну вообще! И как только умудрились? Нарочно ж не выдумаешь! В страшном сне! И я сам, понимаешь, сам, этими вот руками! Я даже и не знал, что смогу! Меня ж никто этому не учил никогда! Этому ж вообще никого не учат! Тимоха на меня смотрел, как в телевизор.

Ну вот что с ним делать? По-хорошему, изругать его на чем свет стоит и послать подальше. Пусть на диванчике у двери спит. Чтоб не смел приходиться домой в таком виде. Чтоб вообще зарекся пить, на вечные времена.

Узнают ведь если, ребенка прям с роддома отобрать могут.

– Лерочка! – заорал неожиданно Сергей, отбрасывая бутерброд и протягивая к ней руки. – Иди ко мне, я ж тебя люблю!

– Да тихо ты, тихо! – зашептала она, отталкивая его и делая страшные глаза. – Люди же кругом спят, всех разбудишь!

– Люди? Ах, люди! – Сергей хлопнул себя по лбу. – Ну ясно, люди, куда ж без них! Всё для общества, всё для людей!

Он обнял ее, прижал к себе. Стиснул в прямо-таки железном объятии. Поцеловал взасос. Опрокинул на тахту и зашептал жарко-жарко в самое ухо:

– А знаешь, Лерчик, чё я те скажу? Ты мой единственный в мире людь! А на других людёв мне плевать! Так-то вот. Заруби себе на носу! Ясно это тебе?

– Эй ты, поосторожней! Там же маленький! – Она уже с трудом сдерживала смех. На Сережку совершенно невозможно сердиться. Такой глупый иногда! Ужас просто!

– Маленький... – На Серегинном лице расплылась мечтательная улыбка. Уткнувшись носом Лерке в плечо, он всхлипнул и мгновенно уснул.

* * *

– Считалось, что химерам, которые являются представителями сразу нескольких животных царств, ведомы все земные тайны. Им приписывался дар ясновидения. Изваяния химер имелись в большинстве храмов. К ним обращались за советом, перед тем как что-то предпринять, их мнение становилось решающим в разных затруднительных ситуациях.

– Елена Михайловна, а как можно спрашивать совета у статуи? Она что, тебе мигнет в ответ... ну или там хвостиком помашет?

– Имейте терпение! Перед тем как что-то спросить, нужно поднять руку. Вас что, в первом классе не научили? Разумеется, никто не ждал от каменного или деревянного изваяния словесных ответов или каких-нибудь знаков. Перед статуей оракула устанавливался специальный сосуд. Служители храма заполняли его черными и белыми камушками. Задав вопрос, человек запускал в сосуд руку и вынимал один камушек. По тому, черный он или белый, делался вывод о вероятном исходе задуманного предприятия.

– То есть либо нет, либо да? А если чего посложнее, типа там «может быть», тогда как же?

– А тогда никак!

– Да ладно, древние эти простые были, небось, как здрасте! Так что да или нет их вполне устраивало!

– Ну что, все высказались? Я могу продолжать? Спасибо. Так вот, существовали люди, чьей обязанностью было правильно сформулировать вопрос. Людей этих готовили с детства, они обучались в течение долгих лет. Это была очень ответственная должность. Ведь по каждому делу, во избежание двояких толкований, химере можно было задать один и только один вопрос. Ответ, полученный на него, считался окончательным и обсуждению не подлежал. От умения правильно задать вопрос часто зависела человеческая жизнь, а в иных случаях и жизнь целого народа – например, если речь шла о войне.

– То есть в идеале вопрос нужно было задать так, чтобы стало неважным, ответит химера да или нет? Тогда зачем спрашивать?

– Ты прав. Со временем люди поумнели, оставили химер в прошлом и занялись вместо этого философией, юриспруденцией и научным прогнозированием...

* * *

– Одну минуточку-у-у! – Только Дуся могла их перекричать тонким своим, срывающимся голоском. Только Дуся способна была их остановить в миг, когда пожар и потоп были бы бессильны.

Звонок-то ведь уже прозвенел, и, стало быть, все уже одной ногой ступили в настоящую жизнь, выламываясь из школьных рамок. У кого семья, у кого работа, у кого учеба – настоящая, без дураков, с прицелом на будущее.

– Ребята! Кто из вас еще не прошел рентген?! Срочно сделайте! Из медчасти пришел список, в нем пять человек из нашего класса! Ребят, ну что вы как маленькие? Это же для вас самих нужно! Вас что туда, как первоклашек, строем загонять? Короче, в ближайшую неделю попрошу всех с этим разобраться. Осенние каникулы на носу! Учтите, без справки о рентгене никого из школы не выпустят.

Сергея аж передернуло. Опять двадцать пять?! Сперва сиди в коридоре. Жди, пока соизволят тобой заняться. Потом снова сиди жди, пока результат объявят. Некоторых сразу отпускают, а других манежат по три часа. В прошлом году его там сто лет продержали. Не знал уже что и думать!

Почти всех давно выпустили. Двоих только задержали. Парня одного, на класс младше, и девочку из параллельного, Настей звать. Она ему нравилась когда-то целое лето. Родителей в тот год в командировку угнали, и Сергей из-за этого все каникулы в школе проторчал. Лерка домой уехала как всегда, а он вот остался. Не смог устоять. Плохо одному, хоть волком вой. Улыбчивая такая девчонка, Настя эта. Нет, правда, всегда-всегда улыбалась. Даже когда он ей осенью потом сказал, что ничего у них больше не будет. Улыбнулась, дернула плечиком и пошла. И он вдруг подумал, что, может, зря это он, может, поторопился.

Она и там улыбалась. Сидела и лыбилась молча, как идиотка. Словно не понимала, что происходит. Не просто же так их тут задержали. Открылась боковая дверь, оттуда выкрикнули их фамилии. Оба встали, Настя опять улыбнулась. Смущенно, словно бы извиняясь за что-то. Они ушли, а Сергей остался один. Сидеть как дурак в коридоре и думать про себя невесть что.

Час прошел, второй, третий. Ему стало казаться, что он вот-вот поседеет. Со всех сторон двери заперты. Стучал-стучал, кричал-кричал, аж до хрипоты. Толку нуль. Стены в этой санчасти как в средневековой крепости. Ни звука наружу не долетает. Говорят, так нужно, чтоб радиация от рентгена не просачивалась. Сергей уж решил, что про него позабыли. Ушли домой, за собой всё позакрывали и теперь до завтрашнего дня не откроют. Он начал прикидывать, чем из того, что в карманах, ловчее было бы взломать дверь. Ну а что, не ждать же милостей от природы.

И вдруг появилась эта медсестра. Страшная, громадная, как медведь гризли. В сером от бесконечных стирок халате. В темных очках, таких, за которыми глаз не видно. Сережка, уж на что рослый парень, показался себе рядом с ней цыпленком.

– Иди, – говорит, – Снегирев. До будущего года свободен.

– А почему, – спрашивает Сергей, – меня здесь так долго держали?

Она как засмеется – будто гальку по каменной плитке рассыпали.

– Да разве же, – говорит, – это долго?! – Наклонилась и в самое ухо, точно по секрету, шепнула: – Пятнышки у тебя там какие-то углядели. Но решили, все-таки артефакты. Дефекты пленки.

Медсестра отперла дверь и жесткою тяжелою лапицей развернула его за плечи к выходу. Еще и под зад коленкою поддала. Для ускоренья. Ух как он оттуда летел!

Два дня он потом отойти не мог. Все в нем как бы двоилось. Часть его ходит, разговаривает, на вопросы отвечает, даже улыбается, если надо. А часть так и сидит в коридоре.

И что, опять все сначала?! Да взрослый он человек или где?! Ну их в баню, с ихними артефактами! Заболеет если – сам разберется.

А вдруг они про него забудут? Домой-то в эти каникулы он всяко не собирался. Они с Леркою решили поднакопить. На всякое там детское оборудованье. Чтоб не в пластиковый казенный аквариум ребенка класть, а в нормальную детскую кроватку. С деревянной решеткой.

Сама-то Лерка от рентгена по случаю беременности освобождалась.

* * *

Впервые надев медицинскую форму, Аня ощутила пьянящий восторг. Костюм был светло-розовый, из немнущейся мягкой ткани. Хотя она выбирала на складе самый маленький размер, брюки с нее все равно спадали. Аня подпоролла шов, вытянула и завязала узлом резинку. Старательно заправила все обратно. А на блузе придется, наверное, сделать вытачки. Нужно будет попросить Лерку. Она в таких вещах понимает.

Комплектов выдали два – один носишь, другой сушится после стирки. Хорошо, хоть гладить не надо. Кладовщица заверила, что, если вешать аккуратно, все должно само прекрасно расправиться.

Аня приколола к карману бейджик с именем и ученическим статусом, проверила у зеркала, не оказался ли он случайно вверх ногами, тронула губы розовым блеском и с трепетом вступила в свой новый мир.

Старшая санитарка Клавдия Юрьевна, крупная, броско покрашенная дама почтенных лет, глянула на них так, что они все почувствовали себя словно бы заранее в чем-то виноватыми. Их было одиннадцать человек – группу будущих медиков разделили на две подгруппы, шесть девчонок и пять ребят.

– Ну здрасте, здрасте, – произнесла она, поджимая алые губы. – В доктора, значит, нацелились? Отличники все, небось, так?

– Так, – осмелился поддакнуть высокий очкастый Женя.

– Ну а я, чтоб вы знали, в старшей школе вообще не доучилась. Обстоятельства не позволили. Так что образование мое – девять классов, три коридора. Но уж коридоры-то свои я как пять пальцев знаю! У меня, хоть кого спроси, вся больница по струнке ходит! Со мною не забалуешь. Так вот, задач у нас с вами две – чтоб все было чисто и вовремя. И задачи эти должны выполняться неукоснительно! Любой ценой. Зарубите себе на носу: станете ли вы там когда-никогда врачами-профессорами – зависит сейчас только от меня. Не понравится мне кто – скатертью дорога и такую

характеристику напишу, в тюрьму потом полы мыть не примут, не то чтобы на врача учиться. Не вздумайте со мной пререкаться! Что сказала, то сразу делайте. Скажу блевотину языком с пола слизать – и вылизете как миленькие! Работа у нас, хочу сразу предупредить, грязная, тяжелая, неприятная. Кто думал – укольчики там ставить или бинтики сматывать, – забудьте! Тут не то что полы, тут людей от дерьма отмывать придется. Лентяям или там чересчур брезгливым заранее говорю: вот бог, вот порог. Пока не поздно, проситесь в лабораторию пробирки мыть. Хотя оттудова вас, конечно, никто сроду на лечфак не возьмет, но это уж, как говорится, не моя забота. Сачковать не позволю! Плевать мне, если кто болен или у кого-то завтра экзамен. Пришел – вкальвай, а не можешь – пшел вон, других на твое место сотни! Ну, все всё уразумели? Тогда мойте руки, тут у нас гигиена, и вперед за мной! Покажу, где тряпки и швабры.

* * *

На деле она оказалась не злой, а просто шумной и горластой старухой. Спустя неделю Аня с удивлением обнаружила, что начинает к ней привыкать. Со своей стороны, Клавдия Юрьевна также стала проявлять к Ане некоторые признаки симпатии.

В следующий понедельник, когда все гурьбой привычно двинулись в сторону шкафов с ведрами и тряпками, старшая санитарка отозвала ее в сторону и сказала, что для Ани у нее найдется кое-что поинтересней.

– Ты, я вижу, девка стоящая, с понятием. Поэтому с сегодняшнего дня начнешь у меня обслуживать палаты. Вот, знакомься, Юрик. Тоже будущий врач. Третий год уже у меня, скоро до медбрата подыметесь. Хороший мальчик, старательный. Такому не страшно уколы доверять ставить, мимо жопы не попадет. Введи ее в курс дела, Юр!

Юрик, худой и щуплый, смотрелся совсем подростком и казался куда младше своих подопечных. Тем не менее держался он вполне уверенно. Юрик объяснил, что на них возлагается ответственность за четыре крайних палаты южного крыла.

– В южном крыле у нас вторичный сколиоз помещается. Справа парни, а слева девки. Вставать им нельзя от слова «совсем», так что все на санитаров ложится – помыть, переодеть, накормить, судно там подать или утку. Хотя они, конечно, в основном в памперсах. Но поначалу-то человеку трудно от привитых навыков отказываться.

– Они что, парализованы?

- Нет. Но закреплены на щитах так, что не пошевелиться.
- Совсем-совсем?
- Совсем-совсем. Иначе коррекция окажется неполной.

* * *

Палаты представляли собой светлые залы с окнами во всю стену. Еще одно окно, круглое, куполообразное, было в потолке. По ночам в него было видно звезды.

Большие комфортабельные кровати расставлены были в свободном порядке, к тому же они легко менялись местами. У каждого пациента под правой рукой находился пульт, позволяющий управлять кроватью по своему усмотрению – двигать ее вперед, назад или вбок, а также поднимать щит, к которому пациент был намертво прикреплен, выше, ниже или даже ставить вертикально.

Самое верхнее из креплений располагалось на уровне подмышек, поэтому ребята могли более-менее свободно двигать головой и руками. Над койками располагались экраны, которые управлялись с помощью тех же всемогущих пультов, включавших в себя также управление игровыми приставками.

Как раз когда Аня с Юриком входили в палату, двое подростков азартно резались в какую-то игру.

– Убил, убил, убил! – вопил смуглый черноглазый мальчик с родинкой на щеке. – Убил, и не спорь, пожалуйста!

– Ну где убил, когда я от тебя на дирижабле улетел? – с ленцой вопрошал его рыжий одутловатый парень с узкими припухшими глазами на землисто-сером лице.

– Какой дирижабль, ну какой еще дирижабль! Не было там вовсе никакого дирижабля!

– А в моей версии был. И закрой хлебало, а то я больше играть с тобою не буду. Ненавижу, когда визжат! Когда наконец до тебя дойдет, что ты не можешь меня убить? И никто другой не сможет. Потому что дольше меня в эту игру не играл никто.

– А вот и не поэтому! А потому, что ты все врешь! Не было там никакого дирижабля, ты сам его прямо сейчас придумал. Давай отмотаем назад и посмотрим?

– Не буду я ничего отматывать. Некогда мне. Меня вон сейчас мыть станут. Правда, Юра?

– Ага, испугался! Сам знаешь, что я прав! Юр, а правда вы меня первым помоете? Что, съел? Так тебе и надо.

* * *

Со стороны спины, пониже поясницы, в щит был вмонтирован съемный кусок, включавший в себя подкладной круг. Но сама спина от пояса до подмышек была к щиту как бы приклеена. Между ней и щитом не видно было даже малейших зазоров. Там, похоже, никогда не мыли и даже не протирали. Аня подумала, что наверняка, когда щит наконец снимают, на нем остаются ошметки кожи.

Большинство старожилков, проведенных в этой палате год или больше, выглядели все на одно лицо – вялые, одутловатые, расплывшиеся. Если их что и интересовало, то только компьютерные игры.

– К ним ходят массажисты и физиотерапевты, – уверял Аню Юрик. – Для них разработаны всякие гимнастические комплексы. При желании ведь они даже ползать могут – укладывают щит на пол, и пожалуйста, ползи себе, отталкиваясь руками. Но только нет ведь у них никаких желаний.

Аня могла бы с этим поспорить – ребята постарше во время мытья демонстрировали ей свои желания порой весьма откровенно. Она, конечно, делала вид, что не замечает. Иногда, как бы невзначай, брызгала холодной водой или шлепала мокрым полотенцем. Конечно, она их жалела. Но все-таки совсем не так, как жалела новеньких.

Новоприбывшие отличались от старожилков разительно. Они тоже были схожи между собой. Но роднило их не равнодушие, а отчаяние.

Сперва Аня пыталась с ними как-то разговаривать, утешать. Убеждала, что вторичный сколиоз – это не конец света, что три года пролетят быстро и у них еще будет полно времени насладиться радостями жизни, ведь люди сегодня живут долго-долго.

Ее почти не слушали. Даже самые маленькие, которым, по идее, должно было быть свойственно верить в сказки, смотрели как сквозь нее. Их словно сбили на лету, как птицу в полете.

Те, что постарше, снисходили иной раз до ответа. Одна тихая и мечтательная в прошлой жизни девочка – они были раньше знакомы, ходили когда-то вместе в один кружок – в ответ на Анину прочувственную тираду улыбнулась ей снисходительно и сказала:

– Ань, ну что ты несешь? Можно подумать, ты сама не видишь, какими здесь все становятся за три года? Взять хоть вашу Дусю...

– А что наша Дуся? Дуся, между прочим, хороший пример! Дуся выучилась, работает, преодолела себя...

– Ань, походи и возьми в библиотеке фотоальбом победителей научно-технических олимпиад среди старшеклассников за две тысячи двадцать *** год. Полистай, посмотрим, узнаешь ли ты свою Дусю среди призеров. Между прочим, это была самая перспективная разработка из всех. Дуси и еще одного парня. Насколько я понимаю, он этим изобретением и дальше потом занимался. Их же тогда обоих прямо без экзаменов в университет брали. Поехал-то, как ты понимаешь, он один. Защитился, ученый с мировым именем. А Дуся... ну да, справилась, работает. Горб даже не особо заметен, и хромота практически прошла. Ладно, Ань, не трави душу. Я, если помнишь, тоже хотела когда-то стать врачом.

* * *

– Юр, но их хотя бы изредка можно отвязывать? Минут на десять, массаж сделать и спинку протереть? Там же небось все ткани за три года некротизируются!

– Нельзя. А ткани перед закреплением щита обрабатывают специальным защитным составом. Ань, ну что за дурацкие вопросы?! Чему вас только учат на теории? Вы что, сравнительную анатомию антропоморфов не проходили?

– Где нам, мы ведь только первый курс. Тут бы с обычной анатомией разобраться. На той неделе зачет по костям, а я ни бум-бум.

– Что ж ты так? А говорила, отличница, – поддел он.

– Так я и есть отличница. Вот увидишь, всё сдам на пять! В выходные сяду и вызубрю. У меня знаешь какая память? Еще и время останется книжку почитать.

– Книжку почитать? – Юрик призадумался. – Слушай, Ань, – неожиданно спросил он, – ты подписку о неразглашении давала?

* * *

«Счастье каждого отдельного человека прямо пропорционально степени стабильности окружающего общества и обратно пропорционально коэффициенту девиантности его поведения относительно общепринятых норм. Долг каждого гражданина – поддерживать в обществе стабильность.

Любой гражданин сознательного возраста должен осознавать, что от степени сознательности его поведения зависит...»

– Лерк, а сознательный возраст это с когда? С двенадцати лет или с четырнадцати?

– Машк, ты, часом, не заболела? С двенадцати, ясный фиг! Ну помнишь, у нас еще собрание торжественное было, значки всем специальные выдали и объявили, что с завтрашнего дня общественные работы удлиняются для нас на два часа. Маш, ты что, правда не помнишь?!

– Собрание? Не, не помню. Наверное, я его проболела. Это когда было, в начале шестого класса? А, у меня тогда грипп был, с высокой температурой. Мама прямо саму себя превзошла, раздобыла мне справку не на стандартные три дня, а на две недели. Я приехала, все уже давно работали и учились.

– Что ж ты, так и осталась без значка?

– Нет, значок вроде у меня был. Наверное, Дуся мне его потом приколола. Это какой значок, синенький такой, с небом, солнышком и колоски внизу, они же и буквы?

– Он самый! А буквы были СГО. Сознательный гражданин отечества.

– Ты знаешь, мне кажется, все это было так давно! Вроде как и не со мной.

– А с кем же еще, глупая?

– Ну-у... С другой какой-нибудь Машей.

Лера завистливо глянула на подругу. Вот ведь дите дитем! И как некоторым удастся? Ну ничего, найдется и на Машку управа. Рано или поздно какой-нибудь парень сообразит, как к ней подъехать, а там уж Машка никуда не денется! Залетит и обабится, как все.

– Что ты учишь, социологию? Можешь не трудиться. Все равно Макс тебя не спросит.

– Это почему еще?

– Да он даже дышать в твою сторону боится! Колись, как ты его околдовала?

Маша сложила губки бантиком и похлопала ресницами.

– Даже и вообще не понимаю, о чем ты.

– Да ладно тебе выделываться! Дурочку-то не строй из себя. А что, Максим мужик видный. Не будь он учителем, я б, может, и сама...

– Можно подумать, учитель – это какая-то неизлечимая заразная болезнь.

– Нет, но пока мы в школе, учителя для нас, а мы для них вроде как неприкасаемые.

– Ну и глупо! Как будто кому-то от этого плохо.

Лерка указала подбородком на книгу, все еще лежащую на коленях у Маши и раскрытую все на той же странице.

– Читай внимательнее. Глядишь, пригодится. Видишь, дальше у тебя два столбца жирным выделены? «Действия, угрожающие стабильности общества...»

– Ага. А внизу курсивом: «Действия общества, грозящие разрушить стабильность личности...»

– Чего?! Не, я курсив никогда не читаю. Курсив же никто спрашивать не будет.

* * *

– Лежи спокойно, не дергайся.

– Так гель же холодный! А можно вы экранчик ко мне развернете? Ну чтобы я тоже видела?

– На, смотри! Нечего там видеть! Пятна всякие на экране, и все. Когда родится, тогда и рассмотришь.

– Почему? По-моему, вон там нос. И ладошка?

– Ты глянь, глазастая какая! Ты на кого учишься?

– На портниху. Закройщица мужской и женской одежды.

– Ну и зря! С таким зрением в снайперы тебе прямая дорога.

– Доктор, а у меня мальчик или девочка?

– А ты платье мне сошьешь, если скажу?

– Могу. Вы только размеры дайте и материал какой-нибудь.

– Ишь ты, материал. С материалом-то каждый сможет. Это я и сама смогу, с материалом-то... Вставай давай, вытирайся. Ну, что застыла? Выходи, зови следующую. Видела, какая там очередь? И что вам всем так нейдет! Точно пятерки вам за это ставят.

– А...

– Бэ. Девочка у тебя. Ступай уже, не задерживай. Следующей скажи, пусть заходит.

И чего они все такие нервные? К какой ни придешь. Ну правда! Ни тебе здрасте, ни до свидания! Эта по сравнению с другими даже еще ничего. Шутить даже пыталась. А то есть такие, что губы подожмут и не улыбнутся даже ни разу. И голос у всех такой напряженный, дрожащий, точно вот-вот сорвется на крик.

Ладно, главное-то сказала. Девочка... Интересно, глаза карие будут

или голубые? Вот если б голубые, как у Сережки! Но, говорят, если у одного из родителей темные, то темные гены светлых всегда перебьют.

Ну, может, хоть рыжая будет. И то хлеб.

Девочка... Сережка обрадуется. Он девочку как раз и хотел. То есть вообще-то он говорил, что ему все равно, но лучше все-таки, чтобы девочка.

И хотя докторша очень быстро развернула назад экран, Лерка успела-таки сосчитать пальчики на ладошке. Их было ровно пять!

* * *

– Здравствуй, Ерофеев! Извини, в кабинет тебя не зову. Конец четверти, сам понимаешь, дел по горло. Рад, очень рад твоему успеху на олимпиаде! Так держать, молодец! Ты у нас еще на доске почета выпускников висеть будешь! Нет, Саш, если ты насчет того самого, то все так же. Вынуждены отказать. Не переживай, дружок, запасись терпением. Вот станешь постарше... Волнуешься? Писем давно нет? Ну насчет писем ты не волнуйся. Письма тебе передадут в ближайшее время. Я распоряжусь.

* * *

Помахивая запиской от начальника автомастерской, Серега гордой поступью прошел мимо вахты и почесал на автобусную остановку в сторону ближайшего городка.

В автобусе он развалился у окна и, пока проезжали окрестные леса и поля, с удовольствием втягивал в себя свежий осенний воздух, чуть отдающий гарью далеких костров и прелой листвой.

Лес кончился. Впереди показался берег реки. Автобус весело покатил по мосту. На первой остановке после моста – крошечная полупустая деревенька, где автобус раньше останавливался только по требованию, – в салон, весело болтая между собой, влетела стайка мальчишек в военной форме. Уйдя целиком в себя, Сергей сперва и внимания не обратил на того, кто опустился рядом с ним на сиденье.

– Привет! – прозвучал за плечом знакомый дискант.

Обернувшись, Сергей увидел Володю. Тот сразу заулыбался:

– Ну, узнал, что ли?

Сергей молча кивнул. Узнавание не принесло ему радости. Ему до сих пор было жалко берег, который они с ребятами за долгие годы обжили и привыкли считать своим.

– Домой едешь? Отпустили на побывку?

– Да нет. По делам еду, в автосалон. Детали нам там кое-какие пообещали.

– А ты кто на общественных? Слесарь? Авторемонтник?

– Я – всё. Специальность такая есть, может, слышал когда – на все руки мастер? Вот это я самый и есть. Что хошь разберу, соберу, заставлю бегать, кружиться, подпрыгивать и через жопу кувыркаться.

– Здорово! – в голосе Володьки прозвучало искреннее восхищение. – Завидую. А у меня, честно сказать, обе руки левые.

Сергей только плечами пожал на это признание.

– Так а вашему брату зачем? У вас ведь нет общественных работ. Жизнь воина и так принадлежит обществу.

– Зря ты так! Не знаешь, не говори! У нас хотя общественных работ нет, а все равно приходится вкалывать будь здоров! Поди, не меньше, чем вам.

– Например? Полы подметать, картошку на кухне чистить? Подворотнички чистые пришивать?

Володя, казалось, не заметил сарказма.

– Например! А еще личное оружие собрать-разобрать-почистить, технику разную на ходу поддерживать. Ремонт весь мелкий в гарнизоне на нас – проводка, инсталляция, побелка-покраска. Не станешь же из-за всякой чепухи каждый раз со стороны приглашать. Все-таки у нас режимный объект. Ограду, и ту всю сами, от начала до конца. Столбы вкапывали, проволоку тянули, сигнализацию устанавливали. Так-то, брат. А я вот, прикинь, безрукий. Таким, как я, в армии тяжело.

«Таким, как ты, везде тяжело», – подумал Сергей. Но вслух не сказал. Только понимающе усмехнулся.

– Ограду, говоришь, сами? То есть вы теперь лучше всех знаете, где и как под ней ловчей подлезать?

– Зачем ты так? – Володя даже слегка обиделся. – Это ж для нас разве? Нас небось дисциплина и так удержит. Ограда для того, что внутри.

– А что там такое у вас внутри?

– Внутри у нас там... разное. – Володя неожиданно посуровел и сделал каменное лицо. – Всякое... ну такое... Короче, представляющее угрозу для стабильности общества. Военная тайна, в общем. Ну не могу я тебе сказать! Клятву давал. Перед лицом товарищей и отечества.

– И не говори! Никто тебя за язык не тянет. – Сергей отвернулся и стал снова смотреть в окно.

– Эй, не обижайся! – толкнул его в бок Володька. – Я ж правда не могу сказать! А то бы я с радостью! Честно!

Сергей молчал, выдерживая характер. Подумаешь, военная тайна! Тоже мне еще, Мальчиш-Кибальчиш! Сопли утирать не научился, а туда же – отечество, общество...

– Слышь, – засопел ему Володя в самое ухо, – я чего тебя спросить-то хотел? Прибор для меня один не посмотришь? А то я за него отвечаю, а он сломался. Узнает если кто, мне не жить. Спаси меня, а? Ты ж мастер, тебе ж это ничего не стоит. – И Володя по-детски всхлипнул.

Сергей не выдержал, обернулся. Ну так и есть! Губы уже разъехались, по щекам слезы катятся, из носа сопли рекой. Правильно брат его тогда сказал: детсад, штаны на лямках.

За неимением лучшего, Сергей протянул ему свою вечную замасленную тряпку. Хоть Лерка и меняет ему их каждый день, и стирает, и кипятит, но они до конца так и не отстирываются.

– На, утри нос, защитник отечества. Тебя Володей звать, да? Ну вот, а меня Сергей. Так что там сломалось-то у тебя? Выкладывай.

* * *

Оказалось, беда стряслась со знакомым уже Сергею пультом от вездесущих усов. Вечером, после очередного дежурства Володька позабыл его выложить. На другой день, опаздывая на физподготовку, Володька вбежал на площадку в последний момент и полез на турник в чем был. Пульт вылетел из кармана, хлопнулся об землю и сдох.

Пока что Володя без него обходился, товарищи выручали, но пульты эти, они ж как личное оружие. Каждому положено иметь свой. Первая же проверка... Короче, Володька неделю жил как под дамокловым мечом.

– Думаешь, сможешь починить?

– Почему нет? Вряд ли он сложнее пульты от беспилотника. Может, там вообще все внутри цело, просто надо вернуть кое-что на место и закрепить.

В том, что касается железа, Сергей в себе не сомневался. Другое дело, электроника если пострадала. Тогда он посоветуется с Ерофеевым.

– А как я тебе его назад передам?

– А ты часто в город выбираешься?

– Ха, когда нужно, тогда и выбираюсь! Правда, когда прямо, когда через забор, но суть-то не в этом.

– Послезавтра сможешь?

– Смогу, чего не смочь.

– Пустырь в конце Казачьего, за гаражами, знаешь? Ну где у всех личные огороды? Вот, я там буду тебя ждать. В половине седьмого, не опаздывай. Мне там груз один забрать будет надо.

– Сам смотри не опоздай. А за мною не заржавеет.

* * *

Ему все-таки пришлось прибегнуть к помощи Ерофеева.

Зайдя вечером узнать, как дела, Сергей застал Сашку перед экраном.

– Серый, а где ты эту игрушку взял? Ее хозяин что, в зоопарке работает?

По загону ходили львы. Много львов. Или не совсем львы? Передвигались они какой-то странной, прыгающей походкой.

Табун лошадей со всадниками. Огромные, неуклюжие птицы, прикованные цепью к земле.

Главным объектом съемки была ограда, поэтому живые существа все время оказывались не в фокусе. То ракурс был неудачным, то между ними и объективом стояло стекло. Изображение расплывалось, очертания зверей принимали причудливый и порою совершенно неправдоподобный облик.

Сергей даже поморгал. Да нет же, почудилось. Такого просто не может быть.

– Так зоопарк у них или что? Ужасно хотелось бы взглянуть на этих тварей вблизи. А то я уже час сижу, и прям вот иногда кажется...

– Забей. Там не зоопарк, а что-то вроде опытной станции. Никого не пускают, и вообще военная тайна. Тьфу, фигня какая! Выключай скорей, а то в глазах у меня рябит. Ты там разобрался, в чем дело?

– И разобрался, и даже уже починил.

* * *

Максим действительно перестал ее спрашивать.

На уроках Машка могла сколько угодно тянуть руку вверх. Да хоть даже две руки и плюс ноги. Максим все равно никак бы не среагировал.

Сделал бы вид, что не заметил.

Тот пресловутый реферат Машка сто лет назад сдала, но Макс ни словом не упомянул о нем на семинаре, где разбирал все прочие рефераты. Просто вернул ей его с пометкою «зачтено». Никаких тебе «хорошо!», «замечательно!» или даже «где свои мысли?». «Зачтено» – и всё! Как вам это понравится?!

Это безликое «зачтено» окончательно вывело Машку из себя. Нет, это уже предел всему! Так дальше продолжаться не может! Они должны наконец-то поговорить. Со всем этим нужно разобраться. Не ждать же, в самом деле, пока ей исполнится двадцать один год!

Выбор был невелик. Караулить за углом она его больше не станет, это глупо и по-детски. Дополнительные занятия – вот где есть реальный шанс остаться наедине! Там-то уж она с Макса живьем не слезет. Он ей объяснит, что уж так не понравилось ему в реферате!

Каждый преподаватель обязан был раз в неделю задерживаться после уроков на час для помощи отстающим. Хотя учеников на такие занятия за уши было не затащить. Ну разве что в конце четверти перед решающими контрольными или уж кто совсем увяз.

Большинство учителей использовали этот час для проверки домашних заданий и всякой служебной писанины. Хотя некоторые просто пили кофе, чай, читали, вязали или разгадывали кроссворды. И все без исключения без конца глядели на часы: ну когда, когда уже будет можно уйти, отметив на выходе свою карточку?! Сорок пять минут – вечность, потраченная ни на что!

Перед тем как идти, Машка долго и тщательно красилась в пустом туалете. Красилась и опять все смывала. Лицо в зеркале казалось ей чужим. Все родинки и пятнышки, не говоря уж о прыщиках, перебежав за зеркальной гранью на другую половину лица, сделались неожиданно ярче и рельефней. Их просто невозможно было не заметить, они прям-таки бросались в глаза. Под слоем штукатурки они исчезали, но тогда само лицо приобретало мертвенный, неживой оттенок. Губы, тронутые розоватым перламутром, казались губами куклы. С рыже-красной помадой – бесстыдными, как у дешевой проститутки. Тени придавали взгляду незнакомое, не свое какое-то выражение.

В конце концов Машка смыла абсолютно все. Черт с ним, пойду такая, как есть. По крайней мере никого не стану обманывать.

Ей таки удалось застать его врасплох!

Максим обернулся на звук шагов и, увидев, что это она, улыбнулся.

Эх, будь у него хоть пара секунд на подготовку! Но Максим не успел скрыть чувство сумасшедшей радости, охватившее его при виде входящей в дверь Машки. Не успел даже опустить глаза.

Машка улыбнулась ему в ответ. Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга и улыбались. То он, то она пытались заговорить, но губы опять разъезжались в улыбке.

Она села за парту, закинула ногу на ногу, продолжая смотреть ему прямо в глаза.

– Ну, – сказал Максим. – Так что тебя ко мне привело?

– Реферат, – ответила Машка.

Казалось, они справились с собой и разговаривают нормально. Но глаза их говорили другое.

– В смысле? Я ж тебе поставил зачет. Чувствуется владение материалом.

– Но вам все-таки что-то не нравится?

Он снял очки и привычным жестом потер переносицу. С другой девочкой он бы на этом месте поставил точку. Придумал бы какой-то предлог и отослал бы ее из класса, велел прийти в другой раз. Но тут Машка. Максим счел себя обязанным хоть попытаться объяснить ей, что не так с ее рефератом. Чтобы хоть как-то уберечь на будущее.

– Не мне, Маш. Я-то переживу. Беда, что твой реферат не понравится комиссии из наробра'за, попадись он ей на глаза.

– Почему? Материал ведь взят из учебника.

– Да, но выводы, к которым ты на его основании приходишь...

– Да ведь они напрашиваются сами собой!

– Если рассуждать, как ты. Однако нормальный человек так рассуждать не будет. Нормальный человек примет за основу, что благо общества в целом важнее его собственных маленьких хотений.

– Но почему?! Ведь если вдуматься, если вчитаться в курсив!

– Да кто, кто станет читать курсив?! Нормальному человеку такое в голову не придет! Допустим даже, ты формально права, но ведь ты все умудрилась извернуть в своем реферате! Ты с ног на голову все поставила! Ты...

Максим горячился. Он так долго не позволял себе с ней говорить, что теперь каждое крошечное «ты» буквально обжигало ему гортань.

– Да ты хоть понимаешь, чего нашему обществу совместными усилиями удалось достигнуть? У нас практически исчезла преступность.

Ну, сбегут два-три раза в год детки из школы, украдут что-нибудь, покричат, побузят. Поймают их и накажут. Стрррашно накажут! Максимум в школе запрут, без права выхода до ее окончания. А то вы, можно подумать, через забор лазать не умеете. Ни войн, ни революций, ни терроризма. У нас даже тюрем нет! Да предкам о таком и не мечталось!

– У нас нет тюрем? А эти, как их... дома принудительного проживания?

– Маш, ну ты же умная девушка! Зачем повторяешь чужую глупость? Дома эти... Ты там бывала когда-нибудь? Сам знаю, что нет. Несовершеннолетних туда не пускают. А я вот бывал. Дядя у меня родной там содержится, позор, так сказать, семьи. Это я только тебе одной говорю, ты уж не афишируй, пожалуйста. Видел я, как они там живут. Да это ж курорт, можно сказать, санаторий! Сам бы, как говорится, жил, да кто ж меня пустит! Стоят они в живописной местности, в лесу где-нибудь или на море. На дальнем берегу или даже на небольшом острове. Короче, где эти люди никому помешать не могут. Там только они одни и охрана. Охрана сменяется дважды в год, чтоб вовсе в глуши этой не одичать. Живут они там на всем готовом. Еда трижды в день, обувь-одежда-водопровод-обогрев за счет общества. У них там и книги, и фильмы, и возможность любого удаленного образования. Спортивные площадки, кружки художественной самодеятельности! Психологическая служба в круглосуточном доступе. От них за это не требуется ничего! Общество в лепешку разбивается, не знает, чем им еще угодить! Лишь бы они сидели там тихо и прочих, нормальных, людей не смущали.

– А если они оттуда уехать захотят?

– И уезжают! Пачками, ежегодно! Собирается комиссия, разбирает каждое личное дело и выпускает всех, кого можно. Они, кстати, не так уж и рвутся. Многим самим уже нравится. А что? Привыкают, обрастают привычками, друзьями-знакомыми. Ладно, вернемся к твоему реферату. Раньше как люди жили? Ну, ты же учишь историю, должна знать. Никакой стабильности, никакой уверенности в завтрашнем дне. Всю жизнь живи в страхе, везде тебя подстерегают холод, голод и нищета! Уволили – соси лапу! Заболел – помирай! Родные все в большинстве такие ж, как и ты. Они и рады бы помочь, да нечем. А обществу в целом на тебя плевать. Ведь как у них тогда было? Человек, как говорится, человеку волк. А дети? Да никто о них толком не заботился, росли себе как трава в поле. Швыряли их в жизнь, как щенков в воду, сразу на глубину, выплывет – не выплывет, никого не волнует. Не со зла, конечно. Просто у них другого выхода не было. Одни выживали за счет других, сильные за счет слабых, богатые за

счет бедных. Естественный отбор, так сказать. Неудивительно, что преступность у них цвела. И войны, и революции – всё, всё из того же источника. Нужда, страх, надежда внезапно возвыситься за чужой счет.

А сейчас у нас что? Все базовые потребности удовлетворяются за счет общества. Жилье, еда, медицина, образование – ни о чем можешь не заботиться! Мы-то привыкли, мы-то уже и не замечаем! А вдуматься если – это ж какой прорыв! Кого ни возьми – сыт, одет, обут и в тепле. Причем вне зависимости от личного вклада!

Допустим, ты еще ребенок или кормящая мать, допустим, ты инвалид. Общество поймет, общество всегда войдет в положение! А почему? Потому что у него есть для этого ресурсы! Потому что закон у нас для всех один! Президент, и тот четыре часа в день на обувном складе вкалывает! А прежний, тот вообще на конвейере работал, на консервном заводе. На банках, собственноручно им закупоренных, личная печать президента стояла. И какая ж за этими банками в магазине вечно давка была! Люди издали за ними приезжали. А у спекулянтов они и вовсе втридорога были. Ты этого не можешь помнить, ты маленькая тогда совсем была.

Короче, все у нас теперь довольны и счастливы. И не надо мне тут пытаться доказать обратное, опираясь на отдельно взятые случаи, упомянутые в учебнике излюбленным тобою курсивом. О них там для того и пишут, чтобы подчеркнуть, что любые исключения лишь подтверждают общее правило.

Ну, поняла, в каком духе рефераты надо писать? Примеров хоть отбавляй, хоть в учебнике, хоть в периодике, хоть в списке рекомендуемой мною литературы. Еще какие вопросы есть?

Макс глянул на часы, поднялся и стал собираться, не глядя, сметая в портфель все, что попадалось под руку, – телефон, зажигалку, тетрадки, ручку, планшет, теплые варежки... Скорей бы, скорей бы уже отсюда, а то ведь не ровен час... Нет, ну зачем вот она так стоит?

Машка облизнула губы кончиком языка. Не нарочно, конечно, просто они у нее пересохли. С октября топили в школе дай боже, в классе было жарко и душно до одури.

Макс перестал собирать портфель, отвернулся и подошел к окну. Две маленькие птички скакали, весело чирикавая, с ветки на ветку, пока что-то их не спугнуло. Тогда обе они вспорхнули синхронно и улетели. Макс потер загудевшие виски.

– Максим Игоревич, а вот вы лично – счастливы?

– Маша, ну при чем тут?.. Дурацкий вопрос, ей-богу. У каждого из нас отыщется, если покопаться, что-нибудь такое, что сложно или вообще

невозможно реализовать. Срабатывает принцип запретного плода. Конечно, это именно то, без чего невозможно жить! Хочу луну с неба сейчас, немедленно, без нее мне жизнь не мила! А раздеть тебя, поморить голодом пару дней, не дать поспать ночки три-четыре, и сразу все встанет на свои места. Нам просто слишком хорошо живется, пороть нас некому.

– То есть получается, смысл жизни в самой жизни? То есть в выживании? Ходи себе, дыши, ешь и всё? Не помираешь пока – и счастье?! А зачем тогда мы учимся, зачем стараемся чего-то достичь, зачем люди веками создавали всякое там искусство, зачем рвались в небо, зачем...

– Маш, ну что ты от меня хочешь? Счастье ж весьма расплывчатая категория. Одному видится в одном, другому в другом, третьему в третьем.

– Да ладно! А что вы на семинаре нам говорили? – Маша перелистнула страницы, отыскала нужное место и торжественно зачитала: – «Счастье – это субъективное ощущение, возникающее у индивидуума в момент удовлетворения самых сокровенных его желаний». Как раз, получается, все очень просто. Вот вам, Максим Игоревич, чего бы сейчас больше всего хотелось?

Ох, с каким удовольствием он бы сейчас дернул раму, широко распахивая окно, и вдохнул бы полной грудью морозный воздух! Чтобы тот обжег ему щеки и лоб, чтобы в голове чуток прояснилось. Но рама была заделана наглухо, лишь в самом углу, под потолком, открывалась малюсенькая форточка для проветривания. Чтоб открыть ее, нужно было топтать в кладовку за специальным крючком.

Макс сел на учительский стол верхом – имеет право, раз рабочий день давно уже кончился. Склонился над сидящей напротив Машкой, приподнял ее лицо за подбородок, посмотрел прямо в глаза.

– Вот скажи, зачем ты пришла? Ведь ты ж все это нарочно, да? Ты просто меня провоцируешь?

Максим тяжело задышал, сглотнул, двигая большим кадыком. Он так смотрел на нее сверху вниз темными, затуманенными глазами, что Машка испугалась. Таким она его еще никогда не видела! Она уж и забыла, как тщательно продумывала свой приход к нему, как долго готовилась. Она же вовсе не это имела в виду!

Но что она имела в виду, Машка вряд ли смогла бы теперь объяснить.

– Максим Игоревич, я...

Ей не удалось закончить. Максим накрыл ее губы своими. И стал целовать – яростно, исступленно, не давая ни отвернуться, ни вырваться, стискивая плечи жесткими, сильными руками.

В мозгу его словно что-то вспыхнуло, осветив разом все углы. Все

вдруг встало на свои места, невозможное сделалось возможным...

Машка вскрикнула, змеиным каким-то движением вывернулась из его объятий и убежала.

Максим стал медленно приходить в себя, ощущая тяжесть в паху и лоя ртом воздух. В голове его тревожно трепыхалась мысль: «Расскажет кому-нибудь или не расскажет? И если расскажет, то что? И кому? Дусе бы еще ничего, Дусе-то я все смогу объяснить».

Потом к нему пришел стыд, и руки его взмокли от пота.

* * *

Сказание о любознательном Сандро

Сообщение на мейл: «Прочсть и разобрать к семинару во вторник. Самостоятельно найти ответы на следующие вопросы: 1) чему нас учит эта легенда? 2) к какому историческому периоду она относится? Обоснуйте свои ответы».

И было, когда химер сделалось так мало и встречались они так редко, что люди почти перестали верить, что они и вправду бывают.

Прослышал раз Сандро, что где-то в дальних горах, в пещере, обитает якобы химера. То ли сам кто-то видел, то ли люди рассказывали, а может, и во сне кому-то приснилось.

До смерти захотелось Сандро увидеть хоть одним глазком химеру живьем! Хоть и отговаривали его, что, мол, путь туда опасен и долог и неизвестно еще, есть ли там химера на самом деле. Люди ведь и соврут – недорого возьмут.

Никого не послушал Сандро. Вскочил на коня и поскакал в сторону дальних гор, еле видных на горизонте. Не день и не год скакал Сандро, а горы все никак не приближались. Не один конь под ним пал, не одна пара сапог на ногах его изнасилась, не одна теплая бурка до дыр изорвалась на его плечах. Однако ж долго ли, коротко ли, а все же добрался. Стоят пред ним горы сплошной стеной. И понял Сандро, что дороги дальше впереди нет. Одна лишь узкая тропка вьется, да и та где-то вверху совсем из виду теряется.

Что ж, делать нечего. Спешился Сандро, расседлал коня, хлопнул его напоследок по крупу и пустил бегать на воле. Закинул за плечи мешок и двинулся вверх по тропке. А тропа все у'же, а гора все круче. И вот уж

совсем тропы под ногами не стало, с камня на камень карабкается Сандро вверх. Все руки себе об острые выступы ободрал, все ноги о камни сбил. А гора все выше, а небо все ближе, а земля все дальше. Вот-вот сорвется, тут ему и конец придет.

Другой бы давно назад повернул, но только Сандро не таковский был!

Взобрался Сандро на вершину горы и увидел перед собой пещеру. Ну как пещеру – дыра черная в скале, тьма-тьмущая впереди, хоть глаз выколи. Слышно только, что внутри совы ухают, да змеи шуршат, да пищат летучие мыши, и шипит кто-то, навроде как кошка.

Чиркнул Сандро кремнем по кресалу, выбил искру, свечу засветил и в пещеру двинулся. Из зала в зал, из прохода в проход, из лаза в лаз, из одной дырки в стене в другую. Змеи, завидя его, расползаются, совы, заслышав его, разлетаются, летучие мыши под сводом пещеры укрыться спешат. Блуждал Сандро наугад, блуждал и вдруг увидел свет впереди. Пошел Сандро на свет и дошел до крайнего зала.

Видит ложе, звериными шкурами устланное, в одном углу очаг у стены дымится, в другом источник прямо из стены бьет и вода по желобку вниз куда-то под пол стекает. А в центре каменный стол. На столе котелок, и вроде как на двоих к обеду накрыто. На камне химера сидит, точь-в-точь мраморное изваяние в храме, только живое. Птичьи когти в сиденье впились, острые – аж на камне след оставляют, грива львиная вокруг морды мелким бесом вьется, на плечах крупными кольцами лежит, хвост длинный по полу стелется, и на конце его скорпионье жало.

– Здорово, – говорит химера, – Сандро! Заходи, присаживайся. – И вроде как по-человечески говорит, однако слышится Сандро в голосе не то мурлыканье, не то шипенье кошачье.

– Здравствуй, – отвечает Сандро. – А ты как узнал, как меня зовут?

– Э, – отвечает химера, – ты разве не слыхал о том, что нам, химерам, будущее заранее, до крошечки, ведомо? Я тебя, гостюшка дорогой, с утра поджидаю. Видишь, и обед на двоих сготовил. Отведай моего змеино-го супчика. Небось, ты давно горячего не едал?

Подошел Сандро к столу, сел. Крышку снял, в котелок заглянул – а там и вправду змеиные головы сверху плавают! Отшатнулся Сандро, побоялся ложкой черпнуть, хоть дух от котелка шел – невозможно устоять какой вкусный!

Химера себе знай смеется: «Не бойсь, Сандро, не отравишьсь! Я им зубы-то ядовитые перед варкой повыдергал».

Пересилил себя Сандро, взял ложку, и стали они с химерой на пару змеиный отвар хлебать. Хлебали-хлебали, пока весь котелок не выхлебали.

Сполоснул тогда химера котелок в воде из источника, заварил в нем отвару из трав, разлил по кружкам и спрашивает:

– Так чего ж ты, Сандро, такого важного-секретного у меня узнать хочешь?

– А я, – отвечает Сандро, – ни о чем таком и не думал даже.

Не верит ему химера, настаивает:

– Да ладно тебе, Сандро, не темни! Недосуг мне тут с тобой лясы точить. Спрашивай уже чего надо и проваливай! Не зря же ты в такую даль тащился. Чего тебе такого до зарезу прям вот узнать захотелось?

Сандро ему клянется-божится, нет, мол, ничего такого, из одного, мол, любопытства сюда пришел, увериться самому, что химеры на самом деле бывают. Теперь вот увидел – внукам-правнукам рассказывать будет.

Взмурклыкнул тут химера, лапу правую облизнул да усы свои кошачьи умыл.

– Экая ты, – говорит, – простая душа! Не верится даже, что среди людей еще такие чистые души остались! Они, поди, еще реже нас, химер, на свет белый рождаются. Порадовал ты меня, Сандро! Спрашивай теперь у меня что хочешь! На любой вопрос тебе отвечу, о чем ни спроси!

Задумался тогда Сандро, что ж ему такое спросить. Ведь такая возможность раз в жизни всего выпадает, да и то не каждому, чтоб о чем-нибудь наверняка всю правду узнать.

Думал Сандро, думал и говорит:

– Открой мне, химера, когда и как я умру? Хочется мне к смерти своей заранее подготовиться. Тогда и умирать не так боязно будет.

Затуманились кошачьи глаза химеры.

– Страшный ты, – говорит, – подарок себе попросил. Однако не могу я тебе отказать, раз уж пообещал. Сам знаешь, меня ведь только раз спрашивать можно.

И открыл химера Сандро обстоятельства его смерти, и больше уж с тех пор Сандро спокойно не жил, и оставила его храбрость. Всю жизнь он только трясся от страха и готовился к своей смерти. Хоть пришла она к нему много лет спустя.

Из чата:

– Стопудово это стилизация! Умник небось какой-нибудь лет сто назад сочинил!

– А вот и нет, *** век, собрание Сатануры, причем почти дословно по первоисточнику! Перевод только дерьмовый. Ща я тебе сброшу ссылку.

День был ветреный, промозглый. К вечеру подморозило, и Сергей, не взявший перчаток, все время втягивал кисти рук в рукава, горбился, ежился, сжимал озябшие пальцы в кулаки.

На въезде в город автобус задержал милицейский патруль. Хмурый постовой в зимней форме поставил на подножку сапог, оглядел издали салон, скользнул взглядом по сидящему у окна Сергею и спрыгнул, махнув рукой водителю, чтобы проезжал.

Сергей шумно выдохнул – пронесло! – и тут же испуганно огляделся. Но нет, никто не обращал на него внимания. Пассажиры в основном подремывали, укачанные движением. Некоторые пытались читать, хотя уже почти стемнело.

Здорово все-таки в семнадцать лет выглядеть совсем взрослым! От двадцати-с-лишним-летнего не отличишь! Повезло им с Ерофеевым! А то ведь некоторые, бедняги, на вид еще пацаны пацанами. Их бы, небось, сразу засекали, потребовали предъявить пропуск. А пропуска-то у Сергея как раз и нет.

Он доехал до рынка, прошел между домами и выбрался к условленному месту, за гаражи. Володьки еще не было, хотя пора бы ему уже и быть. Но он, видно, не торопился успеть ко времени. Интересно, сколько он продержится в армии с таким отношением к дисциплине?

Посреди пустыря стоял грузовик с прицепом. Шофер дремал, опустив голову на руль. Лицо его показалось Сережке таким безумно усталым, точно шофер не спал несколько дней, отмахивая по тысяче километров в сутки, не останавливаясь в дороге ни поесть, ни поспать, ни отлить.

От нечего делать Сергей обошел грузовик кругом. Судя по тому как он весь изгваздался, можно было предположить, что машина и впрямь ехала безостановочно несколько суток. Интересно, что в ней такого срочного везли? Стенки фургона были глухими, без щелей и окон, двери заперты намертво, и на них болтался амбарный замок. Сергей подергал замок руками. Одна из дужек слегка шаталась. Впрочем, открыть-то не шутка. Открыть-то каждый дурак может. Другое дело – закрыть обратно, чтоб со стороны выглядело как раньше. Да и Володька вот-вот должен подойти. И где его черти носят? Сережке из-за него совсем не с руки поздно возвращаться. Лерка опять будет волноваться, истерику может закатить. У нее глаза сейчас постоянно на мокром месте. От любого пустяка зарыдать готова. Боится рожать, боится, что с ребенком будет что-то не так. Боится,

что к чему-нибудь придерутся и ребенка у них отберут. Вчера такой скандал из-за курева выдала!

А ведь он немножко совсем в туалете, в самую форточку, всего три затяжки, не больше. Даже сигарету до конца не докурил. Ну а как еще человеку снять стресс перед четвертной контрольной по математике? Лерке-то что, она небось как всегда у Анютки спишет, та как раз впереди нее сидит, один вариант у них. А Сергею у кого теперь списывать? Ерофеева-то с этого года перевели, у него по физике с математикой совсем другая программа.

Эх, будь оно неладно это их общее образование! Когда уже, наконец, на него рукой махнут и переведут на ремесленное обучение. Но нет ведь, от Дуси так легко не отделаешься.

Скорей бы уж этот ребенок родился, пока крыша у Лерки совсем не уехала. Девять месяцев – это ж убиться можно, целый учебный год без каникул!

Сергей прислонился к стенке фургона, нашарил в кармане сигареты и спички. С наслаждением затянулся. Дымные колечки, одно за другим, потянулись к темнеющему на глазах небу.

И вдруг Сергей замер. И колечки тоже как будто в воздухе замерли. Ему послышалось, что внутри фургона кто-то тихо, еле слышно плачет. Сергей порылся в карманах. Нет, чудо-ножницы здесь не помогут. Зато вот складной чудо-ножик... ну не совсем то есть ножик... черт, из чего такого толстого стенка? Не то она двойная, не то со звукоизоляцией. Ладно, ему не привыкать!

Через минуту в стенке фургона зияла аккуратная, почти неприметная дырочка. Сергей припал к ней глазом и сперва не увидел ничего из-за царившего внутри полумрака. Лишь в уголке теплилось что-то вроде маленького фонарика. Там происходило какое-то шебуршение. Будто кто-то громоздкий, как бегемот, переваливаясь с боку на бок, устраивался поудобней.

Лошадь, что ли? Ну да, вот же они, копыта. Лежит на боку, как собака, копытами к Сергею. А на спине у лошади девочка. Лет этак двенадцати. Худенькая, темненькая. Волосы спутанные, густые, как грива. В одной длинной, до колен, теплой майке. Ноги под себя подогнула, закрыла лицо руками, раскачивается и плачет. И видно, как она себе пальцы кусает, точно рот затыкает себе самой. То ли плакать пытается перестать, то ли боится, что ее иначе услышат.

– Эй, – позвал Сережка вполголоса. – Ты чего? Кто тебя обидел?

Девочка вздрогнула и перестала плакать. Подняла голову, вытерла

глаза кулаками, двумя руками откинула волосы со лба. Огляделась, пытаюсь разобраться, откуда вдруг голос. На Серегу глянули два огромных печальных глаза. В сумерках он не разглядел, то ли серые, то ли черные.

– Ну? – повторил Сергей. – Так по поводу чего рев? Это твоя лошадь? Ты ее везешь, что ли, куда-то? А почему фургон тогда снаружи заперт?

Девочка молча продолжала испуганно озираться. Наконец, отчаявшись разобраться, откуда голос, ответила:

– Никакая это не лошадь, а я. Фургон заперт на всякий случай, чтобы я не вздумала никуда выходить. А то меня кто-нибудь увидит, и у всех будут неприятности. Мы здесь ждем курьера. Но вы ведь не курьер, правда?

– Не курьер. – Сергей улыбнулся. – Курьер, видимо, запаздывает. А как тебя зовут? И почему тебя нельзя видеть?

– Меня зовут Ада. Но это уже не имеет значения, потому что это неправильно. Так что теперь это, наверное, уже не совсем мое имя. Теперь у меня, наверное, будет номер. А ты кто? Как ты узнал, что я здесь? погоди, ты от Севки, да? Это он тебя ко мне послал? Что с ним, куда они его увезли? – Она неожиданно пришла в возбуждение. – Он тебя что-нибудь просил передать? Передай ему, что со мной все в порядке!

– Я не знаю никакого Севки. – Ему жаль до слез было ее разочаровывать, но что он еще мог сказать? – Я просто, ну просто шел мимо, услышал, как ты плачешь, и заглянул в фургон. Тебя что, насильно отобрали и увозят в школу? А почему без куртки или пальто, с лошадью, в запертом фургоне? Ты что-нибудь натворила?

Девочка, ничего не отвечая, смотрела на него и молча что-то обдумывала.

– А Севка – это твой брат, да? Младший, старший? У тебя что, отняли мобильник и ты с ним не можешь никак связаться? Хочешь, скажи мне номер, я на своем наберу, и ты прокричишь ему что-нибудь сквозь стенку. Только кричи громче, чтобы он услышал.

– Севка – это мой табунщик. Я не знаю его номера, мы с ним никогда друг другу не звонили. В этом не было необходимости. Я поняла, – тут девочка вздохнула и улыбнулась, печально и безнадежно, – ты действительно случайный прохожий. Меня учили от таких прятаться. Заслышишь издали чьи-нибудь шаги – прячься. Тогда тебя никто не увидит. И все будет хорошо. Но сейчас я в фургоне и прятаться мне некуда. Поэтому можешь смотреть на меня сколько хочешь.

– А зачем мне на тебя смотреть? Что в тебе такого особенного?

– Ты что, все еще не понял? Слепой ты, что ли? Смотри лучше! Будет потом что вспомнить.

Огромная масса в углу фургона зашевелилась, вставая на ноги. И Серега увидел, что никакие это не лошадь с девочкой, а взаправдашний, самый настоящий кентавр. В точности как на картинке в учебнике по древней истории.

Сергей так и стоял, оторопело уставившись в дырку, пока не послышались торопливые шаги и звонкий жизнерадостный голос не произнес у него над ухом:

– Привет! Я ведь не слишком опоздал, правда?

– Чего? – Сергей с трудом заставил себя повернуться. – Да не, ты что. Я сам, честно говоря, пару минут назад подошел.

* * *

Открывая дверь, Сергей со злостью содрал и порвал на крохотные клочки гневную записку от Дуси о том, что он опять пропустил рентген, назначенный на сегодня. Что он вообще себе думает? Шуточки ему, что ли?! Разве можно так запустать собственное здоровье?!

Клочки спустил в унитаз.

Лерка спала, трогательно приоткрыв во сне рот, и, когда он проходил мимо, даже не шевельнулась. Намааялась, бедная, на своем швейном производстве!

На столе были разбросаны эскизы платья, которое Лерка сочиняла к зачету. Сережка поднес рисунок к глазам и полюбовался. Красивое! Юбка из разноцветных лоскутиков, точно лепестки цветика-семицветика, разлетающиеся во все стороны от ветра. Платье в талию, Лерке пойдет. Не сейчас, конечно, а когда она уже наконец родит.

Включил комп, просмотрел несколько раз подряд скачанные Ерофеевым кадры. Что ж, придется признать невозможное. Не птицы с крыльями, а крылатые люди. Не всадники, а кентавры. Не львы, а... черт его знает что! Своими бы глазами не видел, ни за что б не поверил. А так... Передернул плечами. Чего только не бывает на свете!

Жалко, в школе они практически отрезаны от сети. Ничего, в следующий раз выберется в город, зависнет там в интернет-кафе и как следует поищет. Авось что-нибудь нароет! Хотя если все это военная тайна... Какой-то особый, стратегической важности эксперимент... Черт, да за такое ведь и убить могут! Лучше пока никому ничего не говорить. Даже Ерофееву. Даже Лерке. Он сам должен в этом разобраться.

Сергей выключил комп. Встал, снова передернул плечами. Разозлился

сам на себя. Черт, это уже входит в привычку! Надо это как-то отслеживать! Не хватало еще, чтоб другие заметили и начали спрашивать, чего это он дергается, как блохастый пес.

На самом деле, в последние дни у Сергея стали нестерпимо чесаться лопатки.

Скинул рубашку и пошел в ванную. Включил свет, встал к зеркалу вплотную. Немыслимо извернулся, пытаюсь максимально охватить взглядом спину. Ничего! Ни пятен, ни прыщей, ни даже каких-либо покраснений.

Наверное, у него это на нервной почве.

* * *

– Никто не знает, почему вдруг они начали рождаться. Есть множество теорий, ни одна не выглядит безупречной. Сотни лет все были уверены, что это легенды, – вот на тебе, подарочек из Африки!

– Почему именно из Африки?

– Потому что именно там, в Найроби, в *** году зафиксировано рождение первого кентавра. Во всяком случае, зафиксировано документально. А там кто его знает!

– Ну хорошо, кентавры, химеры, мутация одиннадцать плюс. Но что же в этом плохого?

– А хорошего что? Ань, ты что, в самом деле не понимаешь, как отразится на стабильности общества внезапное появление крылатых людей?!

– И как? Поудивлялись бы, наверное, сперва, а потом привыкли.

– Ань, ты что, и впрямь такая наивная? Да им все стали бы завидовать, их все стали бы ненавидеть! Стабильность общества была бы утрачена навсегда!

– Честно? Вот никогда не понимала, чего все так носятся с этой стабильностью. Как по мне, чуток разнообразия нам бы не помешало.

– Ну, Ань, скажи спасибо, что никто тебя, кроме меня, не слышит! Да ты хоть понимаешь, как нам повезло жить в обществе, не знающем ни войн, ни катаклизмов, ни революций? Где каждый знает наперед, что его ждет завтра. Между прочим, впервые за всю мировую историю!

– Ну уж ты скажешь! Я вот, например, не знаю. Вот провалю завтра биохимию, и прощай навсегда медфак.

– Во-первых, от тебя зависит. Учи как следует – и не провалишь. А во-

вторых, не придуривайся. Ты ж понимаешь, я не о частностях говорю, а глобально, за жизнь, так сказать, вообще.

– Жизнь, между прочим, состоит из частных.

– Ань, прости, но ты ведешь себя сейчас как ребенок! Я думал, ты серьезный человек и тебе действительно важно что-то понять. У меня, кстати, тоже завтра зачет. По офтальмологии. И у нас с тобой еще две палаты не перестелены.

– Все-все-все! Молчу-молчу-молчу! Юрочка, рассказывай дальше, пожалуйста! Я буду нема как рыба! – И Аня молитвенно сложила руки под подбородком.

Юрик, помедлив, кивнул, снисходительно блеснув очками. Ну что с нее взять, малолетка. Вот не зря их до второго курса берегут от этого материала. Зато ничего не скажешь – красotka! И ведь так и смотрит ему в рот!

Среди сокурсниц Юрка успехом не пользовался. Мелкий, щуплый, да к тому же страшный зануда. Но он утешал себя тем, что свое возьмет. Сейчас все равно больше внимания нужно уделять учебе. А потом, глядишь, и плечи шире станут. На худой конец, бока отрастут.

– Смотри, о том, что на свет родится химера, становится известно задолго до срока. Благодаря ультразвуку. Делают матери кесарево и говорят, что ребенок умер. Дескать, родился с уродствами, несовместимыми с жизнью. Отчасти это правда – нормальная жизнь химерам, как ты понимаешь, заказана. Как правило, мать во время операции заодно и стерилизуют.

– Ага. То есть матери мы лжем?

– Да. Но ложь, заметь, во спасение. Ее психики в том числе. Зачем ей лишняя информация, как бы она стала с нею жить?

– Окей. Допустим.

– Ну, кентавры рождаются не у нас. С их матерями вообще разговор короткий. Общепринятый протокол предписывает уничтожать таких жеребят при рождении заодно с кобылами. Толку от кентавров обществу никакого, а жизнь им предстоит трудная – ни людям, ни лошадям они не свои. Так что их просто избавляют от ненужных страданий. Любой табунщик имеет соответствующие инструкции. Нарушение их ведет к уголовной ответственности – ведь в результате потом пострадает разумное существо. Пусть не человек, но разумное, это надо понимать и иметь в виду. Правда, иногда инструкции нарушают. Если это обнаруживается, такие случаи расследуют, виновных наказывают. Случайно оставшихся в живых и вовремя не уничтоженных кентавров изолируют, стерилизуют и

содержат в специально отведенных местах, где их никто не увидит, кроме обученного персонала.

– Окей. Поняла. Но как же все-таки с мутацией одиннадцать плюс?

– Это-то и есть самое трудное! Потому что, как ты уже прочитала, мутации по одиннадцатой хромосомной паре бывают двух видов. Бывает, ребенок сразу таким рождается.

– И что тогда? Его убивают?!

– С ума сошла?! Мы врачи или убийцы? Это ж ребенок! Забираем его в оперблок, кормим и ухаживаем по особой методике. Постепенно готовим к операции. И в недельном возрасте ампутируем крылья.

– Так просто?

– Это совсем не просто! Бывает, не выживают. Все-таки операция сложная, многочасовая. И тоже очень непростой восстановительный период. Честно говоря, они обычно так до конца и не восстанавливаются. У таких детей изначально нарушен фосфорно-кальциевый обмен, у них более легкие, местами совсем полые кости. Воздухоносные мешки под руками. Когда эти дети начинают ходить, у них заметно отличается координация. У некоторых в ходе операции повреждается позвоночник – эти вообще всю жизнь потом прикованы к инвалидной коляске. И психика. Хотя с психикой у всех обладателей одиннадцать плюс проблемы. И у того, кто таким родился, и у кого мутация проявилась внезапно, в подростковом возрасте. Не забывай, что все мы под Богом ходим, до двадцати одного никто ведь не застрахован.

– То есть?

– Ну, подумай. Они ж как бы запрограммированы для полета. А мы эту возможность у них отбираем. Странно, если б такое проходило бесследно.

– Но ведь это жестоко!

– Почему? Они же никогда об этом не узнают. Зато так они полноценные члены общества.

* * *

Пробираясь в тот день между кроватями то с подносами еды, то с памперсами и влажными салфетками в руках, Аня с трудом сохраняла на лице привычную доброжелательную улыбку. «Извини!» – улыбаясь, говорила она очередному пациенту, привычно делая то, что, как она теперь знала, на самом деле извинить невозможно.

При этом внутри у нее царил полная неразбериха. «Что же я

делаю?! – спрашивала она себя. – Что ж мы все делаем?!»

Ане вспомнился плакат, висящий при входе на школьный медицинский факультет: «Цель медицины – в здоровье общества!»

На первой лекции по медицинской этике им объясняли, какой это шаг вперед по сравнению с древним, эгоистичным: «Целитель, исцели себя сам!» Как важно для будущего врача не дать себе потонуть в частностях, не дать мелочам заслонить от себя горизонт. Любой случай нужно уметь рассматривать, исходя из его места в общей цепочке событий. Тогда само собой придет понимание, что спасение отдельной жизни не всегда благо, даже для самого пациента, не говоря уж о его близких, не говоря уж об обществе в целом.

Врач должен быть философом, должен уметь мыслить глобально.

Юрка всю смену поглядывал на Аню с довольной улыбкой. Он видел, что ему удалось ее поразить. И в голове его уже рисовались картины их будущих свиданий. Он обязательно должен сводить ее в анатомический музей. В отдел антропоморфов!

Юрка представил себе, как расширятся от изумления чуть раскосые, миндалевидные Анины глаза при виде аккуратно отпрепарированных, плавающих в растворе воздухоносных мешков, при виде похожего на спящую фею заспиртованного недоноска с крыльями. А скелет кентавра? Это же уму непостижимо, что только природа не создает и, главное, зачем?! Они будут бродить по музею часами. Он ей все покажет, ответит на любые ее вопросы. В конце концов, отличник он или где!

А после экскурсии он возьмет ее тепленькой. Восхищенную его эрудицией, полную впечатлений, благодарную за обилие информации, которой он щедро с ней поделился. Заведет в подсобку. Под любым предлогом. Скажет, забыл там что-нибудь, или еще что придумает. В подсобке есть диван. На нем спят лаборанты в период круглосуточных экспериментов. И вот там-то все наконец и произойдет.

А то ведь стыдно сказать! Последний девственник на курсе.

Главное – не дать ей прийти в себя...

Нагнувшись над тележкой с причиндалами для ухода, он, словно невзначай, коснулся ее груди. Аня резко отпрянула, запахнула на груди халат и посмотрела на него удивленными, далекими и холодными глазами. На секунду Юрке показалось, что она старше его на тысячу лет. Что Аня сама не человек, а какой-то загадочный, неизвестный еще науке антропоморф.

Но это не расхолодило его. Скорее, наоборот, раззадорило.

– Ребята! – сказала Дуся. – Можете вы, наконец, замолчать? Я простужена, мне трудно напрягать горло.

Бесполезно. Да и что с них взять? Соскучились за неделю друг по дружке. Раньше-то весь день вместе, да и ночь тоже. Вместе спать, вместе есть, вместе на уроки. Сперва две большие спальни: для мальчиков и для девочек, койки впритирку. Потом восемь маленьких, но все равно в одном крыле.

А теперь у всех разные программы. Разные уроки в разных точках кампуса. Разные общаги, в зависимости от семейного положения и статуса. Так как же, встретившись раз в неделю, не начать сразу делиться новостями?! Это ж сколько всего у каждого за это время скопилось!

Она даст им еще пять минут.

Подождав, пока все выпустят пар, Дуся стукнула по столу указкой. Все сразу вспомнили про совесть, зашикали друг на друга, подобрались и смолкли, уставившись на нее.

– Ребята! – начала Дуся снова, набрав в грудь воздуха, торжественно и серьезно. Но вдруг, неожиданно, улыбнулась: – Ну что я могу сказать? Молодцы! Семестр закончили хорошо, ни одного незачета. Несмотря на все текущие проблемы и трудности, опять наш класс по успеваемости вышел на первое место. Ура нам!

– Ура! – радостно подхватили все, и Дуся в очередной раз подивилась, какие у них сразу сделались ребячьи мордашки. Несмотря на бороды и усы. Несмотря на яркую помаду и тушь. Несмотря на беременные животы и внушительных размеров груди, одну из которых сосал сейчас самый сладкий на свете младенец женского пола.

Дусе вспомнилось, как Златка после родов объясняла, заискивая, словно выпрашивая прощение: «Ведь это же ничего, что мы назвали ее Евой? Все-таки Евдокия звучит очень уж по-старинному. Но вы же понимаете, что это все равно в вашу честь?»

– Особенно хочется отметить Сережу Снегирева, который, несмотря на семейные заботы и интенсивную работу в мастерской, где у него, как я поняла, сплошь спецзаказы и сверхурочные, сумел-таки превзойти самого себя, вытягивая физику с математикой. Похлопаем, ребята, Сереже!

Все похлопали. Сергей встал и шутливо раскланялся. Кивнул на сидящую рядом Лерку.

– Да я что? Я ничего. Это вот она. Если б она меня днями и ночами не

пилила...

– Кто – я?! Когда я тебя пилила?! – возмутилась Лерка, но возражения ее потонули в общем хохоте.

Дуся переждала смех, взмахнула указкой, но даже не донесла ее до стола.

– Еще я поздравляю Аню Громову. Аня, ты сама еще, наверное, не знаешь, но твой реферат по физиологии отмечен среди лучших студенческих работ. Ты поедешь в Столицу на зимнюю ученическую конференцию и будешь представлять там нашу школу. Ань, ты такая умница! Не представляешь, как я тобой горжусь!

Дуся обняла ее и поцеловала. Ане показалось, что в глазах у нее блеснули слезы.

Народ снова заплодировал, добросовестно отбивая ладони. Аню любили все, хотя она ни с кем особенно не сблизилась. Зато в классе не нашлось бы человека, которому Аня хоть раз в жизни не смазала йодом коленку и не подула потом на нее, чтоб не жгло.

Мысли у Ани в голове неслись, опережая одна другую. Значит, каникулы она проведет не в школе?! Поедет в Столицу?! Увидит вблизи высокие дома, метро и прочие чудеса, о которых знает лишь из книг и кино?

Пять лет назад их возили на «географическую экскурсию». Самолетом доставили к подножью Непреодолимых Гор, чьи вершины белоснежными шапками упираются в небо и за которыми начинается Чужая Страна, имя-которой-не-принято-называть. Оттуда они на поезде, не торопясь, проехали из края в край всю страну, до самого моря. На две с половиной недели вагон сделался их домом. В основном они любовались на всё из окон, слушая пояснения учителя. Однако в крупных городах они задерживались на день, и для ребят устраивали обзорную экскурсию. Знакомили с местными достопримечательностями – дворцами, соборами, древними крепостями. Их также водили смотреть на разрушения, оставшиеся после терактов и войн.

Ане запомнился вокзал, где террористы когда-то взорвали перед отправлением поезд. Обугленные и покореженные останки вагонов старого образца составлены были в беспорядке на запасном пути, в тупике. Вокруг висели траурные венки и стояли стенды с фотографиями, запечатлевшими отдельные моменты катастрофы – дым, огонь, оторванные конечности, рты, распахнутые в безмолвном крике. Санитаров, вытаскивающих трупы. Фотографии людей, пострадавших в теракте. Подписи под фотографиями – имена, фамилии, два слова о том, кто кем был при жизни. Фото поезда за

минуту до. Веселые люди выглядывают из окон вагонов. Улыбаются, машут оставшимся на платформе. У многих в руках букеты цветов. Проводники в форме застыли у дверей на подножках.

В другом городе их водили смотреть на громадную груду кирпичей, оставшуюся от разрушенного бомбой дома. Рядом на стенде красовалась фотография дома. Шесть этажей, три подъезда. Ротонда наверху, солнечные блики в стеклах окон. Вычурные балконы в цветах и листьях. Из окна на третьем этаже смотрит на улицу рыжая кошка.

Столицу проезжали не останавливаясь. Объехали ее ночью, по окружному пути. Так, что даже издали не удалось полюбоваться видом высотных зданий и гигантской, самой высокой в мире Обсерватории.

Дуся объяснила, что в Столице на улицах и так слишком много народу. И своих, и приезжающих по делу. Поэтому получить разрешение на проведение в Столице экскурсии практически невозможно.

Несовершеннолетние могут попасть в Столицу двумя путями – либо там родившись, либо отличившись впоследствии чем-нибудь совсем уж особенным.

Выходит, ей, Ане, удалось-таки отличиться?

Когда-то мама рассказывала Ане, что в Столице, в Главной художественной галерее есть зал, где висят папины картины. Отобранные еще в студенческие годы, когда он учился в Академии искусств и считался перспективным художником, а по ночам разгружал вагоны, чтобы ни одного драгоценного часа из светового дня не тратить на общественные работы.

* * *

– Сережа, стой! – Дуся догнала их с Леркой в коридоре. – Я не хотела при всех, но...

– Лер, иди вперед, я сейчас. – Сергей приостановился, пропуская вперед шумную толпу одноклассников.

Лерка немедленно нырнула в самую гущу, хлопнула кого-то по плечу, вклинилась в чей-то разговор, засмеялась неслышной отсюда шутке, кому-то слева улыбнулась, кому-то справа замахала рукой. В коротеньком ярком платье, туго обтягивающем круглый живот, она казалась воздушным шариком, выпущенным из рук, беспечно выплясывающим в потоках теплого воздуха. На миг Сергею сделалось страшно: вдруг кто-нибудь неосторожно толкнет, заденет... Смешно. Ходит же она как-то по целым

дням без него.

Если положить Лерке руку на живот, почти сразу наткнешься на локоть или коленку. Кажется, что малыш близко, под самой кожей, и так легко ему навредить. Но Лерка говорит, что бояться нечего, ребенка защищает спасительный слой околоплодных вод. Черт, умная она стала после этих курсов подготовки к родам, как прям после университета!

– Когда ты сделаешь рентген? – спросила Сергея Дуся.

– Не знаю. Завтра. На той неделе. Когда время будет.

– Ты же понимаешь, что нельзя все время откладывать?

– Почему? Думаете, медбратья придут и силком потащат?

– Не исключено. – Дуся улыбнулась, но глаза ее, цвета застиранных джинсов, смотрели встревоженно и серьезно.

– Ну тогда они мне не братья!

– Сереж, мне кажется, ты не осознаешь. Каждый лишний день – дополнительная отметка в твоей карточке. Когда их наберется чересчур много, соберется комиссия. Могут поставить вопрос о степени твоей гражданской ответственности, способности быть отцом своему ребенку.

– Ну они ж не могут мне запретить спать с Леркой? А ее-то не лишат из-за меня родительских прав? А уж я при ней как-нибудь устроюсь.

– Ты чего-то боишься?

Дуся с беспокойством оглядела его широкие плечи, ровную спину. Сергей чуть откинулся, словно кудри и впрямь были золотыми и оттягивали голову назад своей тяжестью. Поиграл бицепсами, рисуясь. В голубых глазах светилась усмешка.

– Что вы, Евдокия Геннадьевна, чего мне бояться? Я все понимаю, общество заботится о нашем здоровье. Просто я считаю, что мое здоровье – мое личное дело. Никого, кроме меня, не касается. И заставлять меня насильно проходить какие-либо медицинские обследования – насилие над личностью. Вы что, со мной не согласны?

– Сережа, но ведь ты живешь среди людей! Это разумные меры контроля. Нельзя рисковать здоровьем других ради собственной прихоти. А вдруг у тебя туберкулез? Это ведь заразно!

– Нету у меня никакого туберкулеза! Чего вы ко мне пристали! – Сергей неожиданно сорвался на крик и привычно передернул лопатками.

Одна секунда, и Дусе все стало ясно. У нее словно спала с глаз пелена. Брови ее страдальчески изогнулись, лоб прорезала смешная треугольная складка. Она хотела было что-то сказать, но сдержалась.

Сергей ничего не заметил. Он стоял посреди пустого коридора, по-прежнему откинув голову назад, все еще глядя с вызовом. Но Дуся вызов

не приняла. Отвела глаза и сказала куда-то в сторону стенки:

– Ладно, Сережа, иди. Нету так нету. Будем считать, что поговорили.

Разумеется, Дуся обязана сообщить руководству о своих подозрениях. Но она пока что повременит. Вряд ли что-нибудь изменится в ближайшее время. Сколиоз ведь хроническое заболевание. Она подарит ему еще пару недель. Пусть немного побудет с семьей, побудет самим собой. Все равно деваться ни ему, ни ей некуда. Бедный парень! Надо же, как не повезло! Видимо, он о чем-то подозревает. Потому и не идет на рентген. Боится, что там ему скажут.

Каждый раз, когда это случалось с кем-то из ее учеников, Дусю накрывали беспомощность и отчаяние. Она как бы переживала все заново. Семья, любовь, победа на конкурсе, цепкие маленькие ручки на шее. Университет, надежды, планы на будущее. И вдруг ничего. Пропать, пустота. словно попыталась взлететь – и упала. Разбилась вдребезги о камни.

Одно время Дусе это часто снилось. Ну что она летит и падает с высоты. Просыпалась с чувством, что пережила собственную смерть. Вставала, с недоумением оглядывая руки и ноги. Казалось странным, что они целы, и гнутся, и действуют.

* * *

– Какие глупости! – воскликнула мама. – То есть как не приедешь?! Не выпустят без рентгена? Что? Думала сделать в последний день? А они закрылись на все каникулы? Ох, ну что ж ты такая лапа-растяпа! Ладно, не переживай. Я уверена, все удастся уладить. Я приеду за тобой сама, привезу им справку от папиного врача, напишу слезное заявление, и в порядке исключения... Ну должны ж они понимать, что за две недели в тебе вряд ли что-то капитально изменится.

Машка всегда знала, что ее мама – танк. Теперь она лишний раз в этом убедилась. Мама приехала, потрясла перед носом директора справкой, поплакала, покричала – и вот они уже катят домой в маминой машине. От мамы пахнет знакомыми духами. Пара завитков, выбившихся из прически, все еще грозно топорщится надо лбом, как рожки. Машкина мама умеет быть свирепой, когда захочет.

– Заскочим по дороге в роно, – говорит она, улыбаясь. – Из-за тебя мне пришлось сдвинуть на пару часов общественные работы.

В роно мама запихнула Машку в подсобку и велела сидеть тихо,

потому что в большом зале, за стеной, идет страшно важное совещание. А сама, подхватив чистящие растворы и пылесос, отправилась вылизывать коридор третьего этажа.

В подсобке было отчаянно скучно. Сперва Машка пыталась читать. Потом писать сообщения одноклассникам. Почти все были еще в пути, поэтому отвечали плохо. Потом Машка вспомнила, что сто лет уже не занималась гимнастикой. У нее возникла идея постоять немного на голове. Стараясь не слишком шуметь, Машка сдвинула в сторону ведра и швабры, накидала на пол ветоши для протирки окон и заняла позицию у окна.

Мир, перевернувшись вниз головой, воссиял внезапно новыми красками. Так всегда бывает: стоит лишь сменить угол зрения – и все сразу видится по-другому. Машка смотрела в окно, где снег теперь летел вверх, а дым из фабричных труб устремлялся вниз, но где-то на полдороге они, как прежде, смешивались между собой.

Голоса тоже зазвучали резче и отчетливей. Ведь теперь она ухом прислонялась к стене. Машке даже удалось разобрать отдельные предложения. Особенно выделялся высокий, сильно грассирующий голос.

– В данный момент мальчик находится в землянке. Это в двадцати километрах к северу от города, на территории лесхоза «Радуница». Землянка сверху прикрыта еловыми ветками. Я вам, как дойдет до дела, покажу это место на карте.

– Родители все годы прятали ее на чердаке. Нет-нет, вход на чердак не из квартиры, а со двора, с черного хода, это только кажется, что забито, доски на двери только для виду...

Наконец совещание закончилось, люди за стеной задвигали стульями, открыли дверь и начали расходиться.

Машка плавно, почти бесшумно вернулась обратно на ноги и высунула голову из подсобки. Мимо на костылях шествовал низенький человек с круглой, чисто выбритой головой и уродливо торчащими, словно обрубленными ушами. Человек обернулся. На Машку с веселым любопытством уставились насмешливые золотистые глаза. Зрачки в них были вертикальные, как у кошки. Человек улыбнулся. Тонкие сухие губы разъехались, обнажая острые кончики клыков.

– Ай! – вскрикнула Машка и шарахнулась обратно в подсобку. Ведро, которое она задела, с грохотом упало и покатилося по полу.

– Как тебе не стыдно! – возмутилась мама, как раз в тот момент возникшая в конце коридора с пылесосом наперевес. – Выйди оттуда немедленно и поздоровайся по-людски. Здравствуйте, – обратилась она к странному человеку. – Это моя дочка Маша. Вы ее извините, это она от

неожиданности.

– Ничего-ничего, – приветливо отозвался человек. – Я понимаю. На меня многие так реагируют поначалу. Здравствуйте, Маша! Рад, очень рад познакомиться! Хотя никак не ожидал, что у такой молодой женщины окажется столь взрослая дочь!

Кивнув им обеим на прощание, человек бодро застучал костылями дальше по коридору.

– Кто это? – прошептала Машка, когда он отошел достаточно далеко.

– Гоша из отдела статистики.

– Мама, он вообще человек?

– В смысле? Не поняла твоего вопроса. Человек, конечно, и притом достойный всяческого уважения. Хоть и инвалид детства, но получил высшее образование, работает.

– Mam! Ты когда-нибудь замечала, какие у него глаза?!

– Глаза? Разве у него что-то не так с глазами? Впрочем, ничего удивительного. Он вообще очень больной человек. Но ты, Манюнь, меня разочаровала. Пора б тебе уже научиться сдерживать эмоции. Не маленькая. Ему и так несладко приходится, а тут еще ты вылетаешь из-за угла и визжишь на весь коридор, будто буку встретила. Представь, как ему это неприятно. Знаешь, кис, мне за тебя стыдно.

Машка потрясла головой, пытаясь избавиться от впечатления. Клыки. Золотистые глаза. Узкие вертикальные зрачки. Где-то она все это уже видела. Или ей показалось? И тогда показалось, и сейчас? Нет, она все это обязательно выяснит!

* * *

Назавтра в конце рабочего дня Машка стояла недалеко от роно, не спуская глаз с беспрерывно распахивающейся двери, выпускавшей уходящих сотрудников. Наконец дверь отворилась медленно, рывками, и из-за нее показался Гоша на своих костылях.

– Здравствуйте! – сказала Маша, решительно подходя к нему и протягивая руку. В ответ к ней протянулась лапа с укороченными когтями. Маша беззастенчиво разглядывала ее несколько секунд, прежде чем пожать.

– Здравствуй, Маша. Чем могу быть полезен?

– Скажите, я могу вам задать вопрос?

Гоша усмехнулся. Перед Машкой опять мелькнули острые кончики

кльков. Но она постаралась остаться невозмутимой.

– Спрашивай, – сказал Гоша. – Но помни, вопрос может быть только один.

– Понимаю. – Машка тряхнула головой, решительно отгоняя прочь многочисленные искушения. – Объясните мне, пожалуйста, что вы такое на самом деле?

– Эх! А я-то надеялся, что ты спросишь, поженитесь ли вы с тем хмырем или нет. Но тебя, значит, больше интересует моя скромная персона. Окей, только не на улице. Знаешь что, а пошли ко мне. Кофейку выпьем, и я тебе постараюсь все объяснить.

Машка заколебалась. Во-первых, кльки. А во-вторых, Гоша, кем бы он там на самом деле ни был, все-таки незнакомый мужчина.

– Вы думаете, это удобно? – нерешительно сказала она, переминаясь с ноги на ногу.

– Неудобно спать на потолке, если ты не летучая мышь с присосками. Пошли, я, честное слово, не кусаюсь. Ты же не боялась пожимать мне руку, хотя на ней, между прочим, когти? За честь свою тоже можешь не волноваться, нас всех перед выходом в свет в обязательном порядке кастрируют.

– Вы что, умеете читать мысли?!

– Нет, но твои написаны у тебя на лбу. – Гоша рассмеялся мурлыкающим, гортанным смехом, и Машка вдруг поняла, что ни капельки его не боится. – Пойдем, мы с тобой привлекаем внимание.

Они прошли немного по проспекту, потом свернули в боковую улочку и дальше двигались среди дощатых заборов с одноэтажными домами за ними. Из труб валил дым, резко пахло от газовых баллонов, лаяли разномастные собаки. Дома были выкрашены в разные цвета – зеленый, синий, красновато-коричневый, но краски от времени потемнели и приобрели оттенок некоторого благородства.

Улица казалась бесконечной, они дошли по ней почти до окраины. Гоша переставлял свои костыли на удивление проворно, Машка едва за ним попевала. Вильнув пару раз, улица вывела Гошу с Машкой к длинному грязно-желтому барaku, трехэтажному, с голыми квадратами окон. На двери была надпись «Общежитие № 5», большими буквами, масляной краской.

– Добро пожаловать! – Гоша распахнул перед Машкой дверь. – Прошу простить, но home, как говорится, sweet home.

Изнутри нестерпимо несло кошками, мочой и капустой.

Они поднялись на второй этаж, и Гошины костыли весело зацокали по разбитым кафельным плиткам мимо мириады дверей. У одной, с большой

буквой «Ж», Гоша на секунду задержался и выразительно кивнул Машке – тебе, дескать, сюда не надо? Машка отрицательно мотнула головой, и Гоша пожал плечами – как знаешь.

Машке показалось, что дорога от лестницы заняла у них целую вечность. Гоша жил в конце длинного вонючего коридора с осклизлыми серыми стенами. Но когда Гоша отпер дверь, и они вошли, и после щелчка выключателя вспыхнул свет, то Машка даже зажмурилась.

Хрустальная люстра щедро заливала пространство потоками света. Пол покрыт был толстым ковром. Когда Машка разулась, ноги ее буквально утонули в его теплом ворсе. Низкая широкая тахта на полкомнаты, застеленная шерстяным пледом с ярким геометрическим узором. На стенах картины, гравюры, тарелки, деревянные маски. Между ними зелень растений, тянущихся вверх из кадок, стоящих на полу, и свисающих из кашпо, развешанных по стенам. Стену напротив тахты полностью занимал экран.

Поскольку комната была угловой, ей полагалось два окна. Под одним из них расположилась мини-кухня: шкафчики, плита, холодильник и роскошный антикварный рукомойник.

– Офигеть! – выдохнула Машка.

– Нравится? – Гоша наслаждался произведенным эффектом.

– Конечно! И вы все это сделали сами?!

– Вот этими собственными руками. – Гоша повертел перед ее носом парой изящных лап. – Знаешь, некоторые гайки особенно удобно закручивать когтями.

Прислонив костыли к стенке, Гоша уселся на пол и стянул уродливые ортопедические сапоги. За сапогами последовали брюки. Гоша остался в шортах, куда лучше смотревшихся на его орлиных ногах. По дому Гоша разгуливал на своих четырех. Под шортами ясно вырисовывался обрубок хвоста.

– Уфф! – Гоша по-кошачьи прогнулся и потянулся всем телом. – Погоди, сейчас в себя приду и сварю нам с тобою кофейку. Ты как любишь – с кардамоном или без?

– С кардамоном. Так вы, значит, и вправду химера?

Гоша хитро прищурился:

– А это вопрос или уже ответ?

– А можете вы мне рассказать, как так получилось?

– Могу. И расскажу. Ты, главное, сформулируй вопрос: про что именно ты хочешь узнать?

– Про всё. Как так получилось, что вы существуете, почему ваше

существование от всех скрывают, существуют ли заодно, кроме вас, ангелы и кентавры, а главное – есть ли Бог? Можете вы мне на все это ответить?

– Насчет Бога и ангелов сказать что-либо затрудняюсь. Сие нам, химерам, неведомо. А про остальное – расскажу с радостью. Потому что практически все это один вопрос и на него есть один ответ. Длинный, пространный, но всего лишь один. Тебе сахару сколько класть?

* * *

– То есть получается, в древности химеры и вправду существовали?!

– Конечно, хотя даже в старые времена нас было мало. Во-первых, сама по себе это крайне редкая мутация. Во-вторых, представь, ведь что такое рождение химеры? Вообрази, ходишь ты с пузом, вся такая счастливая. Гадаешь: кто там у тебя внутри, девочка или мальчик? На кого похож, на мужа или на тебя. И вдруг – хоп! – на свет появляется неведомая зверюга, с когтями и перьями, вопящая «мяу!» и хлещущая направо-налево ядовитым хвостом. Пожалуй, лучше уж, чтоб ребенок родился мертвым!

– Но почему?! – Машка немедленно оскорбилась за химер. – По моему, вы очень даже симпатичные.

– Да ну? Ты и вправду так думаешь? Нет, ну я-то не спорю, но, боюсь, большинство людей с тобою не согласится.

– Ну и дураки! Хорошо, а тогда что происходило?

– По-разному. Чаще всего малыша сразу убивали, причем обычно вместе с матерью. Но случалось, вовремя подворачивался жрец. Тогда он забирал детку в храм и воспитывал.

– Но вы же ценные существа! Ясновидящие!

– Скажи еще – священные. Ясновидение, чтоб ты знала, никому еще не принесло счастья, и меньше всего самому оракулу. Знаешь, сколько химер заплатились жизнью за то, что кому-то не по вкусу пришлось их предсказания?

– А химера не может в каких-то случаях соврать или промолчать?

– Дело не в том, что не может. Просто молодой химере, для того чтоб ответить на вопрос, нужно войти в транс. А до зрелых лет, когда ты художно обучаешься этот процесс контролировать, немногие из нас тогда доживали. Ну а когда человечество познало счастье монотеизма и на радостях ринулось разрушать храмы, вообще нам капец пришел. Химер и прочих антропоморфов объявили исчадьями ада и начали без жалости истреблять. К тому же церковники, дабы подстегнуть рвение народа, за

голову каждого антропоморфа платили золотом.

– И?

– Истребили. А ты как думала? Всех-всех, до последнего крохотулечного звереныша.

– А откуда же вы снова взялись?

– А это, Маш, великое достижение науки. Фокус-покус. Восстановление, так сказать, феникса из пепла. Ну чего ты ржешь, я серьезно. Церковники же тела антропоморфов сжигали, а пепел развеивали по ветру. Так что от нас и следа, можно сказать, не осталось. Одни сказки да легенды.

– Но как же тогда...

– А вот слушай. Пару веков назад, аккурат когда человечество, разочаровавшись в религии, ринулось с головой в науку в расчете, что перед ним вот-вот раскроются все тайны земные, откопали где-то ученые на Крайнем Севере, в вечной мерзлоте, загадочные останки. Видно, какие-то отчаянные жрецы, пытаясь уберечь своих священных зверей от церковников, забрались слишком далеко на север, и то ли бурей их внезапной накрыло, то ли просто перемерзли от холода. Так их снегом на тысячелетье и завалило. Когда откопали, лежали все вперемешку, целехонькие почти, и люди, и кентавры, и кто ни попадя. Найденное в глубокой тайне переправили в специальную лабораторию. И там удалось добыть из этого образцы способной к оплодотворению спермы. Ею оплодотворили сколько-то женщин – заключенных исправительно-трудовой колонии и сколько-то подопытных кобыл.

– И что?

– Да ничего! Родились обычные дети и жеребята! Их вырастили, скрестили между собой – снова ничего. Обычные дети и жеребята, без видимых отклонений. Через пару десятилетий эксперимент прикрыли из-за очевидной бесперспективности. Мелких детей передали на усыновление, подростков и взрослых трудоустроили, лошадей продали в разные хозяйства. Прошла сотня с лишним лет, все про это дело давно забыли. И вдруг ни с того ни с сего...

– Начали рождаться химеры?!

– В том числе и химеры.

– Ясно. Скопилось нужное количество гетерозигот.

Гоша уважительно присвистнул.

– Умная ты! Хотя что удивляться, при таких-то родителях.

Машка вздохнула, подперла подбородок кулаком и глубоко задумалась. Какое-то время Гоша поглядывал на нее с любопытством. Но так как

Машка молчала, Гоша не выдержал и спросил:

– Что, тебе уже все понятно? Больше ничего не хочешь узнать?

– А можно?

– А то! Ты ж спрашивала про химер сегодня. Так вот, чтоб ты знала, на сегодня в мире насчитывается около тысячи химер. По-прежнему это одна из редчайших человеческих мутаций.

– Человеческих? А почему вы не скрещиваетесь между собой?

– Потому что женщины у нас бесплодны, у них вместо матки редуцированный яйцеклад. А сами мы теоретически могли бы иметь потомство от человеческих женщин, но только кто же нам даст, тюрьмы-то у вас давно все позакрывали. А если и случается, то все равно, как правило, рождаются обычные, человеческие младенцы.

– А почему вас от всех прячут?

– А потому, что мы – тайное стратегическое оружие. Любая разведка в подметки нам не годится! Незаменимы для предотвращения терактов и урегулирования вооруженных конфликтов. Так что мы все разбросаны по военным базам. И только крайне небольшому количеству за особые, выдающиеся заслуги, – Гоша приосанился и попытался развернуть плечи, – дозволено жить среди людей, как мне. Разумеется, в условиях строжайшей тайны и после ряда пластических операций.

– Но люди ведь все равно могут догадаться? Ведь я же, например, догадалась. Нет, ну вы не обижайтесь, конечно, но хоть вы и без шерсти, и уши с хвостом отрезаны, и лапы вечно в перчатках, но все-таки, если присмотреться...

– Так это ж знать надо, куда смотреть.

– А люди разве не знают?

– Некоторые знают, но дали подписку о неразглашении. Другие, может, и видят, но привыкли закрывать глаза на все необычное. Такие в случае чего сами себя убедят, что им показалось. А большинству – откуда знать? Вас сколько на курсе «История религии» учится?

– Четверо.

– Ага. Из них – дай-ка угадаю – трое, небось, из семей тайноисповедующих?

– Скорее всего, да. Ну так мне, по крайней мере, всегда казалось.

– Ну эти до чужих тайн не охочи, им свою б как-нибудь сберечь. В таких семьях детей с рождения учат держать язык за зубами. Тебя-то туда каким ветром занесло?

Машка заколебалась. Она о таком ни разу еще никому не рассказывала. Ни маме, ни папе, ни даже Лерке. Да ладно уж, была не была! Что-то ей

подсказывало, что Гоша не будет над ней смеяться.

– Понимаете, Гоша, у меня есть Бог. Это как бы игра такая. Но он мне по-настоящему помогает.

* * *

«Сань, думаю, это последнее мое письмо. Пищу не сама и не уверена, что тебе передадут. Но человек, который пишет, санитарка наша, Ивлева Женя, клянется, что передаст. Вообще-то она добрая и надежная и обещания всегда выполняет, что удивительно, учитывая место работы. В случае чего, как из школы выйдешь, обращайся к ней. Мы с нею договорились.

Не расстраивайся, Сань, ведь ты уже взрослый. В твоём возрасте мама не так уж нужна. Тем более когда она далеко и в моем состоянии.

Если честно, меня ведь только мысли о тебе и держали. Все думала: “Как-то Санечка мой воспримет? Вдруг узнает и плакать будет? Маленький еще, не поймет, что тут радоваться надо, а не огорчаться”.

А вчера взглянула случайно на календарь и думаю: “Боже ты мой, Саньке-то ведь уже семнадцать! Полный, стало быть, Александр Николаич! Поди не узнаю, если увидимся”.

Про то, чтобы ты меня узнал, уж и не загадываю. В теперешнем состоянии вряд ли кто меня узнать сможет, да и слава богу!»

Это письмо Ерофеев получил не через секретаршу учебной части, как всегда, а от шофера рефрижератора, возившего через день для зооуголка мясные отходы. Шофер сказал, что какая-то женщина подошла к нему на мясокомбинате, на проходной, сказала, что знает, в какую он школу сегодня едет, и попросила передать «только потихоньку и лично в руки».

– И вы сразу согласились?

– А что здесь такого? Это ж не преступление. От девушки небось, а?

– От девушки. – Саша улыбнулся, пряча письмо в карман. Мать он помнил тоненькой, как тростинка, и всего лет на десять старше его самого.

Читал он у себя. Прочел несколько раз, от первой строчки и до последней. Это что ж значит, она прощается с ним? Сдается?! Отказалась от их будущей встречи? Ну уж шиш!

Ерофеев вскочил и заходил быстрыми шагами по комнате. От стенки к стенке, вперед-назад. Каморка под лестницей была ему мала, стены в ней отстояли слишком близко одна от другой.

Взяв ключ, Ерофеев поднялся по лестнице. Отпер кабинет изо, снял с

полки свежую коробку с пластилином. Смял радужные полосы в один грязный ком. Руки сразу заходили ходуном, разминая этот ком, поглаживая, массируя, заставляя ожить и обрести форму.

Ерофеев пытался управлять как-то этим процессом, заставляя себя думать о маме, представлять себе отдельные ее черты: щеки, нос, глаза, подбородок. Наконец движение рук замедлилось, доводя до ума заключительные детали, и Ерофеев разрешил себе посмотреть. У него получилось дерево. Корявое, ветвистое и с дуплом. Он разозлился, скатал пластилин обратно в ком и запустил этим комом в стену. Глупо, конечно, но на душе полегчало.

Вернувшись, он застал у двери растерянного, с ноги на ногу переминавшегося Сережку. В руках у того была неизменная бутылка «с лимонадом» и какая-то закуска, купленная, наверное, в городе.

Ерофеев постарался изобразить радость.

– О, привет! Какими судьбами! Вы с Леркой разве не уехали на каникулы?

– Лерка да, а я нет. Вот пришел посоветоваться.

– Что, опять у кого-то что-то сломалось? Или задание по математике не выходит?

– Не, тут другое. Саш, только не начинай сразу, что мне мерещится, что я до ручки допился. Сперва посмотри. У меня тут это... Ну вроде как крылья режутся.

* * *

Крылья, уже абсолютно сформированные, жили своей собственной жизнью. Они горели, пульсировали, чесались, готовые вот-вот вырваться наружу. Кожа над ними совсем истончилась, стала почти прозрачной, и крылья под ней симметрично проступали неровными острыми буграми. Когда б не зима, не телогрейка и теплый мешковатый свитер, связанный любящими Леркиными руками, Сережкина тайна давно бы стала всем известна. Если бы сейчас было лето!

– Да, – уважительно протянул Ерофеев, осторожно пощупав.

– А можешь погуглить, что это вообще такое? Как-то не верится, чтобы это был первый в истории человечества случай.

– Попробую.

Интернет в школе был сильно фильтрованный, но Сашка с его гениальными мозгами давно научился это обходить. Другое дело, что

информации о Сережкиной беде в открытом доступе не оказалось.

«Крылья у людей», «крылатые люди», «люди с крыльями» – на любой вариант запроса следовало лаконичное «не найдено».

– Попробуй «крылатость», – предложил Сергей.

– Нет же вроде такого слова, – усомнился Ерофеев, но все-таки послушно набрал.

Появилась ссылка на личную страницу какого-то школьника с грозным именем Лев, по фотографии судя, пацана лет тринадцати, в больших очках и с горбатым носом, по всему видно – ботана и заучки. Тем не менее информация, которую ему удалось надыбать, изложена была логично и внятно, информации было достаточно, более того – пацан ссылался на личный опыт, свой и товарищей по несчастью.

За пару месяцев до написания статьи у него заподозрили вторичный сколиоз, но сразу не загребли на лечение, оставили гулять до следующего обследования, как в свое время Сережку. Рентген позвоночника школьникам делали раз в три-четыре месяца, куда спешить.

Ему стало любопытно – а что это вообще такое? Расплывчатые ответы врачей его не устроили. Пацан полез в интернет за недостающей информацией. Похоже, хакер он был круче самого Ерофеева. Ознакомившись с тем, что нашлось про вторичный сколиоз в сети, Лев понял, что все это развесистая клюква. Истину же по какой-то причине от всех скрывают.

Поразмыслив, Лева хакнул информационную базу школьной медчасти. Узнал много интересного из историй болезни учеников, кроме того там было полно ссылок на медицинские источники, доступ к которым, разумеется, был закрыт, но для Лёвы это не составило особой проблемы.

Так он узнал, от чего его собираются лечить.

Всю собранную информацию Лев подробно изложил на своей странице языком, понятным любому школьнику, хоть сколько-нибудь знакомому с биологией. С цифрами, рисунками, фотографиями. После чего исчез из сети. Судя по датам, последняя запись сделана была им шесть лет назад. Поиски информации о нем не привели ни к чему. Среди выпускников своей школы он не значился.

– Хороший был пацан, – вздохнул Ерофеев, – умный, предприимчивый, а главное, о других пекся. Не побоялся все это в сети выложить. Наверняка ведь он и размножить пытался, но гады эти, из инфозащиты, всё постирали. Чудо еще, до страницы не добрались. Там у него, наверное, пароль стоял временный, на пять лет допустим, а теперь срок кончился. Похоже, светлая ему память.

– Почему? – возразил Сергей. – Чего ты так сразу? Может, его просто вылечили?

– Или он убежать успел.

– Да куда ты в тринадцать лет убежишь? На улице любой сразу цоп за руку: «Куда, мальчик? Почему без сопровождающего?» Другое дело – ты или я. Я вон даже специально бороду отпустил. С бородой уж точно никто связаться не станет.

– Думаешь? – Ерофеев высунул голову из каморки, чтобы заценить собственное отражение в зеркале, висящем напротив, у двери выхода из корпуса.

– Сто пудов! Нас с тобой от взрослых не отличить. А тебе зачем? В бега, что ль, намылился? А как же наука, университет, прочие примочки? Ведь ты ж у нас гордость школы! Или случилось что?

– Случилось. – Ерофеев помолчал.

Раньше бы он рассказал все Ане. Но Ани не было, она была далеко. А Сережка был для него скорее приятель. Они вообще все в классе неплохо относились друг к другу, Дуся как-то умела это поддерживать. В других классах такого не было, насколько он знал.

– Случилось, – повторил он. – Но только и ты, Серег, никому.

– Могила! – Сергей рубанул по горлу рукой.

* * *

– И ты даже не знаешь, где она, в каком городе?

– Ну логично предположить, что это недалеко от мясокомбината, где шоферу письмо передали.

– Гуглить пробовал?

– Извини, но я не настолько крут. Медицинская инфа от меня за семью печатями.

– А в списках жителей ты смотрел? Наверняка ж они пациентов инвалидных домов регистрируют?

Они посмотрели – и да, мама зарегистрирована по адресу, где, судя по карте, инвалидный дом. По крайней мере, ничем другим это мрачное строение быть не могло.

– Ну вот, теперь ты все знаешь. Можешь съездить навестить маму. Подкараулишь ее на прогулке или через Женю эту как-то с ней свяжешься. Повидаешься – и назад. Никто даже не заподозрит.

– Но это же не меньше двух дней! Одна дорога туда и обратно сутки.

– И что? У нас же каникулы! Кому ты нужен, кто тебя в твоей норе искать будет? Окопался тут, как медведь в берлоге.

– А звери в живом уголке? Их же кормить надо, воду им каждый день менять.

– Да ну, навалишь им с вечера жратвы побольше, а воду они разок старую похлебают.

– А выйти как? Я смотрел – дыру-то нашу опять заделали. Я тут хотел за сигаретами смотаться и обломался.

– Тебе дать сигарет? А дырок я тебе хоть сто новых наверчу, мне это раз плюнуть. А хочешь, резачок тебе свой запасной отдам? А то там, где мать твою держат, тоже забор неслабый.

– Дай, если тебе не сложно. Серег, но сам-то ты как? На самом-то деле это ведь тебе, а не мне когти отсюда рвать надо. Пока твои анатомические новшества не засекли.

Сергей помрачнел.

– Сань, ну как я пойду? У меня ж семья. Малая вот-вот родится. А как Лерка здесь без меня?

– Серый, где у тебя голова?! Считаешь, тебе позволят вот так запросто крыльями над семьей махать? Да они как узнают – сразу скорый поезд ту-ту, привет, резервация!

– Да, но все-таки... Надо ж хоть попрощаться! Вот Лерка на той неделе приедет...

– Серый, у тебя нет недели. Уже завтра, может быть, поздно будет. Ты сам разве не чувствуешь, что кожа у тебя на спине вот-вот треснет?

– Чувствую, конечно, но как...

На Серегу было жалко смотреть. Ссутулился, отчего крылья под курткой сразу проступили гораздо резче.

Ерофеев выразительно пожал плечами.

– Окей. Дай мне хоть домой сбегать. Соберусь, оставлю Лерке записку. Но, Сань, по-твоему, мне есть куда бечь? Крылья ж не возраст, их ведь, как развернутся, от прохожих не скроешь.

– Сперва тебе главное – отсюда уйти. Потом... потом я бы на твоём месте пробирался к Непреодолимым Горам. Куда-нибудь поближе к границе. Пара-тройка дней у тебя еще есть. На самолете долетишь до ближайшего к горам города и оттуда пойдешь пешком. А там... Как крылья-то развернутся, глядишь, и через горы, за границу, сможешь перелететь.

– Да что я там буду делать, в чужой стране и без языка?!

– А здесь что ты будешь делать?

Сперва идти в гору казалось проще простого. Тут дорожка, там тропка, на худой конец, какой-нибудь выступ, зацепившись за который руками и подтянувшись вверх, можно добраться до следующего выступа или даже небольшой площадки, где удастся отдохнуть и откуда опять вверх потянется какая-то тропка. Не может же вообще не быть тропок! Пусть не сразу, но тропка всегда рано или поздно отыщется.

Если подходящих выступов не было, Сергей вырубал их сам.

Главное, не смотреть вниз. А то голова может закружиться.

Он упрямо лез вверх уже третий день. И хотя он запретил себе смотреть вниз, голова у него кружилась все чаще. От усталости, от разреженного воздуха. Не говоря уж о том, что Сергей давно уже по-человечески не ел.

В какой-то момент от резкого движения кожа на спине лопнула, и меж лопаток потекла тепловатая жидкость. Сергей передернул плечами и впервые по-настоящему ощутил крылья. Прикольно! Он мог ими шевелить. Если б не одежда, смог бы даже их развернуть. Но экспериментировать было некогда. Надо было двигаться дальше. Еда у него практически кончилась, ее и сначала-то было немного, рюкзак ведь он по понятным причинам нести не мог. Печенье, сыр, шоколадки. Все, что удалось купить в аэропорту перед отлетом и распахать по карманам комбинезона. Жажду Сергей утолял льдом и снегом. Спал в спальнике, это такое достижение науки и техники, что в свернутом состоянии умещается в карман, но, натянутое на тело, каким-то чудом умудряется сохранять тепло.

Если с вечера не удавалось найти укрытие от ветра, Сергей для надежности прикручивал себя перед сном веревкой к выступам в скале, а чтоб не обморозить лицо, закутывал его шарфом. Шарф тоже связала Лерка. Сергею иногда казалось, что он еще пахнет Леркиными руками.

На третий вечер Сергей вышел к ущелью и понял, что все, капец. Не зря эти горы названы Непреодолимыми. Подошел к краю обрыва, глянул вниз и громко присвистнул. Практически отвесная голая скала, спуститься по которой без специального снаряжения нечего и думать. И чернющая бездна, куда, если сверзишься, то сразу с концами и даже костей твоих никто не найдет. На другую сторону можно было разве что перелететь. Может, и вправду с утраца попробовать? Сегодня Сергей был уже настолько вымотан, что не чувствовал толком не только крыльев, но даже ни рук, ни ног. Завтра, все завтра. Утро вечера мудренее.

Ему повезло отыскать крохотную пещерку, такую узкую, что забраться в нее можно было только ползком. Что ж, зато не на улице. В пещерке Сергей включил маленький, размером с фонарь, аккумуляторный электрообогреватель. Хватало его ненадолго, заряжать заново было негде, и смысла включать на открытом воздухе не было никакого. Зато в таких вот пещерках он был самое то. Согретье камни долго хранили тепло. Доев остатки печенья с сыром, Сергей уснул и спал на удивление крепко. Точно и не было перед ним развершейся пропасти, точно все неприятности его были уже позади.

Во сне ему снилось, что малая уже родилась и они вместе летают над лугом, на котором растут цветы, высоченные, как деревья. У малой свои собственные крылышки. Он ее ловит, подбрасывает, целует и опять отпускает. Малая кувыркается в воздухе, как на волнах, и заливисто хохочет. Мимо, громко жужжа, летит шмель.

На траве внизу сидит Лерка, единственная из всех без крыльев. Сергей снижается, делает над ней круг, подхватывает Лерку на лету с земли, взмывает с ней на руках и сажает Лерку в цветок. Прямо в самую чашечку. Лерка из цветка грозит ему кулаком, не то смеется, не то ругается – с ней ведь иногда не поймешь.

Проснувшись, Сергей не сразу сообразил, где находится. За ночь вход в пещеру занесло снегом, было полутемно и душно. Сперва он даже решил, что чужие голоса мерещатся ему из-за духоты.

Снаружи снег хрустел под чьими-то шагами.

– Да нет здесь никого! Ошиблась ваша химера!

– Химера не может ошибиться. Указаны точные координаты. По ним и садились.

– Ну если он тут и был, то искать его, значит, нужно где-нибудь внизу, в пропасти. Царствие, стало быть, ему небесное. Вы помните, какой ветер вчера был? Диву даюсь, как он досюда-то смог добраться и нигде по дороге не сорвался. Но здесь-то, сами видите, здесь-то ему деваться некуда. Так что, значит, одно из двух – либо он упал, либо он замерз, и, значит, снегом его тогда завалило. Ночью-то какой снег шел! И думать нечего, чтобы уцелел. Школьник, один, да еще по такой погоде!

– Ребят, моя версия – на момент предсказания был тут, а после все в точности, как он говорит.

– Ну тогда пора собираться. Как бы еще самим здесь не навернуться. Вон как оно по краям все заледенело.

– Двигаем. А то вдруг опять заметет!

– Типун тебе на язык. Прикуси три раза!

Хлопнули дверцы. До Сергея донеслось жужжание мотора. Вертолет улетел. Он выждал немного и начал осторожно разгрести снежный завал.

Когда он выбрался, шел легкий снег. Снежинки кружили в воздухе, садились на плечи, на голову, таяли на носу. Несколько штук Сергей поймал языком.

– А вообще-то, не так уж и холодно, – сказал он самому себе и стал раздеваться.

Снял куртку, расстегнул до пояса и спустил с плеч комбинезон. Стянул через голову майку и свитер. Кожа сразу начала покрываться пупырышками. Сергей дернул досадливо плечом и впервые в жизни развернул крылья. Крылья как крылья. Большие. Широкие. Должны, по идее, его удерживать. К тому же и лететь тут недалеко, каких-нибудь метров сто. Ну, может, чуть больше.

Он всмотрелся, и ему показалось, что сквозь метель на той стороне светятся окна маленького домика. А вдруг и правда? Было бы очень кстати. Если, конечно, у них там не в обычае сбивать на лету всех пролетающих мимо. На всякий пожарный, с целью сохранения стабильности общества.

Как на них взлетать-то? Может, для начала лучше с разбегу? Сергей разбежался и сделал на бегу шаг в пропасть. «Ну, крылья, не подведите!»

Крылья не подвели. Сергей парил – над горами и над землей, сперва своей, а потом чужой, и чувствовал, как ветер раздувает под мышками воздухоносные мешки, о существовании которых он и не подозревал. Ветер обнимал его, поддерживал, ветер пел у него в ушах. Сергей сам почти что был этим ветром.

Наконец он осмелился взглянуть вниз. Ох! Лучше бы он этого не делал! Хотя пропасть давно осталась позади, но все же как до земли оказалось далеко! От страха у него закружилась голова. Крылья ослабли и перестали держать. Сергей, кувыркаясь, полетел вниз, а земля стремительно рванулась ему навстречу.

Ветки деревьев смягчили его падение.

* * *

До города N Саша Ерофеев добрался без приключений. Он хорошо усвоил премудрость, наспех преподанную по дороге Сергеем: «Чуть чего, делай рожу кирпичом».

Они с Сережкой вместе доехали до вокзала, а дальше их пути разошлись. Сергей пошел на аэроэкспресс, а Ерофеев на поезд, уходящий

вглубь страны.

С непроницаемым лицом Ерофеев шел в толпе незнакомых людей с такими же точно непроницаемыми лицами, и никто не обращал на него внимания. Он вошел в вагон и сел у окна.

Поезд шел долго, со всеми остановками. На остановках люди входили и выходили, знакомились друг с другом или, как Ерофеев, спешили приткнуться где-нибудь в уголке и продремать до конца поездки. Ерофееву проспять всю дорогу не светило, ехать было больше суток, а он все-таки не медведь. К тому же он нервничал и на остановках часто выскакивал покурить.

Судя по надписям на перронах, поезд оставлял за собой одну область за другой. Но Ерофееву почему-то казалось, что они никуда не двигаются и он, как рассеянный герой детской книжки, случайно сел в вагон, отцепленный от состава. Одни и те же насыпи без конца тянулись за окном, посыпаемые мокрым снегом, который, еще не долетев до земли, превращался в липкую грязь.

Перроны, где курил Ерофеев, отличались друг от друга лишь названиями да высотой вокзалов. На маленьких станциях вокзалы были одноэтажные, а в райцентре или областном городе вокзал мог быть двух-, а то даже и трехэтажным. Но складские и служебные помещения везде были одинаковыми.

Наконец по громкой связи объявили: «Следующая станция город N». Ерофеев вскочил, вскинул на ходу сумку и, не застегнувшись, рванулся к выходу. Неужели он вот-вот увидит маму?!

– Куда спешишь-то? Встречает кто? Ишь ты как покраснелся! – добродушно заметил старик, об чей мешок Ерофеев споткнулся и едва не упал.

– Простите? – Ерофеев сделал каменное лицо.

– Красный весь, говорю. Запарился. Куртку-то застегни, а то на улице холодно, простынешь, – пояснил старик, по-прежнему добродушно, но уже без энтузиазма.

Ерофеев кивнул и вышел. Автобус, еще автобус. И вот забор. За забором дом. В доме мама.

Ерофеев уверенно протопал мимо будки охранника с надписью «Предъявляйте пропуск в развернутом виде».

– Люсь, а это кто? – спросил охранник, глядя ему вслед, у женщины, спешившей ему навстречу с полным ведром воды и шваброй наперевес. От воды шел пар, видимо, она была теплой. Ерофеев внезапно ощутил, что жутко замерз.

– Откуда я знаю? – сказала женщина равнодушно. – Истопник, наверное, новый. Вроде наняли вчера кого-то вместо Валерки.

На первом этаже палат не было, только кухня и врачебные кабинеты. Из кухни вкусно пахло теплыми булочками. Он поднялся на второй этаж. В нос так и шибануло хлоркой с аммиаком. Над пустым сестринским постом кнопками был приколот список пациентов с номерами палат. «Ерофеева Н., палата 34». Это оказалось в дальнем конце коридора.

Войдя в тридцать четвертую палату, Ерофеев поразился чистоте воздуха. Ни мочи, ни хлорки – все запахи остались за дверью. Окно было приоткрыто, и за ним по-прежнему царил зима. А у мамы в палате пахло летом. Зеленью, травой, разогретыми солнцем листьями.

Толстая неопрятная медсестра в застиранном халате меняла в капельнице раствор. По трубке текло что-то зеленоватое, опалесцирующее. Медсестра наклонилась, проверяя, не выскочил ли катетер. Зад ее полностью загордил постель.

Подождать, пока выйдет? Но Ерофеев уже столько ждал! Он решительно сделал шаг вперед.

Сперва он ничего не увидел. Только лицо, точнее, только глаза. Огромные серые глаза, которые, увидев его, сразу ожили и засветились. Глаза радовались и смеялись, они как бы говорили с ним на знакомом, но давно позабытом языке. Глазные яблоки двигались быстро-быстро. Вверх-вниз, вправо-влево. Глаза как бы ощупывали Ерофеева, жадно впитывая в себя его облик. Само же лицо оставалось поначалу неподвижным, как маска.

– Что это? На кого вы смотрите, Нина? – встревожилась медсестра.

Мать, с трудом разлепив спекшиеся губы с немедленно выступившими от движений каплями крови, прошелестела чуть слышно:

– Санюшка мой пришел! Совсем взрослый стал! А на отца как похож!

– Вы бредите, Нина! Откуда бы здесь... – Медсестра обернулась и замолчала.

– Мама! – Ерофеев рванулся ее обнять, но с воплем отшатнулся. – Ироды! Зачем вы ее туда засунули?! Это что, лечение такое, что ли?

На кровати лежало дерево. Самое настоящее дерево. С ветками и зеленой кроной. В одной из веток продолблено было аккуратное отверстие, вглубь которого уходила трубка от капельницы. Ножной конец кровати был опущен в кадку с водой, где с трудом помещались многочисленные узловатые корни. Мамино лицо выглядывало из дупла. Глаза больше не улыбались, смотрели встревоженно.

– Санюшка! Вот же я не хотела, чтоб тебя пускали. Сильно испугался?

– Нет, я... Мам, что они с тобой сделали? Зачем они тебя так?
– Что ты? Какие еще они? Это всё я, я сама.
– Как сама? О чем ты говоришь, мама? Как можно такое сделать с собой? Зачем?!

– Саня, Санюшка, успокойся. Мне трудно говорить, да я всего и сама не знаю. Вот доктор придет и все тебе объяснит. А пока ты сядь. Вот здесь, на кровать. Чтоб я тебя видела.

Ерофеев послушно опустился на край кровати, чувствуя себя полным идиотом. Он уже понял, что никто его мать никуда не запихивал. Невозможно так запихнуть, чтобы ветки с листьями росли прямо от лба, а мелкие чешуйки коры так равномерно и плотно покрыли шею. Следовало признать очевидное – его мать превращалась в дерево. Процесс этот начался давно, зашел достаточно далеко и явно сделался необратимым.

Ерофеев неожиданно вспомнил, что когда-то, в детстве, видел на маминых руках и ногах кусочки коры. Точнее, на запястьях и на лодыжках, откуда они распространялись одновременно и вниз и вверх. Встречались также отдельные, спорадические участки на теле, иногда в самых неожиданных местах. Мама сама тогда отчасти деревенела. Забрасывала домашние дела, переставала вставать с постели.

Маленький Ерофеев терпел поначалу, потом принимался ее тормошить: «Мам, вставай, да вставай же, мама!» Мать дергалась, вздрагивала и наконец отходила. Вставала с трудом, медленно разминая затекшие конечности, потихоньку начинала двигаться, и кусочки коры с легким стуком сыпались с нее на пол.

– Вот, – заговорила, помолчав, мама. – Свиделись. Теперь я хоть уйду, наконец, спокойно. С чистой совестью, с легкой душой. Ты вырос таким, как я и хотела.

– Откуда ты знаешь? – Ерофеев понемногу привыкал к ее облику. К тому же голос почти не изменился, разве что стал слабее. Именно таким голосом она разговаривала с ним во сне. – Мы ж с тобой еще и двух слов сказать не успели.

– Чувствую. – Мама улыбнулась, отчего на губах опять выступили капли крови. – Нашел меня, приехал. Самостоятельный человек. Сын.

– Мама, я... Я думал, окончу школу, заберу тебя, будем жить вместе. Я ради этого терпел все. – Он почувствовал, что вот-вот заплачет. – Что ж теперь... для чего теперь...

– Теперь ты будешь жить дальше, – прошелестело с кровати. – Пойми, ничего не изменилось. Мы увиделись, поняли, что по-прежнему друг у друга есть.

– Но как же есть? Ведь ты же... ведь тебя же больше не будет.

– Ты, значит, так ничего и не понял? Глупый! Наоборот, теперь я буду жить долго-долго.

Она замолчала. Ерофеев немного подождал и встревожился. Он посмотрел и увидел, что рта у нее больше нет – подбородок и рот покрывали свежие глянцевые чешуйки коры. От лица остались только глаза и ноздри. Глаза были прикрыты веками. Мама спала.

– А я и не знал, что у Нины такой взрослый сын! – весело пророкотал над ухом жизнерадостный баритон. Ерофеев поднял голову и увидел человека в джинсах, ковбойке и небрежно наброшенном на плечи халате. – Думал, вы еще в школе.

– А я там и был, – признался с каким-то мстительным удовольствием Ерофеев.

– Вот как? – Казалось, доктор не особенно удивлен. – Пойдемте, нам с вами надо поговорить. Вас ведь Сашей зовут, верно? Не бойтесь, она теперь не скоро проснется. Если вообще. Собственно, ей ведь больше незачем просыпаться. Вы своим появлением ускорили, так сказать, процесс.

– Как?! И вы с этим ничего не сделаете?

– Давайте, Саша, все же выйдем отсюда. Насколько я знаю, у вашей матери превосходный слух, и мне бы не хотелось говорить при ней.

Ерофеев бросил прощальный взгляд на кровать. Мамины веки не шевельнулись. Он вышел и прикрыл за собою дверь.

* * *

– У вашей матери сравнительно редко встречающееся отдаленное осложнение вторичного сколиоза, когда сперва происходит перерождение в кору многослойного плоского эпителия кожи, а затем постепенно видоизменяются и редуцируются внутренние органы и ткани.

– Но разве нельзя с этим ничего поделать? Я помню, мама и раньше иногда корой покрывалась. Но потом вставала, и все с нее осыпалось.

– Не на этой стадии. Вы видели, она уже пустила корни. Удивительно, что еще так долго держалась. Как правило, с корнями процесс идет гораздо быстрее. Поверьте мне, мы сделали все, что могли.

– Я и не знал, что мама перенесла... вторичный сколиоз. – Ерофеев слегка запнулся.

– Вы были еще ребенком, когда вас разлучили. Странно было бы, если

бы она вам сказала. Такое не рассказывают детишкам на ночь. Хотите курить?

– Да, если можно.

Они вышли и, не торопясь, обогнули дом. Оказалось, за ним был небольшой сад. Вишни, яблони, груши. Пара высоких тополей, несколько раскидистых дубов. Ясени, осины, березки.

– А здесь, – врач указал на невысокий пригорок, – мы посадим вашу маму. Она сама так захотела. Еще когда была способна ходить, показала место. А вы станете к ней приезжать. Поливать, удобрять, окапывать. Смазывать известью от насекомых. Будете ей все рассказывать, внуков к ней привезете. Есть мнение, что способность слушать и воспринимать информацию сохраняется у таких пациентов надолго, если не навсегда. Это, впрочем, почти невозможно проверить.

– Вы хотите сказать, – Ерофеев потрясенно огляделся, – что все эти деревья вокруг...

– Ну да, – кивнул врач и протянул Ерофееву зажигалку.

* * *

Столица совершенно ошеломила Аню. Ведь одно дело смотреть на это в кино, а другое – самой ходить у подножья высоченных зданий, чувствуя себя на их фоне песчинкой.

К тому же этот бешеный транспорт! С трудом Аня удерживалась, чтоб не шарахаться от пронсящих в двух шагах от тротуара автомобилей и грузовиков. Но не шарахалась, конечно, а только выше поднимала голову и прямее держала спину.

Непривычно яркие фонари и светящиеся вывески слепили глаза. Пляшущие на углах рекламные голограммы вынуждали Аню сперва сторониться, а после, когда она осознавала ошибку, стыдиться собственной непроходимой тупости. Но правда, как реагировать, когда на перекрестке к тебе подбегает призрачная босая девочка и жалобно произносит: «Мне холодно! – А потом, широко улыбаясь, добавляет: – Покупайте зажигалки “Лучина”, и вы не замерзнете никогда!»

Их поселили в студенческом общежитии университета на специальном гостевом этаже. По двое в комнате. Аниным соседом оказался черноглазый парень по имени Славка, откуда-то с Дальнего Юга, из школы под названием Новоречье.

Сперва Ане показалось странным, что ее поселили с мальчиком, а не с

девочкой, но потом она подумала: «А что здесь такого?» Правда, когда вечером Славка стал к ней подкатывать с тем же самым непрошибаемым аргументом: «А что здесь такого? Удобно же, раз вместе живем», Аня его решительно отшила. Причем даже не потому, что он ей не нравился, а просто нефиг. Она и так была полна впечатлений, это уж явно был перебор.

Славка не стал особо настаивать. «Не хочешь? Не надо. Девчонок много. А признайся, обиделась бы, если б я даже не попробовал?» Аня рассмеялась и шутливо махнула на него полотенцем. «Вечером не опаздывай! Я тут, короче, на кухне духовку нашла, печенье печь буду!» Она, кстати, и вправду неплохо пекла печенье. На домоводстве в шестом классе научили. Иногда в каникулы к плите в кухне подпускали. Ерофееву нравилось.

Дальше они две недели просуществовали мирно, как брат с сестрой. Ане даже пришлось его утешать, когда у него возник конфликт из-за какой-то девицы. Славка заявился в номер под утро с подбитым глазом. Аня прикладывала ему лед к фонарю и терпеливо выслушивала про то, что все бабы дуры, а мужики козлы. Под конец Славка поднес к губам ее руку и с чувством сказал, что она одна на свете такая. «Ты лучше всех! Я для тебя, Ань, что хочешь сделаю!»

– Сделай! – неожиданно легко согласилась Аня. – Прикрой меня завтра на перекличке. Скажи, короче, в туалет вышла, сейчас придет. А потом весь день расписывайся вместо меня в рапортичке. Мне очень надо. Лады?

– Лады, – согласился Славка. – У тебя что, свиданка? Любовь большая? Я так и думал! Сегодняшние девчонки так не умеют. Они все какие-то... Но ты не такая! Я сразу понял, как только тебя увидел.

Их пасли как в детском саду. Еще на вокзале объявили, чтоб они не вздумали ходить никуда в одиночку. И вообще, чтобы ни шагу из кампуса, в котором, как в настоящем городе, все есть. Улицы, площади, парки. Магазины, аптеки, рестораны, кафе. Косметический салон и больница.

На следующий день провели им обзорную экскурсию. Провезли по старому центру, показали из окна автобуса Дом правительства. Вечером сводили на балет. Аня была в совершенном восторге – балерины, порхающие по сцене, музыка, декорации – волшебство! Даже жалко, что в пятом классе бросила заниматься хореографией. Но где взять на все время?

На другой вечер их повели в театр на пьесу из школьной программы. В театре Ане понравилось меньше. Хотя тоже здорово – бархатные кресла, занавес, живые люди на сцене. Медленно гаснет свет, и яркие лучи высвечивают самое важное.

В воскресенье они ходили в зоопарк. Строем, с бесконечными

проверками, переключками и унижительным пересчитыванием на ходу.

Сводили их в несколько музеев: Музей науки, Исторический, Музей общественной славы. Аня спрашивала про Главную художественную галерею. Ей ответили, что программой не предусмотрено. Что, в конце концов, это научная конференция, а не развлекательная поездка. Что Столица большая и за год не осмотреть. Если всюду ходить, не успеют прочитать и обсудить все доклады.

Аня свой реферат представила на второй день. Перед выступлением к ней подошел седой старичок в костюме. Представился преподавателем кафедры физиологии медицинского факультета:

– Надеюсь увидеть вас в числе наших студентов! Мы редко приглашаем на наши конференции первокурсников, но ваш реферат настолько выделялся из всех! Скажите, а кто был автором рисунков, которые вы использовали в оформлении?

– Никто. Я сама. – Аня отчего-то смутилась.

– Не может быть! Но вам наверняка помог кто-то с профессиональной подготовкой? Преподаватель изо, например. Не стесняйтесь, здесь нет ничего зазорного. Вы ж, в конце концов, будущий врач, а не художник. Возможно, вы просто отыскивали подходящие рисунки где-то в сети и немного их переделали?

– Да нет же! У меня и эскизы есть. Я ведь рисовала сперва в альбоме и только потом переносила рисунок в компьютер.

– Как интересно! Какая вы талантливая девица, оказывается! – проговорил, отходя, профессор. Ане показалось, что он так ей и не поверил.

* * *

Художественная галерея была неблизко, ехать туда пришлось на метро. Ане показалось, что она целую вечность спускалась на эскалаторе вниз. «Наверняка отсюда уже и до центра Земли недалеко!» – подумалось ей, и она даже рассмеялась про себя, до чего нелепые мысли приходят иногда в голову.

В галерею пришлось выстоять изрядную очередь за билетами. Входя, Аня глянула на часы и ужаснулась: «Господи, полдня уже прошло! Интересно, как там Славка без меня отдувается? Надо бы ему хоть магнитик купить за это в подарок».

Пришлось, не отвлекаясь на картины и прочие экспонаты,

целенаправленно искать зал с папиными работами. К счастью, посетителям при входе выдавался план галереи. Но не отвлекаться было очень трудно. Особенно когда она, слегка заблудившись, забрела случайно в зал древнего искусства и увидела там копии храмовых фресок, изображавшие крылатых людей. Со всех сторон на нее с укором уставились глаза ее пациентов, и Ане, когда она выходила, казалось, что они буквально сверлят своими взглядами ей спину.

В другом зале ее задержали клоуны. Художник рисовал сцены цирковой закулисной жизни. Клоуны, разодетые в пестрые костюмы, с бубенцами на колпаках, сидели, согнувшись и расставив ноги, на бортике арены. Шли, поодиночке и парами, жонглируя на ходу, по лестнице. Разговаривали. Курили, выпуская облачка дыма. Лица их были серьезными, усталыми, грустными, несмотря на красные носы и улыбающиеся рты до ушей.

Зал, где висели папины картины, оказался маленьким, затерянным меж другими залами, в которых представлены были лучшие работы выпускников Художественной академии разных лет. Папины работы занимали часть стены, Аня увидела их издали и сразу к ним кинулась. Два пейзажа – такие же, но немного не такие, – висели у них когда-то на общей кухне. А еще там был портрет мамы – тоненькой, похожей на теперешнюю Аню (точнее, Аня теперь стала похожа на нее тогдашнюю), а рядом автопортрет. Бородатый парень в очках, с торчащими во все стороны вихрами.

Аня почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы, и решительно шмыгнула носом. Нет уж, плакать в общественном месте она не станет! Взрослый человек, сдержится как-нибудь. В зале, впрочем, никого не было, кроме одиноко сидевшей на стуле пожилой женщины, очевидно, дежурной.

Пересмотрев по нескольку раз все картины – кроме двух пейзажей остальные были ей незнакомы, – Аня обратила внимание на табличку: «Громов Г. А. род. 22*1 – умер 22*6». Сперва она ужаснулась. Как?! Папа умер, а ей никто не сказал?! Потом до нее дошло, что это полная чушь, ведь в 22*6 она сама еще даже не родилась.

– Извините, – обратилась она к дежурной. – А почему написано, что умер в 22*6-м? Ведь я точно знаю, что в 22*6-м он был еще жив!

– Речь идет об общественной смерти, – охотно объяснила женщина. – Видите ли, в этом году художник отказался от общественной жизни, оставил Столицу, Академию, уехал в какую-то тьмутаракань...

– Ой, да про это я знаю! – Аня прервала ее, досадливо взмахнув рукой, часики на которой отсчитывали неумолимое время. Долгожданное

свидание с родителями подходило к концу. – Я просто сразу не поняла. Скажите, а у вас можно фотографировать?

– Вообще-то запрещено, но если уж вам так хочется... А почему вы так уверены, что в 22*6 году художник был жив?

– Потому, что он мой отец, а сама я родилась в 22*8-м! Короче, сами понимаете, в 22*6 году он никак не мог быть покойником. Иначе бы меня просто не было! – выпалила Аня и похолодела. Тетка ж теперь подсчитает и сообразит, что Аня – школьница. Начнет докапываться, как она оказалась одна в музее, без провожатых, без столичной прописки... Ой, что будет!

Но женщину, похоже, интересовало что-то совсем другое. Женщина уставилась на Аню во все глаза.

– Дочь? Как дочь? У Глеба не могло быть никакой дочери. Они ведь, уходя, твердо решили...

– Ну мало ли что решили. Решили, короче, а потом вот я появилась. Всякое же в жизни бывает. – Разговаривая, Аня без конца щелкала телефоном, снимая одну за другой папины картины, мечтая как можно скорей оказаться отсюда подальше, но все же не в силах прервать своего занятия, ведь когда еще выдастся такая возможность? – Я пойду, хорошо? Большое спасибо за разъяснение. И что разрешили сфотографировать.

– Постой-ка. Поди сюда. Встань к свету, чтобы я тебя как следует видела. – Женщина сделала рукой властный жест.

«Началось!» – подумала Аня. Может, все-таки попробовать убежать? Но беготня и шум в коридорах музея наверняка привлекут внимание, получится еще хуже.

– Похожа. Не на Глеба, на нее похожа. Тебя как зовут?

– Аня. Анна Громова.

– Вот как. Анной, значит, назвали. Не ожидала. Впрочем, вообще ничего не ожидала. И впрямь как с того света подарочек. Жизнь, однако, полна сюрпризов. Что ж, Анна, давай знакомиться. Я, видишь ли, тоже Анна Громова. Твоя бабушка.

* * *

На другой день после окончания выступлений Аню вызвали в деканат.

– Что ж ты не сообщила, что у тебя есть родственники в Столице? Вот заявление от твоей бабушки. Просит отпустить тебя к ней на выходные. С нашей стороны возражений нет.

В пятницу вечером Аня вымыла голову, разложила перед собой на

кровати самые лучшие свои шмотки, включая те, что купила уже здесь, и стала думать, что ей надеть на себя, а что взять с собой на сменку.

– Надень красное платье! Ты в нем просто неотразима! – посоветовал Славка. – Твой парень с ума сойдет, как тебя увидит!

– Парень? Какой парень? – удивилась Аня. – Я иду в гости к бабушке.

– Да ладно, не заливай! Ясно же, что бабушка – это для прикрытия. Вообще, ты здорово придумала – парень в Столице. Надо и мне тут кого-нибудь завести. Чтоб в гости звала, приглашения присылала.

– Да ну тебя, Славка! Дурак ты, короче, совсем! Как тебя только на симпозиум от школы послали. Прямо не верится, что ты сам свой доклад написал.

– А я и не писал. Это Ленкин доклад, девушки моей бывшей. Мы с ней всю жизнь за одной партой сидели, дружили, любили, вообще, ближе нее никого у меня не было. Из-за нее я и на медицинский пошел. Ну чтобы и дальше вместе быть. Сам-то я к учебе поначалу не очень, это она меня всю дорогу на себе волокла. Теперь-то, конечно, уже втянулся.

– А почему же не она сюда поехала, а ты?

– Так всё уже с ней. Вторичный сколиоз у нее. Как раз этой осенью обнаружили. Ты как, знаешь, что это такое? Ну в смысле по-настоящему?

– Знаю, – ответила Аня, помолчав. – Но только почему ты говоришь, что с ней всё? Это же всего на три года. А она разрешила тебе послать от своего имени ее доклад? Это ж вроде как нехорошо или как?

– Или как. Разрешила, не разрешила – ей-то какая теперь разница? Будто ты не знаешь этих сколиозников? Ей всё нынче по барабану. Когда-нибудь пробовала с ними трахаться? Как резиновые, ей-богу!

– Слав, как ты можешь?! Это же люди!

– Да какие они люди?! Одно слово – антропоморфы. Как процесс пошел, сразу вся ментальность меняется. Не проходила еще? Ничего, на третьем курсе вам объяснят. Короче, нет больше моей Ленки, считай, умерла. А была как ты. Ну почти что. И вообще, мы этот доклад вместе писали. Я таблицы чертил и диаграммы рисовал.

* * *

Бабушка жила в старинном доме недалеко от центра, в трехкомнатной квартире с высоченными потолками. Две комнаты под завязку были забиты книгами, картинами, безделушками. Ту, что побольше, наполовину занимал огромный рояль.

Бабушка открыла дверь в третью, самую маленькую комнату, где обстановка оказалась неожиданно спартанской. Узкий диван, этажерка с книгами, шкаф и письменный стол. В щель меж шкафом и стеной был втиснут складной мольберт.

– Входи, Аня, располагайся. Здесь твой папа жил, когда на каникулы приезжал из школы. Конечно, при нем тут еще полно всякого хлама было, но я это выкинула, когда он уехал. Так что теперь тут чисто и можно жить.

Ане до боли захотелось взглянуть на хлам, что бабушка выкинула. Наверняка там нашлось бы что-нибудь такое, что можно взять с собой в школу на память! Но нет так нет. Аня открыла шкаф. На полке сидел плюшевый заяц.

– Это папин?

– В какой-то мере. На самом деле он был раньше мой. Твой прадедушка подарил мне его на день рождения. Но твой папа тоже любил с ним играть. Возьми его в руки, ты не бойся, он крепкий. Теперь таких не делают. Его зовут Пафнутий.

И неожиданно добавила:

– Ты можешь взять его с собой в школу.

– Как?! Но ведь это же ваш заяц! Ведь он же у вас столько лет!

– Возьми. Пусть у тебя хоть что-нибудь из семьи будет. Я видела, как ты смотрела на портреты там, в галерее. У тебя что, нет даже фотографий? Они вообще не дали тебе ничего взять с собой?

– Ничего. Они, короче, сказали, так мне будет легче забыть и приспособиться к новой жизни.

– Но ты не забыла?

– Нет. У нас там воспитательница одна есть, Дуся, Евдокия Геннадьевна. Так она нам, маленьким, каждый вечер перед сном твердила: «А теперь подумайте обо всех, кого любите». И мы все думали, думали, пока не засыпали.

* * *

– Ну что, Евдокия Геннадьевна, доигралась? А я предупреждал! Два побега, один с летальным исходом! Красота! Сейчас к нам комиссии понаедут! И кстати, Ерофеев твой с самого начала был психически нестабилен. Помнишь, даже вопрос стоял о переводе его в специальное заведение? Вот и зря ты тогда...

– Адольф Семенович, как зря? Саша Ерофеев – талантливый

математик, призер многих олимпиад...

– И что? Все равно ему с таким психопрофилем прямая дорога в Дом принудпроживания. Там и будет математикой заниматься.

– Адольф Семенович, ну зачем вы так? Это ж дети!

– Да какие они дети в восемнадцать лет! К восемнадцати годам человек должен уметь слушаться! Чтоб пикнуть не сметь без разрешения! Раз и навсегда и до конца жизни. Чтоб у него мысли не возникало...

– Адольф Семенович, ведь подростки...

– Именно! Именно что подростки! Нормальный подросток должен думать только о сексе! Иначе, значит, он недостаточно загружен учебой и общественным трудом. У них есть все условия для здоровой, гармоничной жизни! А мальчики эти с кем-нибудь встречались?

– Сережа Снегирев жил с Лерой Соломиной. Внешне все выглядело благополучно, скоро должен родиться ребенок. Ерофеев... не знаю точно. Раньше с Аней Громовой встречался.

– Что значит «не знаю точно»? Это ж твои ученики, ты про них все должна точно знать! Вот он в профиле своем пишет, что нет у него никого. Одной-то математикой сыт не будешь, прости, что я тебе такую элементарщину говорю. Не сложилось у него, значит, что-то с этой Аней. Вот и рванул куда глаза глядят.

– Ерофеев ездил повидать маму.

– Ой, ну какая мама в восемнадцать лет! Что ты мне, понимаешь, сказки рассказываешь! А другой что, с ним за компанию, да? Они как, дружили?

– Дружили. У нас вообще дружный класс.

– Вот и плохо, что дружный! А должен быть не дружный класс, а стабильный! Чтоб четкая иерархия, чтоб каждый знал свое место! Вожаки верховодят, парии жмутся к углам, остальные либо вверх лезут, либо за стенки цепляются, чтоб вниз не упасть. Таким классом можно руководить. Там ты знаешь, от кого чего ждать, на кого как воздействовать. Если кто вдруг чего замыслил – сразу на него десять глаз нацелятся, пять человек наперегонки побегут начальству докладывать что да как. В таком классе будет дисциплина. А у тебя не разбери поймешь. Все друг за дружку держатся, все друг другу братья-сестры, того не тронь, этого не замай. Чуть чего, сплошные слезы и сопли. Они тебя там, часом, не мамкают?

– Не мамкают. Евдокией Геннадьевной зовут, как положено.

– А странно. Ну, может, про себя. А думаешь, поможет им, что они у тебя такие незакаленные, небитые получились? Вот как выйдут из школы, как начнет их жизнь гнуть да ломать! Нынче ж маменькиных сынков нигде

нет, нынче ж все в интернатах повырастали. Тут-то им твоя гуманность аукнется! Да вот хоть на этом примере смотри. Скучно им стало, одним в каникулы, вот и рванули. Всего-то и надо было им чуток потерпеть, пацанам твоим, а они не стерпели! И один из них поплатился за это жизнью. Ох, Дуся, зря я тебя тогда пожалел! Чуяло мое сердце, что хорошего из этого не выйдет! Ты хоть знаешь, сколько вашего брата, вторичных сколиозников, выучились и работают? Два процента, Дусь, два процента! Остальные либо спились, либо скололись, либо из дому годами не выходят, на пособие живут. Ни семьи у них, ни специальности. Вот все вы так: сперва надежды подаете, а после лечения бревно бревном и глаза стеклянные. Но ты вроде на человека похожа была, стремилась к чему-то. Вот я, значит, и решил поддержать. Но, знаешь, Дуся, похоже, зря. Короче, сейчас тебе выговор с занесением. И на будущее поймей в виду, больше я тебе класса не дам. Эти твои как выпустятся, пойдешь в наш Дом малютки, помощником воспитателя. Слушай, а я смотрю, Снегирев этот дважды рентген пропустил. Это, вообще говоря, вопиющее безобразие. Считаешь, случайность? Думаешь, не может быть, чтобы он...

– Не может, Адольф Семенович, я бы заметила, – твердо ответила Дуся, глядя честными голубыми глазами. – Просто Сережа занят был очень в мастерской, никак у него время выбрать не получалось.

«Да что может быть лучше, чем Дом малютки? Маленькие, теплые, бессловесные! И о стабильности коллектива думать не надо. Подумаешь, напугал», – улыбалась про себя Дуся, выходя из кабинета заведующего. Дуся вообще мало чего в жизни боялась. И за Сережу Снегирева она не переживала. Была уверена, что у него все в порядке.

Вожаки? Парии? Ей вспомнилось, как в первый школьный год Руслан с компанией взяли гнობить самых мелких и домашних малышей. В частности, растяпистую, толстую Златку и тощего растеряху Славку Нехлюдова. Она тогда себе чуть голову не сломала, пока все не разрулила. Руслана и остальных она обязала ходить на восточные единоборства. Там они ежедневно выпускали часть пара. Остальное удавалось направить в сравнительно мирное русло. «Руслан, представляешь, вчера пятиклашки у наших компот отобрали и посуду мыть вне очереди заставили. Думают, раз большие выросли, им все можно. Думают, за наших вступиться некому». Руслан сразу вспыхивал, звал своих и шел разбираться.

В Нехлюдове скрывался компьютерный гений. На ближайшем игровом часе Дуся дала ему возможность это доказать, нажав незаметно парочку кнопок, и больше никто к нему не вязался. Наоборот, все время дергали за рукав и звали на помощь.

У Златки оказался неплохой голос и притом абсолютный слух. Дуся ее сделала солисткой хора. Под этим предлогом девочке сшили платье, превратившее жирную нескладуху в славную толстушку. Шоколадки, без конца присылаемые Златке из дому, Дуся не отбирала. Просто дружески советовала лопать их по ночам не одной, а в компании. Так веселее, и к тому же каждому достанется ровно столько, чтоб не растолстеть.

* * *

– Погодите, не вставайте сразу. А то голова закружится, – проговорил у Сергея над ухом незнакомый голос с акцентом.

– А? Что? – Сергей привстал и заозирался. – Я вообще где?

– В Центре реабилитации.

Сергей сел и замычал от боли. За спиной все ныло и оттягивало плечи назад.

– Вы перетрудили крылья. Это с непривычки, скоро пройдет. Главное, что вы долетели.

– А вы кто? И что теперь со мной будет?

– Я Иннокентий, ваш координатор. С вами все будет хорошо. Отдохнете, подлечитесь, получите вид на жительство, выйдете отсюда и станете жить как все.

Тут Сергей обнаружил источник звука и обалдел. С ним разговаривал кентавр.

Кентавр с замотанным в какую-то зеленоватую хламиду торсом валялся в противоположном конце просторного зала с высоким прозрачным куполом, под которым на разной высоте болтались многочисленные трапеции. Перед кентавром располагался столик с компьютером, и кентавр небрежно одной рукой стучал по клавиатуре.

– Хотите есть? Пить?

Сергей кивнул.

– Хотите сперва в туалет? Вымыться? Пойдемте, я вас провожу.

Оказалось, к залу примыкал роскошный санузел с ванной, где можно было мыться, не складывая крыльев! Да что там, туда и кентавр влез бы, если бы захотел! Не ванна, а бассейн.

Сергей впервые за неделю вымылся и почувствовал себя человеком. Халата он не нашел, а только кусок ткани, вроде той, что была на кентавре. Замотался в нее как мог и вышел.

– Завтрак?

Яичница из четырех яиц дымилась перед ним на подносе. К ней прилагался салат, булочки и несколько видов сыра.

– Вам чай или кофе?

– Кофе, если можно. Да ладно, не наливайте, я могу и сам взять! Вам же сложно нагибаться, наверное.

– Мне... нормально. – Кентавр улыбнулся и улегся на пол напротив, так что они оказались за столом почти на одном уровне. – Хотите еще что-нибудь? Я могу заказать.

– Нет, спасибо, все очень вкусно. И вообще, я привык жрать что дают. А одежда моя где?

– В стенном шкафу за кроватью. Мы также собрали все, что выпало у вас из карманов при падении. Правда, белье и комбинезон еще в стирке. Но вы не волнуйтесь, сегодня в течение дня вам всё вернут. Мы понимаем, что в своей одежде вам поначалу будет привычнее.

– А вы тут что, все в тряпки заматываетесь?

– В основном да. – Слово «тряпки» вызвало у кентавра улыбку. – Вы позже сами поймете, что так удобнее. При надлежащем навыке тряпки эти, как вы выразились, можно замотать так, чтоб они вам не мешали расправить крылья и полететь. А то не ходить же вам все время раздетым до пояса.

– А, ну да, конечно. Вы мне покажете как?

И правда, как он не подумал? С крыльями же нужна совсем другая одежда! Но значит, здесь есть и другие такие, как он! И кентавры вот! И наверное, эти, на львов похожие! Интересно, а простые люди здесь есть?

– Есть, конечно! – Иннокентий отчего-то засмеялся. – Уверяю вас, здесь есть самые разные люди!

– Я что, сказал это вслух? – Сергей смутился и покраснел.

– Нет. Просто очень громко подумали.

Поев, Сергей попросил разрешения взглянуть на компьютер. В этом странном мире компьютер казался единственной сколько-нибудь знакомой вещью. К его разочарованию, выхода в интернет не оказалось. Блокировка? Эх, как бы ему сейчас пригодился Ерофеев!

– Вы зря стараетесь. Интернета нет, потому что в нем нет необходимости.

– Как так? Вы разве между собой не общаетесь?

– Общаемся, и еще как! Семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки. Стоит только кому-то позвать, и другой сейчас же откликнется. Ну если он, конечно, не занят или не спит. Просто провода, радиосвязь и прочие примочки нам для этого не нужны. Мы общаемся друг с другом

мысленно.

– Ничего себе! А если вам что-то понадобится узнать? Какую-то чисто справочную информацию? Или вы что здесь, всезнайки?

– Нет, конечно. В таком случае я обращусь к диспетчеру по ментальной связи.

– А если у кого нет способности к ментальной связи?

– У всех есть способность к ментальной связи. Не волнуйтесь, у вас все получится. Вспомните, вы ведь и летать раньше не умели.

– Ясно. А зачем тогда вам компьютеры?

– О, для всего остального! Решения задач, хранения информации, да мало ли... Я вот, например... – Кентавр немного замялся. – В свободное время роман пишу.

* * *

«Лер, любимая, прости, мне пришлось уйти. Ты только не подумай, это не из-за чего такого, я тебя люблю и малую люблю, и не виноват никто, а просто так получилось. Буду о тебе всегда думать, и ты обо мне, пожалуйста, думай тоже. Ну, или не думай, а сразу забудь, если тебе так легче. Поступай, как для тебя лучше. Твой Сережка. Да, я тут подумал, ты права, малую нужно назвать Верой. Это и правда хорошее имя, зря я с тобой тогда спорил. Целую. Будь».

Лерка перечитала несколько раз. Доходило с трудом, как на иностранном. Что он этим хочет сказать? Разыграть ее решил, что ли? Сейчас выскочит из-под стола с громким «бу!», как в глубоком детстве. «Ага, поверила, поверила! Испугалась!» Но Сережки не было ни под столом, ни в кухне, ни в ванной. Не было даже его голоса в телефоне. Набрала автомастерскую. Гудки. Глупость какая-то. Знал же, что она сегодня приедет!

Конечно, Лерка встревожилась, когда он перестал, как обычно, выходить каждый день на связь и даже слать эсэмэски. Встревожилась, но не слишком. Ну завал какой-нибудь на работе, вот Сергей и торопится разгрести его за каникулы. Чтоб потом ничто не мешало учебе и нормальной жизни. К тому же связь в школе всегда была не ахти.

Это Лерка могла куда-то исчезнуть! Опоздать, забыть начисто, о чем накануне договорились, заболтаться с подружками. Уехать, как сейчас, к родителям на каникулы и даже не каждый день оттуда звонить. Обидеться и молчать неделями, надув губы. Пусть сам догадывается за что.

А Сергей был понятен и предсказуем. Он разве что в мастерской у себя мог задержаться. Сергей был всегда. С той минуты, как их на станции посадили рядышком в школьный автобус. Спорил, дрался, таскал за косички, целовал, показывал глупости, списывал на уроках, делал за нее задания по труду, от всех защищал, делился секретами и последним яблоком, но, главное, был! Вот все мучились, страдали, искали, а у Лерки, слава богу, был Сережка.

Записка эта дурацкая. Написал, словно прощается навсегда. Куда ж он все-таки запропастился? Ух и вломит же она ему за это при встрече! Разве можно так обращаться с беременной женщиной?

Кто-то забарабанил в дверь:

– Соломина, ты дома? Тебя в учебную часть вызывают. Срочно.

* * *

Лерка выла, чувствуя себя, словно у нее оторвали руку. Или ногу, какая разница. В общем, какую-то важную часть, без которой невозможно жить. Во всяком случае, жить по-прежнему. Ненадолго прекращала, а потом опять принималась подвывать. Катаясь по кровати, кусая пальцы от боли. Она выла тихо, стараясь не разбудить соседей по блоку. Общежитие же, стенки тонкие. Выла, словно раненый зверь, чувствуя, как из раны, пульсируя, вытекает, нет, не кровь, конечно, но тоже что-то живое и обжигающе горячее.

Разговор в учебной части был бредом. Словно происходило не с ней, а взято целиком из дурацкого какого-то фильма. Ее Сережка погиб в горах?! Да какие горы, вы что?! Не может быть, это ошибка, так не бывает! Кто угодно, только не он.

Ей дали валерьянки.

Дуся сегодня в школе отсутствовала. Уехала в методический кабинет в областном центре. Наверняка ее Адольф нарочно усрал. Думал, без Дуси ему сподручнее будет их допрашивать. Застигнутые врасплох, не видя поддержки, сразу все выложат как на духу.

Но, похоже, они и сами ничего не знали.

Нет, Сергей ей не говорил. Нет, они не ссорились. Нет, он никуда абсолютно не собирался. Да я впервые слышу про эти горы! Нет, в последние пару недель до каникул секса у нас не было. Сережка вообще уже, наверное, месяц как на диване спал. Почему? Ну как-то так выходило. То он поздно возвращался из мастерской и меня не хотел будить. То я себя

плохо чувствовала. Уставала, экзамены шли, зачеты. А вы что, думаете, это связано?

– А сама ты как думаешь? Не давала парню, вот ему дурь в голову и полезла. Сплошь и рядом бывает. Ладно, что теперь реветь. Слезами здесь не поможешь. Хотя ты поплачь. Валерьянки вон выпей и поплачь. Поплачь, говорю, а то сидишь как каменная. Поплачь, может, легче станет.

Плакать при нем?! Ну нет! За восемь лет их худо-бедно выучили держать себя на людях в руках.

Лерка вышла из учебной части, зашла за угол и жалобно взвыла.

* * *

– У меня там девушка плачет, – пожаловался Сергей, с трудом выныривая из мучительного сна. – Она там плачет, а мне здесь от этого плохо. Все-таки эта ваша ментальная связь ужасная гадость!

– Так ты успокой ее, – посоветовал Иннокентий из своего угла.

– Как?! У меня не получится! По-моему, это вообще невозможно.

– Все у тебя получится, кончай прибедняться!

Сергей попробовал, и у него получилось.

* * *

– Может, и правда это как-то связано с сексом? Может, у парней спермотоксикоз бывает? И они от этого с ума сходят и фигню всякую творят?

– Лерка, что ты чушь повторяешь! Адольф просто сам сексуально озабочен. Вспомни, какую он галиматью гнал нам на «Этике и физиологии семейной жизни». Мы потом и к медсестре ходили, и к психологу, и Дусю расспрашивали. И все оказалось неправда. Он это просто нарочно! Чтоб отвлечь нас от ненужных мыслей и перекинуть интересы на секс. Убила бы! Выкинь из головы. Думай лучше о ребенке. И вообще, не факт еще, что Сергей погиб. Тело же так и не нашли.

– Нет, Маш, он точно умер. Я знаю.

– Знаешь? Откуда?

– Маш, ты только никому больше не говори. А то все подумают, я свихнулась. Понимаешь, он ко мне приходит во сне. Там свет какой-то необычный, и у него за спиной крылья. Говорит, чтобы я не плакала, что

все будет хорошо. Он умер, Машка, и он теперь ангел.

* * *

Аня, конечно, в силу ума и образования не могла верить в спермотоксикоз. Но в одиночество и тоску она верила. Может быть, Адольф в чем-то прав? Может, в случившемся и впрямь есть доля ее вины? Сколько они уже не видались с Сашкой?

В сумерках Аня собрала остатки испеченного на бабушкиной кухне печенья и отправилась к Ерофееву. Он хоть и не ждал ее, но вроде обрадовался. Сбегал со стаканами на второй этаж, принес кипятку, заварили чай.

Они пили чай с печеньем и молчали. Разговаривать не хотелось. На душе было препогано.

– Как мама? – спросила Аня, проглотив заодно с печеньем очередной ком в горле.

– Да как тебе сказать. В двух словах не расскажешь.

– Расскажи в трех словах.

– В трех... Ну вот тебе три слова: дендроз третьей степени. Говорит тебе это что-нибудь?

– Говорит.

Аня вспомнила рисунок в Юриковой книжке. Дерево, а из него смотрят глаза. Прямо на стволе, точно нарисованные. У человека отняли крылья. Человек после этого не захотел жить и одеревенел. Логично. Она б тоже, может быть, одеревенела.

– Ах ну да, ты же у нас будущий врач. Всё про всё знаешь. Ань, и как тебе с этим знанием живется?

Аня на всякий случай промолчала. Что может знать Ерофеев? И как чувствует себя человек, приехавший навестить маму и нашедший вместо нее в постели бревно с глазами?

– Но она тебя узнала? Обрадовалась?

– Узнала. Обрадовалась. Ты пей чай давай, а то остынет. А хочешь, я за новым кипятком сбегаяю?

– Не надо, я уже пойду скоро. Ерофеев, а я свою бабушку нашла. Представляешь, живет в Столице, ничего про меня не знала.

– Да ну! Как же ты ее отыскала? Ты ведь тоже, наверное, не знала ничего про нее?

– Случайно.

– Ты смотри! Бывают же на свете счастливые случайности.

– Бывают. Саш, ты что думаешь про Сережку? На самом деле он погиб или нет?

– Я почти уверен, что нет.

– А тогда почему его на обрыве не нашли? Я слышала, как Адольф со спасателями по громкой связи общался. Как раз, как меня допрашивали, они позвонили. Клянутся, все кусты на том обрыве обшарили. Три раза на это место прилетали. До снегопада, после и потом еще, когда все растаяло. Нашли дыру, где он ночь провел. А его самого не нашли.

– И слава богу, что не нашли! Значит, по плану у него все вышло!

– Ничего не понимаю! Какой план, о чем ты вообще? Ерофеев, ты чего ржешь?! Ты мне можешь объяснить в двух словах?

– Могу, Аньк, могу! Кому другому не сумел бы, а тебе с дорогой душой! Ты ж у нас все знаешь!

Он обнял ее, с силой привлек к себе. Стал целовать, не разбирая куда. В лоб, в глаза, в уши, в кончик носа. Анька не выдержала, начала хихикать:

– Ерофеев, ты с ума сошел? Да что ты как с цепи сорвался?! Перестань, ты меня бородой щекочешь!

– А, так ты у нас боишься щекотки?! Ну всё, теперь буду знать!

– Сашка, прекрати! Ну правда, объясни мне по-человечески! Что хорошего, что его не нашли?

– Так тебе в двух словах или по-человечески? Ты определись уже, наконец. Ладно, вот тебе в четырех: вторичный сколиоз третьей степени.

Аня чисто по-мальчишески присвистнула.

– Да что ты?! А как вы узнали?

– Так видно уже было невооруженным глазом. А потом мы еще в интернете порылись. Так-то там, конечно, нет ничего, но когда знаешь, что искать...

– И ты думаешь, что он?..

– Уверен.

– Да-а. Жалко, что нельзя сказать Лерке.

– Ань, ты sdурела?! Знаешь, что могут с нами сделать?!

– Знаю. Никому. Никогда. Могила. Но все-таки это ужасно несправедливо!

– Согласен.

Он привлек ее к себе, и они еще долго сидели молча. А потом погасили свет.

* * *

– Большинство древних воинов не знали и не представляли себе жизни вне армии. Еще детьми родители или опекуны отдавали их в военную службу, где они становились конюхами и оруженосцами. Дети эти ухаживали за лошадьми, кормили их, чистили, часто так и жили в конюшне. В походах вообще все спали вперемежку, воины, оруженосцы и кони, под открытым небом или в наспех сделанных укрытиях.

Лошадь становилась для воина всем: транспортом, защитой от ветра и холода, боевым товарищем, который не предаст и не выдаст, теплым плечом, в которое можно уткнуться и выплакаться. От того, насколько хорошим было взаимопонимание человека с конем, насколько слаженно двигались их тела в битве, зависела жизнь обоих.

Так что неудивительно, что идеалом древнему воину виделось полное слияние человека с конем, этакий полуконь-получеловек. И вот благодаря этой мечте, ребята, возникли сказки и легенды о кентаврах.

Изображение кентавра символизировало военную мощь, поэтому мы часто видим его на памятных стелах и триумфальных арках... Самарина, повтори, что я сейчас сказала? Маша, ты меня не слушаешь? Тебе что, неинтересно?

– Не очень. Я вообще не особенно люблю сказки.

– Но сказки – это же часть культуры! Вспомни диаграмму, которую мы рисовали на первом занятии! Маша, я не узнаю тебя в этом семестре.

* * *

Машка и сама себя не узнавала.

Ей все покоя не давали слова Адольфа Семеновича: «Раздразните парней, распалите, а сами в кусты. Парни из-за вас с ума сходят, из школ сбегают, вены режут, из окон прыгают, а вам всё хаханьки». Лерку-то она в два счета убедила, что все это чепуха. А себя почему-то не удавалось. Адольф-то, понятное дело, дурак. Еще кто-то из древних сказал, что начальник умным не может быть.

Последние два урока в прошлом семестре Макс пропустил. Сказали, что заболел. Может, так оно и было. Холода ж стояли, у них полкласса чихало и кашляло. А в этом семестре обществоведения вообще еще не было. Сперва вместо него в расписании свободный час стоял, а на этой

неделе вот «Историю отечественной культуры» поставили.

Поначалу Машка вспомнить не могла о происшедшем без дрожи и отвращения. С трудом сносила любое прикосновение, даже друзей и родителей. Хотелось или сразу дать в глаз, или развернуться и убежать. Накатывала волна ужаса, воспоминание о собственной беспомощности в чужих руках. Но постепенно те впечатления потускнели. Начало вспоминаться другое. Как она радостно нервничала и хихикала, когда шла туда. Чуть ли не подпрыгивала на ходу. Как вспыхнули глаза Макса, когда он ее увидел. Он ведь не хотел ее напугать! Наверняка для него все тоже вышло внезапно. Появилась досада на себя. Вряд ли он еще раз так потеряет голову. Похоже, упустила она свой шанс.

А чего, собственно, испугалась? Как маленькая, ей-богу! Думала, гулять позовет? На ушко «I love you!» шептать будет? Так ведь взрослый же мужик, не мальчик какой-нибудь. Но тебе ж в нем это и нравилось?

Одно хорошо – Макс-то уж никаких глупостей не наделает. Хотя как сказать? Вполне может, только на свой, взрослый лад. Сегодня на урок не пришел, а завтра и вообще из школы уволится. Уедет куда глаза глядят. Где ни работы по специальности, ни жилья, один общественный труд, да и тот какой-нибудь гадский. Кошек уличных ловить или еще что похуже. Чем никто по своей воле заниматься не будет.

Машка представила себе Макса в роли живодера, не выдержала и фыркнула. Утонченный, рафинированный Макс – и кошки!

А вдруг ему так нестерпимо стыдно, что вот он сидит сейчас дома и без передыху грызет себя, прям вот с утра и до вечера? Так ведь и вправду свихнуться можно, даже руки на себя наложить. Или пойти сдать себя самому в Полицию нравов. Дескать, вот он я какой нехороший, на учениц своих нападаю. Исправьте меня, добрые люди, пожалуйста.

Кстати, вполне в духе Макса. И уже ни капельки не смешно.

И получалось, что Адольф Семеныч все-таки прав?

* * *

Макс был дома. Свет горел во всех окнах его квартиры: и над столом, и в кухонном углу, и в нише над кроватью.

Машка еще немного постояла, прячась в кустах у подъездной дорожки, прислушиваясь, не идет ли кто. Но все было тихо, лишь из окна на втором этаже то и дело раздавались крики и выстрелы: учитель литературы смотрел боевик.

Машка решительно вошла в подъезд, поднялась на третий этаж и нажала кнопку. «Куда, куда вы удалились...» пропел звонок чарующим баритоном. Машка поморщилась. Ну вот что за дешевая показуха! Наверняка же это во всех квартирах слышно, стены-то тонкие. Не мог что-нибудь проще и тише придумать? Хотя, может, это и не Макс вовсе. Может, от прежнего обитателя квартиры осталось. Машка не помнила уже, кто тут раньше жил.

Раздались шаги. У двери они замерли. Смотрит в глазок, наверное. Она вжалась в стенку, а то вдруг увидит, испугается и не откроет.

– Кто там? – спросил за дверью немного охрипший голос. Похоже, все-таки болеет, зря она это все...

Дверь открылась. Порыв ветра распахнул на Максе халат. Макс чертыхнулся и, придерживая одной рукой разлетающиеся полы, другой торопливо втянул Машку в квартиру, прикрывая за нею дверь.

– Быстро, быстро, видишь, какой сквозняк!

– А зачем тогда у вас форточка открыта?

– Без форточки здесь дышать нечем. Квартира же маленькая. И топят.

Да. Жарко. Как увидела его, почувствовала на плече его руку, сразу в горле пересохло и кровь прилила к щекам. Сделалось одновременно и жутко и весело. А ему, похоже, всё нипочем. Суется как ни в чем не бывало. Куртку вешает в стенной шкаф, рваные тапочки предлагает. Словно Машка каждый день его навещает. В глаза, правда, не смотрит. Разговаривает вроде как с ней, но взгляд все время уводит в сторону.

– А ты чего запыхалась-то так? Бежала? Случилось что?

– Да нет, просто... к вам высоко подниматься.

– Господь с тобою, третий этаж всего! Что бы ты сказала, если бы я на седьмом жил?

– Ну тогда бы у вас, вероятно, был лифт.

– Скорее всего, был бы. Хотя не факт, что ученикам разрешили бы им пользоваться. Чаю хочешь? Правда, у меня к нему нет ничего. Я ведь обычно в школе питаюсь, в магазин редко хожу. А сейчас и вовсе, поскольку приболел, старался без нужды не выскакивать. Вот запасы потихонечку и подъелись. Последнюю печенюшку вчера догрыз.

– Не страшно, я неголодная. – (И в любом случае вряд ли что-нибудь смогла бы сейчас проглотить.)

– Тогда хоть чаю горячего. Замерзла, наверное, пока шла.

– Ничего, я уже отогрелась. У вас действительно очень жарко.

– Пей, пей. И я с тобой попью за компанию. Мне полезно. Врач сказал – пейте как можно больше! А что тебя ко мне привело? С заданием

каким-то не справилась? Я ж вам вроде на каникулы эти не задавал ничего. Хотел задать, просто не успел. Или ты уже впрок что-то учишь и на непонятном споткнулась?

На секунду Машка задумалась, можно ли историю возникновения химер и кентавров посчитать за выученный впрок материал и все ли ей ясно в том, какую роль в обществе играют антропоморфы? Кстати, неплохая тема для реферата. Правда, его, вероятно, сразу бы засекретили.

– Нет, ничего такого. – Она облизнула пересохшие губы. – Максим Игоревич, а скоро вы на работу выйдете?

– Да все уже, в четверг иду бюллетень закрывать. Так что готовьтесь, на той неделе с новыми силами...

– Так вы, значит, и вправду болели? – радостно перебила его Маша. – Тогда, значит... ну, значит, тогда все хорошо!

– Да что хорошего-то?! Такой бронхит отхватил! Три недели в лежку лежал. Еле выкарабкался. Думал, совсем помру. Медсестра уколы делать ходила. А ты говоришь – хорошо!

– Да нет, Максим Игоревич, вы меня неправильно поняли! – затараторила Машка. – Конечно, нехорошо, что вы болели! Это, ясное дело, наоборот плохо! Просто я, нет, вы только не подумайте ничего... Я просто подумала, что ну вдруг вы из-за меня на работу не ходите? Ну, из-за того случая, помните? Когда я к вам на дополнительные пришла? Я, короче, это... извиниться хотела. Сама не знаю, что на меня нашло, честно. Хотела сказать, вы, Максим Игоревич, забудьте про все это поскорей, если сможете, и приходите к нам на уроки. Хотя если вы и вправду болели, то, значит, все хорошо и уже неважно. Ладно, я пойду. Спасибо вам за чай, поправляйтесь!

Машка вскочила, кинулась переобуваться в сапоги из тапочек. (Господи, какая лужа успела натечь с сапог!)

– Маша, подожди. Оставь, пожалуйста, сапоги в покое. Садись обратно. Я что-то не совсем тебя понял. Ты что мне сейчас сказала? Ты просишь у меня прощения? Ты?! У тебя вообще как с головой? То есть не я у тебя, а ты у меня?! Машк, ты вообще понимаешь, что я перед тобой на коленях ползать должен?

– Вы? Но почему?!

– !.. Маш, заткни уши и не слушай! Я сейчас ругаться буду. А детям такого слушать нельзя! И молоденьким девушкам. Маш, ты понимаешь, что тогда произошло? Понимаешь, что если б ты тогда не сбежала, а потом пошла и пожаловалась куда следует, мы б с тобой сейчас здесь не разговаривали? Я б давно в Доме принудпроживания здоровое питание

лопал! И на работу б меня потом никуда не взяли. Не то что учителем, вообще никем никогда, разве что кошек душить на санэпидстанцию! – (Машку слегка передернуло.) – Думаешь, я не понимаю? А ты теперь говоришь «прости»... Ты меня прости, если сможешь!

– За что? Я же вас сама спровоцировала!

– Маш, я от тебя с ума сойду! Не иначе ты мне послана за грехи! Чем, чем ты меня спровоцировала?! Тем, что ты на свет родилась? Что выросла такая, как есть? Так за это мне к Богу претензии предъявлять надо!

Машка слабо улыбнулась.

– Ну, видишь, самой даже смешно стало. Маш, я тебе честно скажу. Я почему не хотел этот разговор заводить? Думал, так лучше будет, для всех, не для одного меня, но и для тебя тоже. Вроде забылось, проехало, будто и не было ничего. Зачем лишний раз ворошить, живем дальше. Но раз уж ты сама...

– Ну да, – прервала его Маша. – В том-то все и дело, что я сама. А Бог, он уже потом. Из-за меня потому что. В смысле, это я его так попросила. А вы, вы ни в чем абсолютно не виноваты, Максим Игоревич!

И она заплакала.

* * *

Максим подошел и обнял ее за плечи. Совсем не как тогда, а не страшно. Стал покачивать, бормоча какие-то не то слова, не то междометия: «Ну, ну, что ты, что ты, ай-яй-яй, ну всё, всё, всё уже, всё». Машка сперва вслушивалась, пытаясь разобрать смысл, потом бросила никчемное это занятие. Комната плыла вокруг них. Пространство заволкло туманом, в котором все постороннее: стол, стулья, чашки, окно – исчезло или сделалось неважным.

Машка подняла голову, и они впервые поцеловались. Получилось не слишком ловко, потому что он стоял у нее за спиной, а она сидела. Но потом Машка тоже встала, повернулась к нему, и они оказались почти одного роста.

Некоторое время между ними еще сохранялась хрупкая грань, готовая от любого толчка треснуть, в кровь изранив лицо и руки. Но вместо этого в какой-то момент грань просто исчезла, словно ее и не было никогда.

* * *

– Кажется, ты ничего не боишься, – сказал Максим, приподнимаясь на локте и внимательно разглядывая ее лицо.

– А должна? – спросила Машка, сонно потягиваясь.

День, начавшись вчера, все никак не заканчивался. Ну или ночь, они ведь так и не отдернули занавески. На уроки она забила, послала Лерке эсэмэску, что болеет. Временами они проваливались в сон, просыпались, Максим опять ставил чайник, они пили чай, к которому у них по-прежнему ничего не было. Ну или почти ничего – у Макса в холодильнике отыскалось-таки два яйца и черствая булка, с грехом пополам они сотворили из этого гренки. У Машки в кармане куртки обнаружилась давно забытая шоколадка, явно уже не раз растаявшая и застывшая снова.

– Так чего, по-твоему, я должна бояться?

Максим задумался, смешно сморщив лоб. Он помнил, что на заре отношений его бывшая, тогда еще будущая жена всегда чего-то боялась. Боли от близости, того, что он ее бросит, что они вдвоем забудутся и перейдут вместе какую-то неведомую черту, а потом им это зачтется.

Не беременности, конечно. Забеременеть-то они как раз все хотели. Это ведь давало право на освобождение от физкультуры и сельхозработ. Беременным все завидовали: их всюду пропускали без очереди, уступали им места и шепотом задавали осторожные вопросы. А те, опустив ресницы, загадочно молчали или страдальчески закатывали глаза: «Ах, девочки, вам этого не понять! Вот когда вы сами...» Наверное, и гадости промеж собой говорились, но лично Максим ни разу не слышал.

У них с Галей детей долго не было. Года полтора, наверное, а то и дольше. И опять она боялась: а вдруг с ней что-то не так, а вдруг они что-нибудь неправильно делают? Сейчас он думает – просто организм был не готов, все-таки шестнадцать лет – это очень мало. Зато потом родились двое подряд, и они их почти не видели, потому что началась подготовка к экзаменам. Забегали в Дом ребенка на полчаса, причем даже не каждый день. Потом, уже в университете, им выделили настоящую квартиру, в общежитии для семейных, они стали жить все вместе. Хотя тоже, какая это жизнь? Всё на бегу. Утром детей в сад, а сами на лекции. Вечером детей из сада. Покормили – уложили, и опять учиться-учиться-учиться. Потом учеба закончилась. По распределению они попали в заводской поселок, где Макса направили в отдел информации и пропаганды. Одно время он даже вел утренние программы на местном радио, а Галя – она по образованию учитель языка, хотя там ей пришлось взять младшие классы, – правила ему тексты.

Зато с общественным трудом Максиму повезло. Он чистил клетки в

маленьком поселковом зоопарке, и ручные лисы залезали к нему на колени, а белки прыгали с веток на плечи. Попугай встречал его словами: «Максим пришел! Жратва будет!» Он, конечно, сам его научил, но никому в этом не признавался. Дети очень любили ходить к папе на работу. К маме, впрочем, тоже. Галка работала официанткой в кафе, их там вечно пичкали чем-то сладким.

Потом дети выросли и пошли в начальную школу. Потом их забрали в интернат. Потом зоопарк закрылся. Максим хотел взять к себе попугая, но ему не разрешили, да и Галя была резко против. Вместо зоопарка Макс теперь четыре часа в день перетаскивал с места на место ящики на складе. А Галкино кафе, наоборот, расширилось до ресторана, и ее сделали старшей смены. Они стали ссориться. Ругались, мирились и снова ссорились. В конце концов Галка сама его бросила. Ушла к шеф-повару ресторана.

Детей они навещали по очереди. На каникулы он иногда брал их к себе, но чаще Галя. Там все же нормальный семейный дом, младшие братья-сестры, собака, ну и кормят как на убой.

А у него что? В интернате они и так живут круглый год. Позапрошлым летом он брал их в поход по Дайкарскому заповеднику. В этом, к сожалению, не получилось. Поход с детьми – дело недешевое. Одна организация экстренной связи чего стоит, а без нее кто ж позволит с детьми идти?

– А ты правда хочешь от меня ребенка?

– Хочу. Но я именно от тебя хочу, а не ребенка вообще. А ты почему спросил?

– Подумал, вдруг ты это тогда так просто сказала? Ну чтоб базу подвести под... это вот все. – Макс широким жестом обвел кровать, где они лежали.

– Конечно, не просто так! Я вообще редко что-то просто так говорю.

– В самом деле? – Макс приподнял одну бровь. – А мне почему-то казалось, что ты болтушка.

– И что? Мне просто часто есть что сказать. И не всегда получается промолчать, когда нужно. Но это не значит, что я только глупости говорю или то, чего вовсе не думаю.

– Кстати... Насчет умения молчать... Маш, ты понимаешь, что про нас с тобой ни одна сволочь знать не должна? Ни подушке, ни подружке, ни камышу у реки...

– Ни ямке в песке. Понимаю, конечно! Макс, а когда у нас с тобой ребенок родится, мы ему тоже про нас не скажем?

– Скажем, конечно. Но, может, не сразу. Сперва подождем, когда подрастет. Ты тем временем школу окончишь, я отсюда к чертям уволюсь. И уедем мы с тобой вместе, далеко-далеко, где нас никто не знает... Машк, а может, не надо пока ребенка? Ну к чему нам с тобой лишние сложности? Есть же всякие способы. Я бы мог съездить в город и купить там...

Максим осекся. У Машки был сейчас такой взгляд! И он понял, что она права. Нельзя, учитывая грядущую перспективу, лишать ее вдобавок еще и этого. Потому что, если до самой Машки еще не дошло, он-то себе все уже представлял в красках. Как они будут от всех таиться и шараться от собственной тени. Конечно, никаких вечеринок, совместных прогулок и походов в кино. Он даже в кафе ее пригласить не сможет. Они вообще никогда никуда не будут ходить вдвоем. Всего лишь несколько уворованных часов. Не каждый день. Может, даже не каждую неделю. Вот что им светит, и то, если повезет, в следующие четыре года, хотя нет, уже только три с половиной. Выдержит ли она? Выдержит ли он сам? Макс рисовал ей картины светлого будущего, в котором они будут жить вдвоем, на свободе, ни от кого не таясь. А сам был не уверен, что впереди у них есть хотя бы несколько месяцев.

Макс сотни раз успел прокрутить это в голове, пока Машка, перескакивая с одного на другое, рассказывала ему про свое детство среди папиных книг и маминых картин, про крышу, дядю Егора и подаренные им каменные фигурки.

Макс, кстати, сразу сообразил, что это такое.

– Это игра такая, азартная. Типа костей. Мы про нее учили в университете. В Средние века была очень распространена. Кому кентавр выпадал, мог ставку делать вне очереди, причем даже без денег, а кому бог, тот вообще забирал весь банк.

– А кому химера?

– Не помню уже, Машк. Ну что ты от меня хочешь? Столько лет прошло! Как ваш брат говорит: «Учил, но забыл».

* * *

Она летала, не чуя под собой ног.

У нее получалось все: домашка по физике, доклад по истории, вылизать класс или коридор в день своего дежурства, да хоть бы и вне очереди, разложить книги по стопкам и бегать с этими стопками с этажа на этаж вприпрыжку, точно они невесомые. В библиотеке, где Машка

отрабатывала общественно-трудовую повинность, народ диву давался, сколько она теперь успевала перелопатить за смену.

Улыбка не сходила с ее лица. Сколько ни пыталась Машка скроить серьезную мину, мышцы упрямо растаскивали уголки губ к ушам, а смешинки продолжали плясать в зрачках.

Есть не хотелось, еда виделась чем-то лишним. Она теперь, точно шарик, легко насыщалась воздухом, а еще снежинками, солнцем, капелью в оттепель и льдинками в холодные дни. Ее радовало все, в ней точно открылось второе зрение, а заодно слух, вкус, осязание и новые какие-то чувства – шестое, седьмое и прочие, до бесконечности.

Кожа ее светилась, черты лица проступили резче. Глаза заблестели так ярко, что блеск этот наверняка заметен был в темноте, как у ведьм или кошек. Голос стал неожиданно грудным и глубоким. На самом-то деле, Машка просто впервые в жизни дала ему волю. Раньше-то она голос все время сдерживала, притворяясь, хоть и не нарочно.

– Ты что так сияешь? – спрашивали у нее. – Влюбилась, что ли?

Машка кивала, смеясь, и убегала, унося с собой на кончике языка песенку. Она теперь все время что-то напевала. Вполголоса или про себя.

Ждать свиданий оказалось вовсе не тяжело. Главное просто верить, что они будут. Свидания, как светящиеся точки, складывались в пунктирную линию, освещая всю ее незатейливую жизнь. Они горели где-то там впереди, манили, звали, заставляя утром вставать, а вечером ложиться, с каждым днем приближая драгоценный час, который рано или поздно непременно наступит.

Вбежав в назначенное время в рентген-кабинет, Машка с разбегу запрыгнула на стол, вытянулась на нем и уже оттуда стала отвечать на ставшие привычными за столько лет вопросы.

– Имя? Фамилия? Год рождения? Класс? – спрашивала техник, заботливо укутывая Машкины бедра свинцовым прорезиненным фартуком и производя все необходимые замеры. Наконец уже выходя, чтобы за дверью, в соседнем помещении, нажать на кнопку, техник задала последний вопрос: – Ты не беременна?

– А? – Машка неожиданно очнулась. – Что? – Вопрос был привычный. Девочкам его задавали лет с четырнадцати, и всегда на него легко и просто было отвечать нет. – Ой, вы знаете, я не знаю.

– Здравствуйте! – Техник остановилась. – А кто знает-то? Месячные в последний раз когда были?

– Не помню.

– Ну ты даешь, Самарина! А с виду такой паинькой прикидываешься.

Ну, вставай, горе мое. Придешь, когда месячные начнутся. Если начнутся, конечно. А не начнутся, иди к врачу и принеси нам справку. Только скорей! Как только, так сразу! И так ты уже на два месяца из графика выбилась.

* * *

У сколиозников редко появлялись пролежни. Считалось, их организму присуща высокая сопротивляемость. Тем не менее отдельные случаи все-таки наблюдались. Лечили их по старинке, синтомицином, мазью Вишневского, и, как обычно, средства эти не особенно помогали. Пациенты не жаловались. Это тоже было одно из присущих сколиозникам свойств, не то стоицизм, не то пофигизм. Но Аню, как сиделку, вид гноящихся ран доводил до слез. Кроме того, ей виделся в них вызов ее профессионализму. Она щедро поливала раны антибиотиками и мазала мазями, но толку от ее стараний было мало. Кроме того, оставалось непонятным, почему у одних пациентов пролежни возникали часто, а у других не появлялись совсем.

Однажды в перемену толстая старшекурсница Юля, губастая, с густой шапкой спутанных кудрей, под большим секретом открыла Ане страшную тайну. Оказалось, что, если спереть из процедурной самую капельку дорожущего состава, которым обрабатывают плечи и спину, прежде чем закрепить пациента на щите, развести в десять раз и полученным раствором обработать пролежни, раны затянутся за пару дней. И потом больше появляться не будут.

– Кожа делается как дубленая! Хоть кипятком ее потом шпарь, хоть кислоту на нее лей.

– А почему им всем тогда этого не делают? – усомнилась Аня.

– Так дорого же! Раствора и так недостаточно присылают. Если всех подряд от пролежней им лечить, на обработки не хватит.

– Но ты ж говоришь, почти все так делают?

– Многие, да. Но мы ж по чуть-чуть отливаем, и не для себя. Не знаю, как ты, но я на эти язвы смотреть уже не могу. Умом понимаю, конечно, что антропоморфы не совсем люди, что им на все пофиг, но мы-то сами люди или где, в конце концов?! – И Юля зашарила по карманам в поисках сигарет. Третьекурсники почти все дымили как паровозы. – Видишь ли, дорогая салага... – Юля сделала паузу и затянулась.

Салагами в школе называли первокурсников подготовительных отделений. В отличие от избравших профессионально-техническое обучение. Те с самого начала становились профи. Что было закономерным,

ведь большинство из них просто совершенствовало навыки, приобретенные за годы общественного труда. В отличие от салаг, которым приходилось бросать привычные занятия и срочно осваивать что-то новое, близкое к избранной профессии.

Некоторые шли другим путем – разгружали по ночам вагоны, таскали мебель, убирали мусор. Тяжело, зато и час шел за два.

С медиками, впрочем, все было проще и жестче. Все зачисленные на медфак считались законной добычей больницы. Те, кто не шел потом по каким-то причинам в университет, оставались навсегда медсестрами, медбратьями, рентгенотехниками, узистами, акушерками.

Юля выдохнула дымовое кольцо, и несколько минут обе молча наблюдали за тем, как оно, медленно тая и расплываясь, уходит в небо.

– В нашей с тобой профессии что самое трудное? Не терять человеческий облик. Не отрастить самому, условно говоря, копыта, рога и хвост. Искушения-то на каждом шагу! Вон на Юрика посмотри. Глаза б мои не глядели!

И Юля смачно сплюнула себе под ноги.

* * *

Самым трудным было оторваться от Юрки. Он теперь ни на шаг не отставал от Ани на смене, чуть что рвался помочь, предлагал «все сделать вдвоем, так легче» и любую Анину попытку на минутку куда-нибудь отлучиться воспринимал, как приглашение уединиться.

Наконец она не выдержала, шепотом призналась, что ей давно нужно в туалет, выбежала из палаты, завернула за угол и понеслась со всех ног, петляя, как заяц, в прямо противоположную сторону.

Прокравшись в процедурную, Аня сперва плотно закрыла за собой дверь и только потом уже зажгла свет. Найдя в холодильнике нужную бутылку, резко наклонила ее и осторожно, через заранее заготовленную воронку отлила в бутылку из-под лимонада. Миллилитров десять, не больше. Все заперла, закупорила, выключила свет и ушла.

Возвращаясь по коридору обратно, Аня чувствовала себя обладателем панацеи.

В женском туалете она смешала чудо-жидкость в бутылке с водой из-под крана. Будет теперь носить с собою, типа для питья. И потихоньку смачивать марлевые тампоны. Главное, орудовать побыстрее, чтобы Юрка ничего не заметил.

Начав с палаты мальчиков, Аня быстро обошла всех нуждавшихся в обработке. Она помнила их всех наизусть, вплоть до величины, формы и местоположения язв. Мальчики, за редким исключением, не обращали внимания на ее возню. Они вообще почти ни на что не обращали внимания. Антропоморфов ничто не интересовало, кроме видеоигр. Глаза их большую часть времени устремлены были вверх, на экран, где бесконечно сменялись кадры, где герой блуждал, преодолевая милю за милей, в кислотно-радужном мирке. Перескакивая через пропасти, переплывая бурные реки, карабкаясь по скалам и взмывая вверх, в кислотно-голубое небо с белорозовыми кислотными облаками, спасаясь от гигантских темно-зеленых стрекоз и бурых стоглавых драконов.

Обычно пульт держал в руках кто-то из новеньких, старожилы же со своих коек лишь отслеживали процесс, по мере необходимости комментируя.

– Успел! Успел! – захлебывался слюной игрок, подразумевая, что герой его проскочил в последний момент меж сходящимися Харибдой и Сциллой, увернувшись от страшных челюстей стрекозы.

– Толку-то, – злорадствовали с соседней койки. – Глянь, какой дракон ждет тебя за углом.

– Хана твоему дракону! – орал первый, чей герой, выхватив из-за пазухи пулемет, методично отстреливал чудовищу башку за башкой. Но головы немедленно отрастали снова.

– В брюхо, в брюхо пали, – советовали ему. – Видал! Сразу на кусочки разорвало. А теперь как ты с тем рыцарем справишься?

Они все существовали внутри этого иллюзорного мирка, где герой бежал, карабкался и взлетал, сражался и умирал, либо чудом избегал смерти, успевая прожить сотни жизней, в то время как в настоящем мире их тела сохраняли вынужденную неподвижность, как мухи в смоле, медленно обращающейся в янтарь.

Закончив, Аня, как всегда, поинтересовалась, не нужно ли кому чего. Как всегда, никому ничего не было нужно, и она ушла, пожелав всем спокойной ночи.

У девочек было полутемно. Многие уже спали, задернув занавески вокруг кровати. Другие, подобно мальчикам, переживали, уставившись в экран, захватывающие приключения своих героинь.

Тележка с суднами, памперсами и гигиеническими средствами стояла, забытая, между рядами. Аня успела обработать несколько девочек, когда внимание ее привлекло странное пыхтение в дальнем углу, сопровождающееся ритмичным колыханием занавески. Одновременно с

той же кровати неслось:

– Вот тебе! И еще! И еще! Будешь знать, как лезть из-за скал!

– Пошли еще стрелу вон в то облако, оттуда как раз чья-то рожа высунулась, – посоветовали с койки в другом ряду.

– Точно, Свет, спасибо! Ну сейчас я тут со всеми расправлюсь!

– Ой, не кажи гоп...

Неслышно подойдя и приоткрыв краешек занавески, Аня увидела Юрика, копошащегося меж голых ног лежащей в кровати девушки. Сама девушка смотрела при этом вверх, без конца щелкала пультом и ничего, казалось, не замечала. Но Ане одного взгляда оказалось достаточно. Ее замутило. Резко задернув занавеску, Аня выбежала из палаты, по дороге задев каталку локтем. Каталка покатила вбок и врезалась в стену. Памперсы, лежавшие с краю, упали и разлетелись по всей палате. Металлическое судно свалилось на пол, издав гулкий мелодичный звон.

– Ай! – вскрикнул звонкий голос с досадой. – Вот сволочь! И как это он подкрался на своем геликоптере...

– А я тебе говорила! За той скалой нужно все время следить. Ничего, в другой раз будешь внимательнее.

* * *

Влетев в сестринскую, Аня захлопнула за собою дверь и прислонилась к стенке. В дверь тут же начал ломиться Юрик.

– Аня, открой! Ань, ну что ты как маленькая! Заперлась там. Ань, я старшей сестре пожалуюсь! У тебя там все упало с каталки, а ты даже не подняла ничего. Это вообще как называется?

– Юр, подожди, я сейчас прокладку сменю, – ответила она, отдышавшись, спокойно и зло.

Аня уже убедилась, что при любом упоминании о месячных, романтическое выражение на лице Юрика сменяется гримасой легкого отвращения. Она еще чуть подождала, собираясь с силами, чтоб не треснуть его сразу, как войдет, чем попало по голове, и отперла дверь.

– Ань, это совсем не то, что ты думаешь. Я тебе сейчас все объясню! Понимаешь, это же как подрочить. Для них же это ничего не значит. Забеременеть в этом состоянии они все равно не смогут, доказано. Потом они же вообще ничего почти не чувствуют! А если б чувствовали что-нибудь, то, по идее, должны были бы быть только благодарны, что... Я, Ань, знаешь что думаю...

– Да заткнись уже, наконец! – взорвалась Аня. – На фига мне знать, что ты думаешь?! Я вообще не понимаю, как ты такой на свете живешь! Ладно, ты прав. Надо вернуться и разобраться с каталкой.

Юрик по-прежнему загораживал ей дорогу. Аня сделала попытку его обойти.

– Аня, ты просто не поняла... Ань, да ты что, ревнуешь?! Ань, ну ты дура, что ли?! Пойми, здесь же нет ничего такого... Все так делают, потихоньку. Ань, но только ты никому, хорошо? А то мало ли кто что подумает...

Не слушая его, Аня вдруг с неожиданной силой столкнула Юрика с пути и пошла на ватных, подгибающихся ногах дальше по коридору, мучительно думая про себя, что делать. Рассказать кому-то? Пожаловаться? Но ведь если Юрка прав, всем и так уже должно быть известно. Как всегда. Все знают, и все молчат.

* * *

– Ты с ума сошла, какие такие все?! Мы, конечно, все здесь не ангелы, но не до такой же степени! На, выпей, выпей. – Юля протянула ей фляжку. – Да пей, говорю, тебя ж всю трясет.

Аня послушно глотнула и захлебнулась, закашлялась.

– Что это? – спросила она жалобно, отдышавшись.

– Спирт. Мы с тобой медики или где?

– Мерзость какая! – Но жить стало, несомненно, легче.

– Так что и не думай. Попадаются, конечно, такие мрази, как Юрка, но чтобы все?! Эх, надо было тебе его на телефон сфоткать. Тогда б не отвертелся. Вылетел бы с медфака как миленький. Теперь-то что, теперь-то уже поздно.

– Юль, но неужели нельзя ничего с ним сделать? Неужели он получит диплом?

– Весьма вероятно. Как-никак отличник.

– Может, ему руки пообломать?

– Ага. И ноги заодно тоже. Я подумаю. Хотя лучше б совсем радикальный вариант.

– ?

– Кастрация. Положительный эффект в ста процентах случаев. Кстати, и работоспособность увеличивается. Каталки станет вдвое быстрее катать. А что? Испокон веков рабочую скотину кастрировали.

– Тебе б все шутки шутить.

– Ладно, сегодня же потолкую с парнями из хирургии. Чтоб они ему мозги как-нибудь поаккуратнее вправили. Действительно, совсем зарвался. И в учебной части словечко замолвлю. Даром что ли я староста курса? На мой взгляд, вам там обоим не место. А хочешь, скажу, чтоб тебя к нам в родилку перевели? У нас прикольно, тебе понравится.

– А можно? В акушерки же только с третьего курса берут?

– Ну так там и без того до хрена работы. Сперва будешь младенцев пеленать, потом начнешь потихоньку к делу приучаться. А там, гляди, и в университет от нас не захочешь. Акушерство – это же как наркота.

Пробовала ли Юля и в самом деле наркотики, Аня на всякий случай спрашивать не стала. Но Юрик на другой день в свою смену не пришел. Старшая сказала, что он, бедный, лежит в травме, передает всем привет и очень просит Аню его навестить. Перелом ноги и обеих рук. Похоже, избили его, хотя сам он говорит, что упал на лестнице неудачно.

– Короче, сюда, сказали, уже не вернется. Пока все срастется и восстановится настолько, чтоб больных ворочать да каталки катать, уже и экзамены на носу. Теперь его, болезного, небось, как из больницы выйдет, в лабораторию куда пошлют или бумажки в регистратуре подшивать. Жалко, толковый парень! Всеми манипуляциями успел овладеть. И спрашивается, что мне теперь делать? Тебя-то ведь тоже от нас забирают. О-хо-хо, грехи наши тяжкие!

– А меня куда? – Аня постаралась изобразить удивление. И чуть не упала со стула, услышав ответ.

– Сказали, пока в рентген пойдешь, технику осваивать. У них там одна забеременела, самой ей теперь нельзя. Вот и будешь под ее руководством кнопкой щелкать, пока замену не пришлют. А потом уж не знаю, но сюда всяко, сказали, не возвратишься. Сколько я ни просила, сколько ни убеждала, что ты сюда лучше других подходишь, – нет и все! Вот так вот. Учишь вас, учишь, а все коту под хвост. Опять ведь придется половину работы самой делать. Поди с ним поспорь, с начальством! И какая возжа...

* * *

Рассвет вот-вот должен был настать. Или наступить? Как правильно, Машка не знала.

Ей было хорошо и уютно рядом с любимым и жаль тратить на сон остатние полчаса. Вот-вот завибрирует, зажужжит будильник. Придется

вскакивать, натягивать на себя непослушными руками одежду. Не глядя друг на друга, каждой порой на коже ощущая, что некогда, некогда, что все раздражает и в любой момент может разразиться взрыв.

А пока все тихо, они лежат, повернувшись лицом друг к другу. Дыхание их смешивается, уходя теплыми струйками к потолку. В комнате холодно, форточка как всегда открыта, ведь Макс не выносит духоты.

Макс спит. Во сне резкие черты лица его сглаживаются, смягчаются. Рот приоткрыт, в углу застыла капля слюны. На верхней губе черные точки пробивающихся усов. Машке очень хочется его поцеловать. Но она сдерживается. Ведь никогда не известно, что из этого выйдет. Иногда, еще не до конца проснувшись, Макс тянется к ней, ласкает молча, не открывая глаз. В другой раз ворчит, отмахивается, поворачивается спиной. И потом так и будет злиться и не поцелует даже на прощание.

Макс страшно не любит вставать по утрам.

Меж тем взятая им на себя общественная повинность – вывоз из школы мусорных баков – предполагала именно это. Резкий подъем, быстрое натягивание на себя белья и вонючего комбинезона – у Макса их два, он стирает их каждый божий день, но запах так никогда и не выветривается до конца. Выскакивание на улицу в пять утра, к сердито урчащему грузовику.

– Зачем ты себе выбрал такое? – изумлялась Машка. – Ты же любишь по утрам подольше поспать, зачем ты себя так мучаешь?!

– Но это же всего два часа в день, а не четыре. Иногда даже меньше. А потом я свободен. Возвращаюсь, ложусь, говорю себе, что все было кошмарным сном, и спокойно давлю подушку до полудня.

Максовы уроки никогда не начинались раньше часа.

А Машка жаворонок. Для нее раньше проснуться в радость. Кусочек времени, принадлежащий лишь ей одной, когда можно лежать, мечтать и ничего не делать.

Чтоб не спалиться, Машка уходит без четверти пять, еще до Максима. Заматывается в пушистый платок, так что снаружи видны лишь глаза и нос. Чтоб никто не узнал, и потом так теплее. Перед рассветом всегда особенно холодно, даже если день впереди ожидается теплый.

Максим целует ее в кончик носа, выглядывает в глазок. Прислушивается: «Никого? Ну, с богом, милая! До встречи!»

Машка сбегает по лестнице и выскальзывает в ледяной сумрак. Один раз столкнулась с учителем математики. Он по ночам трудится истопником и почему-то возвращался со смены раньше. Сердце так и ухнуло, хотя учитель на нее даже не взглянул. Машка решила, что не узнал. А то бы

наверняка поздоровался. О вежливости математика ходили легенды. Будто бы какая-то девица поскользнулась при нем и упала. Так он с ней сперва поздоровался, потом спросил, можно ли помочь, и, лишь заручившись согласием, подал руку.

Приходила Машка засветло, ни от кого не таясь, помахивая взятыми для отвода глаз учебниками и тетрадками. Засучивала рукава, надевала фартук. Подметала, загружала посуду в посудомойку. Чистила, напевая, картошку. Максим посмеивался, позволяя ей разыгрывать из себя хозяйку. На самом деле, ничегошеньки она не умела. Ей все приходилось подсказывать – какой толщины ломти нарезать, сколько масла на сковородку лить, когда уменьшить огонь.

– Вас что, даже картошку жарить не учат?! Зачем тогда нужны эти дежурства по кухне?

– Жарит повар. А мы только чистим. Смотри, как у меня тоненько получается!

За едой они разговаривали. Забавно, Машке ничего не стоило скрывать от всех любовь к Максусу. Но от самого Макса она ничего не умела утаить. И она рассказывала ему, кто кому подсказал и кто у кого списал на контрольной. Спыхватывалась, зажимала ладошкой рот: «Ничего, что я тебе сказала? Ты ведь никому? Никому?» «Могила!» – торжественно обещал Макс, и глаза его при этом смеялись.

Про Лерку, которая все никак не может прийти в себя и которой снятся странные сны. Про Аню, которая, поступив на медфак, сделалась холодной и отчужденной, как все медички, так что неясно даже, как к ней теперь подступиться.

Максим в ответ пожимал плечами. Конечно, Лерку жалко, кошмар потерять так внезапно близкого человека. Но ведь жизнь идет, Лерка еще так молода, рано или поздно рана затянется. Сны... Может, рассказать о них школьному психологу? Насчет Ани он был более категоричен. Смирись. С медиками всегда происходит одно и то же. Тут уж ничего не поделаешь.

Однажды Машка пересказала ему свою встречу с Гошей. Максим не особенно удивился. Оказалось, он давно про все это знал.

– Это ж секрет Полишинеля. Любой умный и образованный человек, сложив два и два, сразу придет к нужному выводу. Как тебе Гоша сказал: знать надо, куда смотреть, вот и все.

– А зачем тогда из этого делают тайну? Зачем их прячут от всех?

– Затем, что вовсе не все люди образованны и умны. Ты же вот не бегаешь с криком: «Свободу химерам! Конюшни кентаврам! Немедленно

всех уравнивать в правах!» А дурак какой-нибудь наверняка станет.

– А почему он дурак? Разве это неправильно?

– Правильно-неправильно! Маш, ты помнишь, что такое утопия? Мы недавно с вами проходили.

– Да. Это когда все счастливы.

– Умница! А что я вам тогда сказал? Не бывает. Не бывает счастья для всех! Можно самому в лепешку разбиться, миллион других ради этого угробить, а все равно ничего не выйдет. Всегда кому-то будет лучше, кому-то хуже. Закон природы. Любой вид борется за свое выживание. Дай сегодня антропоморфам волю, завтра они сожрут нас.

– Прямо вот так возьмут и сожрут? Буквально, зубами? И ты в это веришь?

– Может, и не буквально. Насколько я знаю, они все вегетарианцы. Но постепенно, поколение за поколением, вытеснят. Они же лучше нас приспособлены, сама видишь.

– Но разве они не мы? Мы же их сами рожаем. Ну есть кое-какие отличия...

– Маша, они другой виток эволюции! Много ты встречала неандертальцев? А тоже небось жить хотели. Но мы оказались совершенней как вид, и где сегодня неандертальцы?

– Макс, ну нельзя же так! Мы-то ведь сегодня не первобытные.

– Можно, Маш, только так и можно! Биологические законы неизменны. Выживает сильнейший. Радости от этого мало, но люди вынуждены быть жесткими. Просто чтоб защитить себя. Правительство это осознает, спасибо ему. Окружило эту проблему завесой тайны от дураков. И ты тоже не болтай где попало. Кому надо и так всё знают. А кому не надо, пусть лучше пребывают в блаженном неведении.

– Максим, но ведь они наверняка и в других каких-нибудь странах есть. По-твоему, и там везде то же самое?

– Понятия не имею. Может, они рождаются только здесь. Ну вдруг им здесь как-то особенно климатит? Может, они есть где-то еще. Но где бы они ни появились, наверняка сразу вводятся законы, подобные нашим. Если не что похуже. Я почти уверен, что существует какая-нибудь всеобщая мировая договоренность по этому поводу. Человечество же должно везде стоять друг за друга. Ведь если дать антропоморфам волю, рано или поздно они вытеснят нас с земли. И нечего на меня так смотреть. Мы же их не убиваем, не мучаем. Кормим, поим, содержим.

– Макс, ты уверен? Все-таки мы же люди. И они тоже, ну, в смысле, тоже разумные. Неужели нельзя как-нибудь договориться между собой?

– Нельзя, Маш. Поверь, я знаю, что говорю. Я всю эту кухню изучал: историю, антропологию, социологию. Пока штатно, оно работает. Но стоит где-нибудь... Машк, ты только никому не говори, ладно? Вам, школьникам, это еще рано знать. Так вот, стоит где-то в мире запахнуть керосином, как все эти логики, вся этика немедленно разлетается на хрен. На первый план вылезает старый, добрый закон джунглей. И всё – и секир башка. Не грусти, Машунь, тебе не идет! Пойдем-ка мы с тобой лучше спать! Ни ты, ни я мир не переделаем.

* * *

Первой пары у нее в тот день не было. Поэтому с утра Маша забежала к Лерке. Она не оставляла попыток растормошить ее как-то, расшевелить. Иногда Машке даже рассмешить ее удавалось.

– Привет! – радостно проорала Машка, влетая в вечно не запертую квартиру и с удивлением принимающая. – Чем у тебя так вкусно пахнет? Неужто пирог печешь?

– Да ну какой там пирог! Так, шарлотку с яблоками, – откликнулась от плиты Лерка. – Сережка такую любит... любил. Садись, уже скоро приготовится.

Машка сочла это добрым предзнаменованием. С тех пор как Сергей исчез, Лерка совсем перестала готовить. Хотя раньше ее от плиты было за уши не оттащить. Прямо влюбилась она в эту плиту с момента, как им с Сережкой отдельное жилье выделили. Постоянно над чем-нибудь колдовала. То борщ, то пирог, то жаркое какое-то особенное. Ерофеев, единственный из всех имевший неограниченный доступ в интернет, отыскивал там для нее редкие рецепты. Сережка из своих отлучек в город привозил ей приправы с рынка. Народ из класса никогда не упускал случая забежать к ним пожить чем-нибудь вкусным. Лерка с Сережкой всегда были рады гостям. Даже если у самих было шаром покати, готовы были последнюю картошку на восемь частей разделить. А уж как Сережка пел под гитару!

Машке казалось, что в ушах у нее еще звучит: «Там свет в окне, там свет в окне! Он светит нам, тебе и мне. Как мотыльки, в дыму, в огне, мы все летим на свет в окне...» Ничего этого уже не будет. Осиротевшая гитара прислонена к стенке. Чехол сверху уже покрылся пылью. Машка почувствовала, как у нее начинает щипать глаза и свербеть в носу. От пыли, наверное, не иначе.

Лерка наконец выпрямилась и с дымящимся противнем в руках подошла к столу. Щеки у нее покраснелись от жара, глаза заблестели, волосы над лбом закурчавились, образуя золотистый венчик.

– Ты сегодня прям королева! А что это на тебе такое надето? Неужель платье новое сшила?

– Не сшила! – Лерка хитро усмехнулась, опуская противень с шарлоткой на стол. – И это не совсем платье. Вот смотри!

При ближайшем рассмотрении платье оказалось искусно обернутым вокруг тела куском материи, причем на животе ткань была намотана таким образом, чтобы и поддерживать его слегка, и скрывать.

За последний месяц Лерка почти ничего не ела. С трудом ее удавалось уговорить проглотить кусочек. Поэтому похудела она ужасно, практически живот остался да кости. Пышная раньше грудь превратилась в два скромных холмика. Но ткань удачно драпировала углы и нежно подчеркивала округлости.

– И как это ты так ловко придумала! – восхитилась Машка.

– Да не я это! – Лерка неожиданно покраснела. – Это, видишь ли, Сережка мне сегодня ночью во сне приснился. Мы с ним сидели, как с тобой сейчас, и разговаривали. Про всякие пустяки, как всегда. Точно и не умер он, а из мастерской вечером вернулся. И я ему, не помню уже с чего, жаловаться начала. Что на меня вся одежда прежняя не годится. Где не сходится, где мешком, наоборот, висит. А новую ж глупо всего на пару месяцев покупать. Потом-то все ведь опять по-другому будет.

А он тогда достал с верху шкафа этот кусок ткани, я уж и забыла про него совсем, и стал показывать, как им можно обернуться, чтобы похоже на платье вышло. Несколько раз показал, на мне, на себе, словами растолковал. Ну и до меня дошло. На самом деле, ничего ж сложного! Я утром проснулась, взяла попробовала – и получилось! Так сразу на душе легко стало! Точно и в самом деле Сережка ко мне приходил. Даже испечь для него что-нибудь захотелось.

* * *

– Ну вот, всё, как вы и хотели. Львы рычат, орлы клекочут, драконы дым с огнем выдыхают.

– Ай спасибо, Серега-мастер! Ну удружил! Руки у тебя золотые.

– Да ладно, все оказалось не так уж сложно. Просто шестеренка одна истерлась, и вот из-за нее все... Не удивительно, если за столько-то веков!

Надо ж, древние какую штуку сообразили! Мы тут ходим, думаем про себя, что типа по части техники сильно крутые. А они, выходит, еще тогда... И ведь сколько времени прошло! А механизм как новенький, почистить и шестеренку одну сменить. По-моему, врут нам всё про этот прогресс, ей-богу!

– Да, древние, конечно, тоже умели. Сережа, скажи секретарю, чтоб записал на твой счет...

– Ой, да что вы, не надо ничего! Мне ж самому было интересно. Ну где еще такое увидишь, тем более изнутри? По правде, я вас еще благодарить должен, что позволили покопаться. Для меня же это как в музее побывать. Даже лучше, в музее же ничего нельзя трогать.

– Ну, как знаешь. Обедать-то хоть останешься со мной?

– А как же! Если пригласите. Да, я вам еще что сказать-то хотел. Немножечко он все-таки заедает. Ничего не сделаешь, на рельсе одном зазубринка маленькая, и к ней ниоткуда не подобраться. Так вот, если трон, как дверца откроется, из стены сразу выезжать не будет, вы его чуть-чуть за ручку правую тряханите, совсем чуть-чуть, сильно не надо, и сразу все как по маслу... Попробуйте сами сейчас, при мне. Видите, вот, во-от...

* * *

За обедом, где, как обычно, подали паровые котлеты с пюре и творожную запеканку с тертым яблоком – Правитель, в связи с преклонным возрастом, сидел вечно на диете, – Сергей не выдержал и спросил:

– Скажите, а зачем он вам нужен? Ну трон этот золотой, со львами и прочей хренью?

– Для делегаций, Сережа. Надо ж как-то послам пыль в глаза пускать. А то совсем нас уважать перестанут.

Сергей уже успел убедиться, что Правитель был простым человеком, с более чем скромными личными потребностями. В огромном дворце, где ему по долгу службы приходилось не только работать, но и жить, Правитель занимал ровно две комнаты. Большой полупустой зал, где он ежедневно думал, и вот эту комнатку в угловой башне, где они с Сергеем сейчас обедали. Кроме стола в ней с трудом помещались массивный шкаф с книгами, небрежно застеленная узкая кровать и шифоньер с парадными одеяниями и будничным тряпьем. На данный момент стан Правителя облегал застиранная хламида невнятно-зеленого цвета, с прорехами в самых неожиданных местах, обнажающими худое, жилистое стариновское

тело.

К комнатухе, впрочем, примыкал балкон, куда они с Сергеем после обеда вышли покурить. С балкона открывался прекрасный вид на долину и тающие в вечерней дымке горы.

– Как же у вас красиво! Я раньше думал, небо такого цвета в компьютерных играх только бывает. И трава такая зеленая, прям шелковая! Все время потрогать хочется.

– Ну шелковая она только с виду. Будешь трогать, осторожнее, не обрежься. А цвет... Ее тут ручьи горные питают, а это, считай, самая чистая на свете вода. Сережа, а почему ты говоришь «у вас»? Ты ж теперь полноправный гражданин, неделю уже как статус беженца на паспорт сменил.

– Да я все как-то никак не привыкну. Все кажется, засну вечером, а проснусь там, у нас, с цепью на ноге или в поезде, везущем в концлагерь. Потом сердце же у меня там осталось. Лерка, малая. Лерке ведь уже рожать скоро. Я вам рассказывал, как мы с ней все время ругались, пока не придумали маленькую Верой назвать?

– Рассказывал. Красивое имя. Сережа, ты бы их навещал пореже. Она ж так с ума сойдет в конце концов. Я понимаю, в самом начале. Но сейчас-то, когда острый период прошел...

– Правитель, я, честное слово, стараюсь. Прямо вот каждый вечер, ложась спать, себе говорю: «Нельзя! Нельзя!» И блоки ставлю, как вы меня научили.

– И что? Блокировка подводит?

– Нет. Просто не могу никак удержаться.

* * *

– Та-ак, – зловеще протянула узистка, елозя датчиком по Леркиному животу. – Чудненько.

– Что-нибудь не так? – встревожилась Лерка.

– Да все так! Не вставай пока, полежи пять минут. Я скоро вернусь.

Узистка вышла и возвратилась с сурового вида теткой в темных очках. Тетка сама взяла датчик в руки, поводила им по Леркиному животу и удовлетворенно кивнула.

– Ты права. Здесь все весьма характерно. Умница, не зря я тебя учу.

– Что, прямо так и писать, Карина Валерьевна?

– Господи, конечно же нет! Окончательный диагноз всегда ставится

после родов. А мы с тобой пишем обтекаемо: экзогенные участки в районе плечевого пояса. Сапиенти сат, так сказать, что вижу, то пою.

Тетка вышла, чему-то про себя улыбаясь. Узистка пересела к компьютеру и занялась отчетом, бросив Лерке, что та может вставать-одеваться.

– Слушайте, ну нельзя же так! – возмутилась Лерка. – Скажите мне хоть что-нибудь! Что-то не так с моей девочкой?

– Да все с ней так, – отозвалась узистка, не оборачиваясь и густо краснея. – Руки, ноги, голова – все на месте. Подробности узнаешь, когда родится. Мы ж здесь все равно только предположения строим. Тебе-то чего из-за наших предположений переживать? Иди себе гуляй остальные три недели. Вам, беременным, волноваться вредно. Иди, иди. Скажи, чтоб следующая заходила.

Голос ее звучал как всегда раздраженно, но сквозь раздражение вдруг отчетливо проступили печаль и усталость. До Лерки неожиданно дошло, что узистка – такая же точно девчонка, как она сама. Может, на пару лет только старше. Третий курс медфака, наверное.

Ни в чем она, конечно, не виновата. Не она ж Лерке в живот плод засовывала. Учится, выполняет данные ей инструкции. И в конце концов, она же права. Теперь-то уж, когда осталось всего ничего, поздняк метаться и пить боржоми. Теперь уж что родится, то и родится. Будем любить такую, как есть.

* * *

– Вот когда я была маленькая...

– Ты и теперь маленькая. Моя.

– Ну... да, конечно. Только я не это имею в виду. Не щекочись, а то я говорить не смогу. Так вот, когда я еще жила дома с родителями, мне часто снилось, что я падаю куда-то, а потом – раз, воздух меня подхватывает, и я лечу.

– Всем снится. Это мы так растем.

– Ну да, наверное. Но только я из-за этих снов совсем тогда перестала высоты бояться. Могла на подоконник залезть и ножки вниз свесить, представляешь? Мама зашла раз, увидела, у нее чуть сердце не остановилось. Шестой этаж все-таки! Они меня с отцом знаешь как ругали! А я слушаю и не понимаю, чего они так волнуются.

– А теперь тебе такое не снится?

- Что я падаю? Нет. Теперь мне снятся бесконечные сны.
- Это как?
- Ну облака всякие, море, дорога до горизонта и дальше. Что-нибудь, что никогда не кончается.
- А звезды?
- И звезды, конечно. Ну если у меня во сне ночь.
- Ясно. А я, значит, тебе не снюсь?
- Снишься. Только это как бы не совсем ты. Просто такое ощущение, что ты рядом. Что я не одна, а с тобой. Но ни лица, ни фигуры я не вижу, и потрогать тебя нельзя.
- Тоскливо как-то, если нельзя потрогать?
- Здесь да. А во сне почему-то нет. А тебе что снится?
- По-разному. Иногда ты. Иногда дети, когда они еще маленькие. Но знаешь что странно? Чаще всего я вижу во сне нашу школу. Вроде и пожил уже в разных местах, и в университете сколько-то лет проучился, и семья у меня была, и по стране я поездил так, что дай бог всякому, и в горах был, и в пещеры лазил, и по рекам сплавливался, и в море ходил на яхте. Но в этом сне мне как будто снова шестнадцать лет и я опять школьник, и точно знаю, что за ворота нельзя и долго еще будет нельзя, и все мечтаю, когда ж наконец будет можно. Я в том сне не меняюсь. Мне всегда шестнадцать лет, и я всегда жду, когда же можно будет за ворота. Стою возле них, и аж дыханье спирает. Так туда хочется, что прям больно. Вот. Я этого никому еще не говорил. Даже и не знаю, зачем сказал сейчас.
- Ты так на самом деле стоял? Ну тогда, в детстве?
- Не помню уже. Нет вроде бы. Я был нормальный пацан, у меня была вполне насыщенная жизнь. Девчонки, спорт, музыка, учеба. Ну так, мечтал у себя в голове, наверное. Потом вроде же все сбылось.
- Макс, а ты никогда не пробовал убежать? Ну там, во сне?
- Не, не пробовал. Ни во сне, ни наяву. Ладно, хватит болтологией заниматься. Спи уже. Завтра вставать рано.
- Сплю. Макс, а ты все-таки попробуй. Ну хотя бы сегодня ночью. Попробуешь, да?
- Машка, ты будешь спать, наконец, или нет?!
- Буду. Только ты мне еще спинку почеси на ночь. Там почему-то все время чешется, между лопаток, а сама я не достаю. Вот здесь, да. Так хорошо. И что бы я без тебя делала?

«Анна, помни, когда тебя выпустят, ты всегда сможешь приехать сюда. У меня есть связи, я добьюсь для тебя прописки. Наша семья всегда проживала в Столице, и ты тоже будешь здесь жить! Я в этом ни секунды не сомневаюсь.

Так ли уж ты уверена насчет медицины? Рисунки, которые я видела, выглядят весьма многообещающе. Говорю тебе это не как бабушка, а как искусствовед со стажем и опытом. Я могла бы их здесь кое-кому показать, но для этого мне нужно твое согласие.

Пиши чаще! Я очень жду твоих писем. Не отделяйся, как теперь принято, краткими сообщениями в сети. Я человек старомодный, мне этого не хватает. Я знаю, что со школами плохая и нерегулярная связь и звонить ты часто не можешь. Поэтому, пожалуйста, не забывай писать.

Пришли мне свои размеры, чтобы я смогла купить тебе что-либо приличное из обуви и одежды. Пусть мне не позволили взять над тобой опеку, несмотря на все предъявленные документы, в этом-то они не могут мне помешать! Мне претит, что внучка моя ходит как чучело. Хочу, чтобы ты выглядела как человек.

Твоя бабушка Анна Громова».

Как человек! Если бы только бабушка знала!

Каждый шаг, сделанный Аней на избранном пути, заводил ее все дальше и дальше, превращая постепенно в винтик отлаженной и хорошо смазанной машины. Ане казалось, что, перестав работать со сколиозниками, она скоро обо всем забудет. Что, в конце концов, такое рентген? Его всем по нескольку раз в году делают. Да и функция у нее чисто техническая. Уложила, кнопкой щелкнула, а там хоть трава не расти.

Она ошиблась. Прежде всего, Аня теперь была обременена знанием. И ей ни на миг не удавалось забыть, что те, кто вошел в рентген-кабинет, могут потом из него не выйти. Аня улыбалась, а сама вглядывалась в лица, пытаясь угадать: «Этот? А может быть, вон та или тот?» Чаще всего она ошибалась, но иногда все же угадывала правильно, и от этого становилось еще горше. Будто предсказала судьбу.

Дней через десять вконец измученная токсикозом Надежда взбунтовалась. Она попросту бросила все на Аню, а сама переместилась в комнату отдыха:

– Нет, вот что они себе думают?! Неделю назад еще должны были

человека прислать! Я им еще когда сказала: не могу больше в этой камере пыток находиться! Окон нет, стены толстые, дышать нечем. Как войду, сразу все перед глазами плывет. Ты, Ань, главное, не тушуйся. Уложила, сняла и смотри в экран. Глаз-то у тебя уже наметанный. Видишь, все чисто. Ставь в компе звездочку и сохраняй через мой секретный код, вот я тебе его написала на бумажке. И отпускай клиента на все четыре. А как что подозрительное усмотришь, сразу двери на запор и зови меня. Кричи не стесняйся, я рядышком, услышу и прибегу. Главное что? Главное – подозреваемого из кабинета ни под каким предлогом не выпускать! Ни в туалет, никуда. Особенно мелких, они всегда ужасно пугаются. Хотя и подростки иной раз доставляют. Можно понять, жизнь-то вдруг – хлоп! – и всмятку. Я б тоже, наверное, испугалась. Пойду я, Ань, хорошо?

– Надь, но разве можно так?

– Ну а кто про это узнает? В компьютере ж все от моего имени будет. И потом они сами виноваты, я давно их предупреждала. Ты, если проверять придут, скажи, на минутку отошла, сейчас вернется. Да не придут они! Лишние рентгены схватить побоятся.

* * *

«Древние говорили, что кентаврам присущи мудрость, неумение лгать и склонность к меланхолии.

По легенде, кентавры рождаются от лошадей, чья кровь смешалась с кровью воина в битве. Поэтому, если воин погибал, а лошадь его в той же битве лишь ранили, лошадь эту убивали и хоронили вместе со всадником. Если же раны, полученные конем и всадником, оказывались не смертельны, жрецы все равно настаивали на том, что такую лошадь нельзя оставлять в живых и пусть всадник заводит новую.

Большинство слушалось жрецов. Находились, однако, среди воинов и такие, кто, не желая убивать своих лошадей, прятал их и лечил тайком, пока рана не затягивалась совсем. А потом возвращались как ни в чем не бывало в строй и лгали, что раны никакой вовсе не было. Тех, кого уличали в подобном, казнили мучительной смертью. Ведь нельзя же было допустить, чтобы кентавры размножились и взяли верх над людьми».

– Да с чего они взяли, что кентаврам какой-то там верх понадобится?

– Ну а как? Они ж сильные, большие. Лошадь тебя копытом по темечку ударит – и все! И привет горячий! А этих копыт у нее, между прочим, четыре. А у кентавров к тому же еще и руки.

- И что из этого? У них же еще голова и сердце. Они умные и добрые.
- Да откуда нам знать, что там у них в голове и на сердце? Лучшая защита – превентивное нападение. Ладно, Маш, пиши давай и не отвлекайся. Много у тебя еще?
- Еще полстраницы, заключения и выводы.
- А знаешь что, давай-ка я лучше за тебя заключение напишу. Брысь давай, отлезь от компьютера.
- Макс, но зачем?! Не надо, я хочу сама!
- Не спорь! Представляю, чего ты сейчас там назакрываешь. Я-то привычный, я-то тебя третий год учу. А Елена решит, что ты совсем дурочка. И выставит тебе в диплом плохую оценку. У вас же «Мифы и легенды» в этом семестре кончаются?

* * *

Месячные все-таки пришли, хоть и с большим опозданием. А Машка уже стала надеяться... Придумывать, строить планы. Например, что хорошо бы им в следующем году с Леркой объединиться и подать общую заявку на комнату. Чтобы малышей воспитывать сообща. Время, впрочем, еще есть. Может, все еще и получится. Заявки на комнаты принимаются ведь только с весны.

Непонятно, правда, что Лерке врать насчет отца ребенка и ночных отлучек. Сегодняшним-то соседкам, полузнакомым девицам с филфака из других, параллельных классов на Машку плевать. Подруга – дело иное. Спрашивать, положим, Лерка не станет. Она гордая, будет ждать, когда Машка сама расскажет. И злиться, что не рассказывает.

Очереди на рентген не было. Машка постучалась и, услышав знакомый голос, сперва подумала, что почудилось. Но это и вправду оказалась Аня! Они так давно не виделись! Даже растерялись – не знали, что друг другу сказать, о чем расспросить. Просто обнялись и стояли молча. Шесть лет в одной спальне, бок о бок на соседних койках. Что ни говори, а даром такое не проходит.

После каникул Аня ни разу не выбиралась на классный час. Училась, работала. Да и сил не было ни с кем общаться. Казалось, она окончательно выросла из этих детских дружб. Один только Ерофеев у нее остался. Но с ним-то Аню связывали совсем не детские отношения.

Аня и не ожидала, что встреча с Машкой так сильно ее всколыхнет. За пару месяцев Машуня сделалась совсем другой. Лоб стал выше, глаза

заблестели ярче. От Машки словно исходило сияние. Что-то в ней появилось такое... Даже и не разберешь что. Не то выросла, не то округлилась. Влюбилась, что ли? А вдруг...

Спохватившись, Аня до боли закусила губу. Она давно запретила себе эти мысли! Еще сглазишь кого-нибудь ненароком.

Обе поцокали языком насчет Лерки. Порадовались за Златку с Русланом. Представляешь себе, ждут второго! Надо же, какие голубки из них вышли! Маленькими-то, помнишь, все время цапались.

Аня рассказала про Столицу и бабушку, Машка – про отца. Ужасно в последнее время сдал, просто на себя не похож. Мама тут вчера скинула на телефон видео...

– Ой! – спохватилась Машка, взглянув на часы на стенке. – У меня ж семинар через пятнадцать минут! Давай-ка ты снимай меня побыстрее. Как-нибудь еще забегу поболтать.

– Только если на этой неделе. С той меня в родилку переведут.

– Везет тебе! Леркину малышку первой увидишь. Младенцы вообще все такие лапочки! Хотя, наверное, смотреть на мучение их матерей то еще удовольствие.

– Да ладно, мучения! Скажешь тоже. Сегодня всем делают обезболивание.

– А мне почему-то кажется, неестественно это, без боли рожать. Я, наверное, когда время придет, попрошу, чтоб мне обезболивания не делали. И на занятиях по ЗОЖу, помнишь, нам объясняли, что без него лучше.

– А, все так говорят. А как до дела дойдет, передумывают. Ничего нельзя знать про себя заранее.

Склонившись над столом, Аня проверила все в последний раз, лучезарно улыбнулась и вышла. И там, за дверью уже, щелкнула кнопкой. Вывела изображение на экран. И до боли закусила губу. Ведь сколько раз уж себя предупреждала! И опять не удержалась.

Сглазила.

Аня заметалась по комнате, не зная, что предпринять. То есть, что надо делать, она, конечно, знала. Запирать двери и звать Надежду. Не раз уже проходили. Тяжело, но все-таки всегда неизбежно. Но сейчас-то за стеной была Машка! Родная, с горящими глазами, счастливая. Опаздывающая на дурацкий свой семинар.

И это меняло абсолютно все.

Действовать штатно при таких обстоятельствах оказалось невысказано. Для начала Аня уничтожила файл. Стерла и очистила корзину. Выдохнула. Да, но теперь файл следовало чем-нибудь заменить. И тут ее осенило. В

другом случае это бы не прошло. Но здесь вариант виделся идеальным. Они ведь даже почти что одного роста.

– Машка! – сказала Аня, возвращаясь в кабинет, стуча бодро каблучками и по-прежнему радужно улыбаясь. – Тут, это, такое дело. Неудобно, конечно, просить, но мы ведь с тобой подруги? Понимаешь, мне самой срочно нужно пройти рентген! Прямо вот до зарезу надо, с родилки еще вчера требовали. А то не возьмут, у них же там строго. Задержись еще на пару минут, хорошо? Это не сложно. Я лягу, а ты там, за стеной, нажмешь кнопку. Я тебе сейчас покажу какую. А на семинар свой ты и так уже опоздала.

* * *

– Молодец, умница, возьми с полки пирожок! А самой-то ей ты сказала?

– Ты что, Саш, как я могла ей сказать?! Одно дело тебе, когда ты и так в курсе всего...

– А как можно не сказать?! Лихо ты за нее все решила. Тебе кажется, так лучше? А Машка, может, предпочла б на три года лечь в больницу, чем стать навсегда изгоем.

– Ерофеев, почему изгоем? Не делай, пожалуйста, из меня фюрера! Конечно же, мы ей всё расскажем. И сама за себя все решит. Но только надо не вдруг, чтоб не напугать. Как-нибудь постепенно, в обтекаемой форме подведем ее к мысли, что...

– Интересно, как к этому можно подготовить? И кто ж такие эти самые мы?

– Мы с тобой, разумеется. Саш, ну ты же должен понять! Мне вообще нельзя прямо действовать, у меня ж подписка.

– Ань, ну не знаю! По-моему, после вчера ты ею можешь подтереться.

– Ерофеев, ты что грубишь?!

– Не грублю, а говорю правду. Да уж, наломала ты дров! Зачем ты вообще с этой медициной связалась?

– Саш, ну я-то откуда знала?

– Надо как-то побыстрее ей рассказать. Не ждать же, пока кожа у нее на спине лопнет. Ох, Машка, и как только тебя угораздило. Кто угодно если б...

– Так в том-то и дело! Если бы это не Машка была...

– Ну хорошо, а допустим, я с ней поговорю. Мне что, я подписок

никому не давал. Толку-то с того? Что ей дальше делать, ты придумала? У тебя в голове хоть какой-то план есть? Спрятаться ей лучше или сбежать, как Серега? А то, может, ну его на фиг, пусть она сдаваться идет? Сама б ты на ее месте как поступила?

– Только не сдаваться! Что угодно, только не это! Зачем тогда вообще все? Ерофеев, ну скажи, скажи, что мне было делать?! Не могла ж я проводить ее с улыбочкой в больничное крыло?

– Могла бы не провожать. Могла б сказать ей, что аппарат сломан. Пусть бы она на той неделе зашла, когда тебя уже там не будет.

– А спала б я как всю эту неделю?

– Ань, вот я и думаю, как ты вообще спишь по ночам?

В ответ Аня засопела и отвернулась. Потому что Ерофеев, конечно, был прав. Плохо она спала. Потому и по ночам к нему все время таскалась. Без дозы секса заснуть вообще было невозможно. Но что, если они расстанутся? Для него же это не отношения, а так. Курение не помогает. Спирт, что ли, начать глушить по ночам? Благо доступ к нему есть. А там уже и до наркотиков недалеко...

Ерофеев осторожно тронул ее за плечо.

– Ань, прости! Ты правда думаешь, я не понимаю? Анька, ну кончай придуриваться! Я ж знаю, что ты не спишь. Я, Ань, знаешь что думаю? Я думаю, неправильно это, судьбой другого человека распорядиться. Я Машке все расскажу, а она пусть сама решает. Не, ну если нужно, мы рядом! Поможем, подскажем. Не бросим в беде, короче, она ж наша Машка! Но решает пускай сама. Жить-то все же ей, а не нам.

* * *

Впервые за зиму всерьез потеплело. Снег сделался серым и рыхлым. Из него великолепно лепились снежки. С веток и крыш капала вода. Казалось, сам влажный воздух шевелится и дышит вокруг. Машка шла, стараясь не наступать в лужи, и все равно наступала, и пришла счастливая, с мокрыми абсолютно ногами.

Максим стянул с нее сапоги и колготки, зашвырнул все это на батарею сушиться и долго-долго растирал ей холодные ступни, дышал на них, разглаживал, целовал. Машка смеялась, морщась от щекотки и легкого покалывания в постепенно оттаивающих кончиках пальцев.

Потом они пили горячий, обжигающий горло и язык чай и смотрели на большом, во всю стену, экране какой-то смешной, абсолютно не

запоминающийся фильм. Из тех, где герои поминутно совершают ляпы, каждый из которых мог бы стоить им жизни или привести к необратимому увечью, но в фильме лишь приближает их к счастливому концу.

– Тебе не нравится? – спросил Макс, заметив, что она не смеется.

– Не очень. Мне их всех жалко. Ну то есть я понимаю, что все будет хорошо, но ведь, когда герой падает, он же еще не знает, что впереди хеппи-энд. Ему просто больно и плохо.

– А клоуны в цирке?

Машка покачала головой.

– Я не люблю цирк. Там или всех жалко, или за всех страшно.

– Чувствительная ты. Как ты жить-то такая будешь?

Машка засмеялась.

– Хорошо буду жить! Знаешь, мне иногда бывает так хорошо! Ни от чего, просто так. Во мне словно пузыри радужные надуваются и лопаются под языком. Я становлюсь легкая, как воздушный шарик, ноги сами начинают бежать, и я тогда бегу, бегу, бегу. Несколько километров могу так пробежать!

– А потом?

– А потом останавливаюсь. Хоп! Счастье кончилось. Началась нормальная жизнь.

– Может, тогда лучше не бегать? А спокойненько постоять, дыша воздухом? И счастье сохранить в себе на подольше?

– Не-ет! Я, если не побегу, тогда просто лопну.

– Смешная ты! И правда, с тобой ни кино, ни цирка не надо.

Максим нежно поцеловал ее в кончик носа.

– Чем кончилось с рефератом про кентавров? С тем, который я за тебя дописывал? Елене понравилось?

– Понравилось. Она мне за него четыре поставила.

– Как?! Почему не пять?!

– А я потому что внизу, после твоих слов, еще чуть-чуть от себя добавила. Ну про то, как было бы хорошо, если бы люди в те далекие времена отбросили свои предрассудки и просто-напросто поговорили разок с кентаврами по душам. От этого выиграли бы не только кентавры, но и сами люди в первую очередь. Потому что спокойствие и мудрость кентавров людям очень быгодились. Может, тогда и войн бы никаких вообще больше не было. Воины бы перековали мечи на плуги и начали сообща с кентаврами пахать мирно землю. А Елена сказала, что все это, конечно, забавно и фантазия у меня, безусловно, богатая, но к теме «Обычаи и верования древних народов» никакого отношения не имеет.

– Окей. Выпендрилась? Довольна? Пятерка тебе в диплом была лишняя?

– Максим, ты что, сердишься?! Ведь это же мой реферат! Мне же нужно было высказать свою точку зрения!

– Я не сержусь, мне просто обидно! Ты понимаешь, что ты малолетняя идиотка? Что ты из-за дурацких принципов не наберешь проходной балл в университет?! И всю жизнь будешь потом на общих работах дворы засранные подметать?!

– Максим, ты что, почему дворы?! Я уже сейчас без пяти минут младший библиотекарь!

– И тебя это устраивает? Ты разве не хочешь чего-то большего?

– Хочу, конечно! Но только это с учебой никак не связано. Хочу путешествовать, знать разные языки, ездить в дальние страны...

– Так для этого и нужна соответствующая специальность, квалификация, карьера! Без университетского диплома...

– Да, но понимаешь, это как левой ногой чесать правое ухо. Пока выучишься и карьеру сделаешь – сто раз путешествовать расхочется! Мне б сейчас куда-нибудь, с рюкзаком...

– Маш, ну какие там с рюкзаком дальние страны? До Непреодолимых Гор и обратно.

– Ну так я и в горах еще не была. Макс, ну чего ты злишься?

– Да не злюсь я! Просто ты не хочешь понять...

Она вдруг сделалась абсолютно серьезной. Будто лампочку выключили внутри.

– На самом деле действительно не хочу. Мне даже кажется, если я пойму, это как-то кардинально и навсегда изменит меня изнутри.

Говоря это, Машка выбралась из-под одеяла и стала одеваться. Сняла с батареи колготы и не до конца просохшие сапоги.

Максим оторопело уставился на нее.

– Маша, ты куда? С ума сошла? Тебя же увидят!

– Ничего, еще не так поздно. Скажу, за занятиями засиделась.

– Но что... почему вдруг? Ты обиделась на меня? Напрасно! Я, в конце концов, за тебя волнуюсь!

– Я понимаю. Но и ты меня пойми, пожалуйста. Я чувствую... что-то пошло не так. Мне сейчас надо остановиться и подумать. Я, может быть, какое-то время вообще не буду к тебе приходить.

– Час от часу не легче! Да постой же! Объясни толком, какая муха тебя укусила?!

– Никакая. Максим, не стой в дверях, дай пройти! Макс, ну не

начинай! Максим, мне ведь и так трудно... Максим, ну пожалуйста!

Внезапно он сдался. Вот как понять этих малолеток?! Сперва сама вешалась на шею, теперь сама же...

– Ну и катись к черту! Не вздумай только возвращаться!

Пинком распахнул дверь, вытолкнул Машку на лестницу, вышвырнул вслед за ней портфель. Последним в лестничный пролет вылетел платок и сам собой лег Машке на плечи.

Машка шла, глотая на ходу слезы, чувствуя, зная, что поступила абсолютно правильно, что иначе и нельзя было поступить. Слезы текли по ее щекам, но дышать с каждым шагом становилось легче. Пахло весной, и все крыши на ее пути плакали вместе с ней.

* * *

Химереньш исцарапал Ане все руки в кровь, не желая ни пить из соски, ни лежать спокойно в кувете. Аня и укачивала его, и песенки пела, а он все шипел и норовил долбануть ее хвостом с ядовитым жалом на конце.

На самом деле, Аня его вполне понимала. Сперва плановое кесарево, о котором никто его заранее не предупредил. Внезапный свет, шум, гам, холод, боль от прививок. И никакой нигде мамы! Тут любой вззоет и зашипит. «Бедненький, – думала Аня, – вот попал так попал! А дальше, глядишь, еще хуже будет. Кто их знает, что они там с вами делают? Небось опыты какие-нибудь ставят».

И Аня старалась, несмотря на жало и когти, почаще заходить к нему в бокс, доставать из куветы, разговаривать с ним, гладить, чесать за ушком. И похоже, малыш стал к ней привыкать. При звуках Аниного голоса он прекращал шипеть и начинал тихонько мурлыкать. Так тихо, что Аня и не была до конца уверена, мурлычет он или ей только кажется. Ну хоть не царапается и не шипит. Глазки у химереньша еще и не открылись. Аня все гадала, какого же они будут цвета.

– Не вздумай привязываться! – предупреждала Аню Юля. – Все равно его не сегодня завтра от нас заберут. Они ж все у Армии на учете, с первого официально подтвержденного узи.

Парень в форме лейтенанта, приехавший забирать у них малыша, оказался улыбчивым, симпатичным, с ямочками на щеках, короче, свой в доску.

– Ой, как он тебя! – сочувственно поцокал он языком. – Что ж ты ему когти-то не подрезала? Так и без глаз ведь остаться можно.

– Так не дается же!

– Не дается? Ну-ка, иди сюда, вояка! – Парень ловко подцепил малыша за шкурку. Полукотенок, полуптенец беспомощно повис в воздухе. – Вот так-то! У нас не забалуешь! Теперь стриги давай, а то как я с ним в дороге потом?

Осторожно, стараясь нигде не прихватить кожу, Аня укоротила кончики коготков.

– Ну вот, другое дело совсем! Сейчас мы тебя еще закутаем, чтоб ты у нас не замерз...

Теплый меховой конверт с завязками вокруг шеи вызвал такой взрыв возмущения и протеста, что Аня встревожилась.

– Он так не задушится?

– А я-то на что? Отслеживать буду, с рук не спущу. Если что, завязки ослаблю или по жопе, наоборот, надаю. Да ты не волнуйся! Небось он у меня не первый!

– А у меня первый, – застенчиво призналась Аня.

– Вон оно что! То-то я смотрю, ты с ним, как со стеклянным! На будущее знай – химеры эти в сто раз живучей котят! У кошек, говорят, девять жизней, а у этих вообще не пойми сколько. Клянусь тебе, сутки может в ведре плавать и не потонет. Три дня без еды и питья свободно проживет. Упадет если с высоты – на четыре лапы встанет, как кошка. А уж злющие! Когти – что, но ведь у них же через неделю зубы уже молочные пойдут! Это, я тебе скажу, вообще писец сразу! Все покусанные ходим. Не убережешься! Они ж злые, прыгучие! Зайдешь в вольер покормить – только успевай уворачиваться! На хвост мы им чехлы надеваем, там ведь яд, жахнет если по руке или по ноге – неделю отек не спадает и стероиды не помогут! Главное, никак к ним не подступиться. Вроде он и соображает уже что-то, а на контакт не идет. И так год целый, а то и все полтора. Моторика, как у обезьяны взрослой, а самоконтроля ноль. Говори с ними – не говори, учи не учи – все без толку.

– А как же вы...

– Так с ними ж армия воспитателей занимается! Логопеды, дефектологи, даже музо- и арт-терапевты. И хореограф специальный, они ж пластичные, сама понимаешь. Целая наука разработана. Историков подключили, старину всякую древнюю раскопали, как там с ними жрецы в храмах управлялись. Говорят, даже глиняные таблички с клинописью по складам разбирать пришлось. Потом все это как-то увязали с современными гуманными методами – и вуаля! – на выходе эти твари в два года уже говорят не хуже взрослых людей. Прямо сразу целыми фразами, да

такими еще заумными, что не разбери-поймешь. Короче, у нас там веселуха. Заканчивай школу и вербуйся к нам! Не пожалеешь! Нам такие, как ты, нужны.

– В смысле? Что значит такие?

– Красивые, в смысле. У нас же, сама понимаешь, военка. Парней в два раза больше, чем девок. Ты, кстати, в субботу что вечером делаешь? А то у меня увольнительная будет. Подъехал бы, погуляли б. Меня Костя, кстати, зовут.

– А меня Аня. Извини, Костя, но у меня парень есть.

– Вот так всегда! Ну ладно, спасибо этому дому, пойдём к другому. Пора нам с монстриком двигать. Ты как, Ань, не поцелуешь его на прощание?

Аня покачала головой.

– А меня? Да шучу, шучу! Ну, бывай, красивая! Глядишь, встретимся еще, погуляем! И про военку подумай. Я, между прочим, серьезно.

– Непременно, – пробормотала Аня, запирая за посетителем дверь изолированного бокса.

Через крохотный предбанничек она вернулась в послеродовое. Пора было развозить детей на кормежку.

Девчонки толпились у дверей палат, весело расхватывая своих малышей. Успевай только бирки проверять, чтоб не перепутать.

Раздав грудничков, Аня осторожно поскреблась в дверь последней в коридоре палаты.

– Ну как ты, Люда? Не болит у тебя ничего? А то, может, диклофенаку еще вколоть?

– Да нет, терпимо пока.

Девушка сидела на подоконнике, с тоской глядя вниз, на вычищенный от снега, подсыхающий на солнышке двор.

– Обед скоро будет, – не отставала Аня. – Рулет сегодня мясной обалденный, от одного запаха слюной захлебнешься! Давай я тебе из кухни кусочек попробовать принесу?

– Спасибо, не хочется. Я лучше потом, со всеми.

Как оно будет со всеми, Аня уже насмотрелась. Девчонки за столом без удержу трещали о своих малышах, а Люда сидела молча, уставившись в свою тарелку, изредка черпая из нее ложкой и через раз донося до рта. Потом вставала, не дожидаясь второго, и возвращалась в свою палату.

На Людином лице читалось не горе, а, скорее, грустное недоумение. «Как такое? Почему со мной?» Ответа она, впрочем, не ждала. Ее, конечно, предупредили, что ребенок маленький, плохо развивается. Готовили

осторожно к возможности неблагоприятного исхода. Но в семнадцать лет с трудом верится в возможность несчастья. Может, с кем-нибудь другим, не с тобой. Когда везли в каталке на кесарево – улыбалась: «Вот, скоро маленького увижу!»

Теперь Люду больше всего расстраивало, что так и не дали посмотреть.

– Понимаешь, Ань, – жаловалась она, – головой-то я понимаю – умер. Уродства, несовместимые с жизнью, – мне объяснили. Но сама-то я его мертвым не видела. И вот мне все время кажется, что где-то он, мальчик мой, жив, просто его мне не показывают. Прячут где-то и не показывают. Вот ведь глупость какая, Ань? Может, ко мне опять психиатра вызвать? Пусть он лекарство посильней какое-то даст. А то я от этих мыслей и вправду с ума сойду.

– Люд, психиатр же тебе сказал, что это совершенно нормально. Постепенно пройдет.

– Да когда ж оно уже пройдет, наконец?! Может, когда нового ребенка рожу? Как думаешь, Ань?

Аню страшно возмущало, что Люде никто не объяснил, что больше детей у нее никогда не будет. Все химеры рождались с помощью кесарева сечения, при этом роженицам, во избежание рецидивов, перевязывали трубы. Но Юлия возразила, что медику непозволительно руководствоваться «всякой лирикой». Исходить нужно из логики текущего момента.

– Подумай сама: зачем человека лишний раз расстраивать? Сейчас она хотя бы на что-то надеется. Надежда поможет ей пережить утрату. Если ей все сразу выложить, она ж тут у нас рёхнуться может! Ты «Клинику острого горя» учила? Ничего, потоскует немножко и придет в себя. Не она первая, не она последняя.

Вообще-то Ане здесь нравилось. Молодые мамочки, счастливо разглядывающие своих первенцев, – редко кто успевал родить двоих еще до окончания школы. Детишки, каждый из которых был чудом из чудес. Правда, в ожидании анестезиолога будущие мамы успевали иной раз досыта накричаться от боли, а новорожденные так и вообще плакали непрерывно – не успеет один замолчать, как другой принимается вопить. Но в целом все это как-то не напрягало, даже иногда веселило. Нормальная жизнь, чего там.

Основной Аниной задачей считалась первичная обработка новорожденных. Хотя, конечно, она крутилась то здесь, то там, у всех без исключения на побегушках. Новенькая, куда ж деваться.

Ее обычно вызывали в родзал на последних потугах. Акушерка

передавала ей ребенка, и Аня быстро уносила его в соседнюю комнату на обработку. Там она внимательно осматривала малыша и, если отклонений не находилось, взвешивала его, измеряла, купала, капала ему в глазки альбucid и делала первые прививки. После чего чистого и спеленутого младенца торжественно выносили к маме для первого знакомства. Акушерка передавала его роженице и помогала приложить к груди.

Если у ребенка обнаруживались отклонения, Аня вызывала дежурного врача. За время, что она здесь работала, ей пришлось это сделать трижды. В первый раз у ребенка был синдром Дауна, во второй младенец напрочь отказывался дышать, и Аня до прихода врача исправно качала его амбушкой, за что была удостоена благодарности и всячески обласкана: «Молодчина! Не растерялась!» Аню, впрочем, не столько благодарность интересовала, сколько результат. Ребенок выжил, вот что было самое главное.

В третий раз она углядела на спине новорожденного зачатки крыльев, и его срочно, ни слова не сказав матери, унесли в хирургию. Операция прошла успешно, и через неделю здоровую детку вернули маме, которой наплели страшных сказок про спинномозговую грыжу, дескать, нельзя было терять ни минуты. Аня иногда встречала эту маму с коляской. Ребенок выглядел абсолютно нормально. Может, Юрка тогда все преувеличил?

Не считая этих трех случаев да плюс химереныша, о котором к тому же все было известно заранее, ничто не омрачало Аниной жизни. Впервые с начала учебы Аня чувствовала себя на своем месте. Здесь она могла помогать ближним с чистой душой, не ощущая себя предательницей и подсадной уткой. Это Ерофеев ей однажды сказал. «Ты, Анька, как подсадная утка. Заводишь их в кабинет, улыбаешься. Заходите, ничего вам не будет. А они верят тебе и не боятся».

Они с Сашкой по очереди караулили Машку по вечерам у входа в общагу. Но то она им не попадалась, то спешила куда-нибудь, короче, поговорить толком и не удавалось. А время, между прочим, шло и начинало уже поджимать.

* * *

С вечера у Лерки ныла спина. И вчера тоже ныла, и позавчера. Всю последнюю неделю, почти не переставая. А с утра сегодня вдруг отпустило. Лерка открыла глаза, обвела взглядом комнату. Серые, в

розовый цветочек обои. Потолок с протечкой в правом углу. Закоптившийся кафель над плитой. Груда одежды на кресле. Как так можно жить? Как она докатилась до такого? Немыслимо! Невозможно!

Она вскочила, ощутив неожиданный прилив сил. Дышалось не в пример легче, чем в предыдущие дни. Живот не давил больше на ребра. Разумеется, Лерка понимала, что это всего лишь краткая передышка, к вечеру ноги опять отекут, станет тяжело двигаться, навалится чугунной лапой усталость. Но эти несколько часов необходимо было как-то использовать. Шкафы разобрать, полки протереть, пол вымыть, да хоть плитку привести в порядок. Не мешало бы, конечно, если еще останется время, обои сменить, потолок побелить и девять розовых кустов посадить, но это уж как получится.

Лерка раскрыла шкаф и решительно сбросила все вниз с верхней полки. Какие-то шали, шарфики, Сережкин помятый галстук. Всякая дрянь, что никогда не носится, а лишь захламляет в шкафу пространство. На фиг! Где большой мешок? На помойку!

Последним с полки скатилось что-то маленькое, железное. С трудом Лерка наклонилась и подняла. Господи, а он-то как здесь оказался? Маленький самодельный волчок. Ажурная шестеренка на металлическом стержне. Опустилась на колени и крутанула. На глаза навернулись слезы. Волчок завертелся, на миг почти скрывшись с глаз и став похожим на облачко. Потом, по мере замедления движения, сделались различимы очертания вращающегося диска, начали проступать многочисленные переплетения соединенных друг с другом окружностей, блеснули острые зубчики. Лерка в который раз уже подивилась потрясающей красоте узора. А это ведь была деталь, в которой каждая загогулинка была для чего-нибудь предназначена, каждый шпенек был не просто, а чтоб за что-то цепляться! Наконец волчок плавно качнулся несколько раз и упал набок. Вот и все. Не так уж долго вертелся, всего каких-то пару минут. Может, она недостаточно резко его крутанула? Или пол у них в квартире неровный?

Попробовать еще раз? Когда-то она часами могла следить за его кружением, ее прям-таки завораживало, отвлекая от грустных мыслей и настраивая на философский лад.

* * *

В тот день шел дождь. В сентябре вообще часто идут дожди, так что ничего удивительного. На ней была красно-рыжая куртка, насыщенного

кирпичного цвета, мама сама эту материю в магазине выбирала. «Чтоб тебя видно было издалека, за несколько километров, и вообще тебе идет этот цвет». Куртка была толстая, теплая, мама не пожалела для нее синтепона. Лерке казалось, что она в этой куртке не девочка, а какая-то раздутая бочка. Но мама сказала: «Не спорь! Холодно и дождик». Застегнула молнию до самого верха, так что даже щипнула Лерку за подбородок. Лерка удержалась и не вскрикнула. Мама и так уже была грустная, зачем ее еще дополнительно расстраивать? Всю ночь проплакала: «Для чего мне жить-то теперь! Ничего-то у меня теперь не осталось!» Лерка ее, как маленькую, утешала: «Не плачь! Каникулы будут! Я к тебе скоро-скоро приеду!» А мама только всхлипнула и сказала непонятно: «Каникулы, Лерка, это как хвост по частям». Но плакать все-таки перестала.

На перроне они с мамой обнялись в последний раз. Мама сунула ей в руку яблоко, и Лерка села в автобус. Мама ей помахала, повернулась и пошла в переход. Обратный поезд отходил через пятнадцать минут, следующий только завтра утром. Не ночевать же ей здесь! Лерка проводила ее взглядом и, только убедившись, что мама совсем скрылась с глаз, дала волю слезам. Заревела навзрыд! Ревела и кусала яблоко. Слезы градом лились по щекам, и яблоко от них делалось соленым.

– Не плачь! – сказала сидевшая сзади черноволосая девочка. – Так ведь даже интересно! Сейчас мы немножко поживем в школе, потом вернемся домой и немножко там поживем, потом опять чуть-чуть в школе и снова капельку дома. И так мы нигде не успеем соскучиться!

Девочка явно повторяла чьи-то слова.

– Дура! – сказала Лерка сквозь слезы, не оборачиваясь. – Теперь мы всегда будем жить в школе и только иногда чуть-чуть дома. Тебе не ясно, что ли?

– Ну-у, – протянула девочка. – Вообще, время – понятие растяжимое. Иногда неделя пробегает быстро, а миг какой-нибудь тянется долго-предолго. Иногда наоборот. Так папа мой говорит. Он у меня ученый, он знает! А твой папа кто?

У Лерки папы не было вообще. Ну то есть был у мамки в школьные годы хахаль какой-то, от которого у ней Лерка, но это ж все когда было. Со школы от него ни слуху ни духу.

– Ничего твой папа не знает! И вообще, он тебе все наврал!

Лерке хотелось обернуться и вцепиться девчонке в волосы, но она старалась сдерживаться изо всех сил. Она же обещала маме, что будет вести себя хорошо, хотя бы вначале. И будет! Сколько бы мерзких девок не сидело у нее за спиной. Потому что «нельзя в первый же день портить о

себе впечатление».

– Не реви, – сказал сидящий рядом с ней аккуратно подстриженный рыженький мальчик в телогрейке. Такие телогрейки раздавало нуждающимся общество взаимопомощи. Телогрейка на мальчике была чистая, зеленая и с заплаткой, а сам он какой-то уютный, излучающий спокойствие. Точно его не из дому увозят, а в гости к друзьям пригласили. – Не реви. Смотри лучше, что у меня есть! Я его сам сделал!

И мальчик вынул из кармана волчок. Этот самый, на стерженьке с шестеренкой.

– Он знаешь сколько крутиться может? Час целый, а то и больше! Его только на ровное место поставить надо. Вот приедем, я тебе покажу. А хочешь, бери его насовсем. Бери, бери, я себе еще сделаю. Только не плачь больше.

– Ой, а можно мне посмотреть? – потянулась к игрушке рука девочки с заднего сиденья. – Я только на одну минуточку, хорошо? – И, не дожидаясь ответа, цапнула с мальчиковой ладони Леркин волчок.

– Отдай! – взвизгнула на весь автобус Лерка, развернулась и вцепилась обидчице в лицо ногтями. – Вот тебе! Вот тебе! Не тронь чужого! Не тронь! Я твоего не беру, и ты моего не хватай!

С трудом воспиталке удалось их разнять. Остальные повскакивали со своих мест, полезли втроем, впятером на одно сиденье с ногами. Не упускать же такое зрелище!

– А пусть она не цапает моего! – вопила Лерка, зыря на всех побелевшими от гнева глазами, зажав в кулаке отвоеванное добро. Она так крепко сжала кулак, что острая шестеренка глубоко врезалась в кожу. Но Лерка терпела и не разжимала пальцев.

– Я ж только на минуточку хотела, – всхлипывала черноволосая девочка, стирая кровь с щеки глаженным платочком. – Только посмотреть. А она сразу!

– Обе хороши, – сказала воспиталка. – И это в первый же день! Взрослые люди. Почти уже десять лет. В среднюю школу едете учиться. А ведете себя как в детском саду!

– Так, что тут у нас? – В автобус заглянул какой-то мужчина. – Драка? Ну ясно, возбудились, перенервничали. Надо же пар как-то выпускать. А ну, сели все по местам! – гаркнул он басом на весь салон. – Вы мне это дело бросьте! Еще один звук, и вы мне спать сегодня пойдете без ужина! Тут вам не дома, миндальничать с вами некому.

Он подождал, пока все уселись, и вдруг спросил:

– Песни знаете какие-нибудь?

– Знаем, знаем!

– «Как весною хлынут воды» в школе учили?

– Учили!

– Ну вот и запевайте. И чтоб всю дорогу из вашего автобуса одна только эта песня!

Обвел взглядом притихших ребят, зыркнул строго на воспитательницу и спрыгнул с подножки. Двери за ним закрылись, автобус тронулся. Воспиталка дрожащим голосом завела:

– Как весною хлынут воды, как потоком понесет, сразу все в душе играет, сразу все в душе поет...

– Понесет потоком льдины, зажурчат кругом ручьи, стоят снежные вершины, оживут мечты мои, – подхватил автобус нестройным хором.

Лерка осторожно опустила волчок в карман и шепнула мальчику жарко в самое ухо:

– А хочешь, я тебе свое яблоко дам? Ничего, что я его уже наполовину съела?

– Ничего, – сказал мальчик. – Давай. А то я сегодня позавтракать не успел. Мы с мамкой тихонько-тихонько ушли. Чтоб отца не будить, а то он после ночной смены.

– Вы чего не поете? – обернулась к ним воспитательница. Не Дуся, другая какая-то. Она у них потом не работала. – Вы пойте, пойте. Особенно ты, девочка, пой.

* * *

Воды отошли, когда Лерка мыла пол. Очень удобно получилось, тряпка-то уже под рукой.

Лерка не испугалась. На курсах им объяснили, как все бывает. Завершив уборку, она вылила воду в унитаз и начала собираться. Тапочки, халат, все новое, с бирками, как велели на курсах. Халат был тесноват, пуговицы на животе не застегивались. Ничего, после родов наверняка впору будет. Бутылка с питьевой водой. Пара глянцевого журналов – нечитанных еще, в пластиковой упаковке. Прокладки, лифчики для кормления – двух, наверное, должно хватить? Флакончик с розмариновым маслом.

Кого только не привозили к ним на занятия по подготовке к родам! Психолога, консультанта по грудному вскармливанию, постановщицу восточных танцев, уверявшую, что любое состояние души и жизненное

событие можно протанцевать. Художницу – с ней они расписывали животы легкосмываемыми, безвредными красками (у Лерки где-то в телефоне хранилась фотка). Травницу, которая весь вечер гоняла с ними чай. Забавную старушку в очках, специалиста по голосовым практикам, учившую их правильно кричать.

В день, когда Лерка впервые заставила себя прийти после... ну, словом, после того как она осталась одна, гвоздем программы была ароматерапевт. Пожилая тетка в пестром, цветастом платье, от одного взгляда на которое у прежней Лерки руки бы зачесались от желания перекрыть. Теперешняя же лишь передернула плечами.

Сидя на своем мячике в уголке, Лерка совсем не вникала в происходящее. На сегодня у нее была программа минимум: выволочь себя из дому на поводочке. На курсы так на курсы. Потому что нельзя же так, в конце-то концов. Программа реализовалась успешно, и Лерка собой втихомолку гордилась. Потому что даже находиться в помещении с другими людьми для нее сейчас было пыткой. С трудом она досидела до перерыва и не ушла сразу лишь потому, что не хотела к себе привлекать внимания.

Девицы, устроившись на матах, хихикая, поочередно пытались выполнить какое-то абсолютно нереальное упражнение, показанное им на одном из недавних, пропущенных Леркой занятий. Что-то типа «коснитесь левой пяткой правой груди». Ни у кого не выходило, но никого это абсолютно не огорчало. После каждой неудачной попытки девицы с хохотом валились на маты, выли от восторга и болтали в воздухе ногами.

Счастливые беременные debilки! Невозможно поверить, что Лерка и сама недавно была точно такой же, всего пару недель назад. Сейчас она чувствовала себя, словно по другую сторону стекла от них. Горло то и дело сдавливало железной лапой, так, что дышать становилось невозможно. Ну почему, почему Сережка так поступил?! Это было необъяснимо. По ночам, во сне, Лерка пыталась его расспрашивать. Но даже во сне он не отвечал. Отмалчивался или переводил разговор на другое.

– У тебя что-нибудь случилось? – Ароматерапевт ласково потрепала Лерку по волосам. У Лерки от этого прикосновения каждый волосок на затылке встал дыбом. Но она смолчала. Молчать потому что было легче, чем говорить. – Не хочешь – не говори. На, понюхай.

Терапевтша капнула Лерке чем-то на сгиб руки. Запах был незнакомый, резкий. Но он странным образом успокаивал, утешал.

– Что это? – Лерка уставилась на тетку во все глаза. Обычная тетка, пожилая, лет пятьдесят. В положительно невозможном платье!

– Розмарин. Что, полегче стало? Он такой! Забирай тогда себе весь пузырек. Бери, бери, не стесняйся. Думаю, он еще тебе пригодится.

– Спасибо!

Осторожно открутив крышку, Лерка капнула маслом на кончик пальца и растерла по крыльям носа. Вдохнула глубоко, словно затянулась. Запах и в самом деле помогал! Он заглушал боль, прогонял прочь грустные мысли, настраивал на позитивный лад. Чудеса!

Лерка тщательно закупорила пузырек. Как бы его не разлить или не раздавить ненароком. Стекло ведь такое хрупкое! И улыбнулась тетке неуверенной, кривоватой улыбкой.

Женщина с готовностью заулыбалась в ответ.

– Жалко, у нас мало времени. К концу занятий за мной приедет машина. А то б я тебе составила индивидуальную композицию. Но для этого сперва нужно поговорить, познакомиться.

– Да, жалко. Если б было время, я б вам платье скроила. Какое-нибудь вот такое.

На вырванном из блокнота листке Лерка быстро набросала фасон.

– Темно-коричневое или терракотовое. Вам бы пошло, я уверена!

– В самом деле? – Женщина удивленно склонилась над рисунком. – Никогда ничего подобного не носила...

– Ну и зря! А это платье больше не надевайте! Совсем не ваш стиль.

* * *

Поначалу боли не было почти никакой. С той, что была, Лерка легко справлялась с помощью розмарина. Изредка в палату забегала Юля. Восхищалась, какая Лерка молодец, проверяла, как продвигаются дела, и бежала дальше.

Пару раз заскочила Аня. Наговорила ласковых слов, принесла сладкого льду пососать. Советовала спать между схватками, если удастся, чтобы не вымотаться, ночь-то предстоит долгая. Лерка пыталась дремать, но схватки ее все время будили.

По-настоящему больно стало только ближе к ночи. Розмарин больше не помогал. В какой-то момент Лерке даже показалось, что она не выдержит. Если следующая схватка окажется хоть чуть сильнее предыдущей...

Ну почему, почему с нею нет Сережки?! Именно сейчас, когда он так ей необходим! Когда ей так больно и плохо?! Почему она осталась одна?!

Лерка зажмурилась, чувствуя, как боль опять накатывает на нее волной, опрокидывает, побеждает... И тут что-то завертелось перед ее глазами. Что-то маленькое, блестящее, едва различимое.

– Смотри на волчок, Лерка! Не реви, смотри на волчок! – сказал в самое ухо Сережкин голос.

Бесконечное вращенье волчка завораживало, затягивало. Лерка смотрела на него, не отрываясь, даже боли не удавалось отвлечь ее от этого созерцания. И как ей самой-то в голову не пришло? Всего-то и нужно было, что закрыть глаза. Она так и пролежала, с закрытыми глазами, постанывая, пока не пришла Юля и очередная проверка не показала, что уже можно тужиться.

Ребенок выскользнул из Лерки легко, без особых усилий, выплыл, прямо как рыбка. «Девочка!» – крикнула Аня, унося пищащий комок в соседнюю комнату. «Я знаю!» – весело откликнулась Лерка и стала ждать, когда малышку вымоют, взвесят и принесут к ней обратно.

* * *

Крылья! Полноценно развитые, соразмерные детскому тельцу, превращающие пухленькую девочку в херувима. Аня еще ни разу не видела ничего подобного, кроме как в учебнике на картинке. У предыдущего, переданного ею в хирургию младенца на спине были лишь слабые зачатки, которым только предстояло развиваться. А эта... Она была совершенством. Влажные кудряшки золотистым венчиком вились вокруг головы.

Аня осторожно положила маленькое, скользкое от крови и смазки тельце на весы, вписала аккуратным почерком в соответствующую графу: «Два семьсот двадцать». Наполнила ванночку водой. Локтем попробовала температуру. Набрала в шприц витамин К. Любое из этих привычных действий давало ей законное основание для еще одной, крошечной отсрочки.

Но Аня не обманывала себя. Конец все равно предстоял один. Как она ни откладывает, рано или поздно ей придется вызвать врача и... Невозможно себе представить, что это чудное, совершенное существо искромсают, изувечат руки хирургов!

– Ань, покажи мне ее! – услышала она неожиданно голос Сергея. Голос звучал так ясно, что Аня решила – он стоит у нее за спиной.

Видимо, Сергей это понял.

– Не оборачивайся, никого там нет, – сказал он, явно с трудом

сдерживая смех. – Ты слышишь меня у себя в голове. Это называется ментальная связь. И не говори ничего. Просто возьми ее на руки и поверти. Я увижу ее твоими глазами.

Осторожно придерживая головку, Аня сняла девочку с весов и перевернула. Ребенок сжал кулачки и шевельнул сложенными крыльями, словно делая попытку их развернуть.

– Та-ак, – протянул Сергей. – Ясно. Скажи, а ты можешь ее пока спрятать? Ненадолго. Всего на два-три часа. Я приеду, я ее заберу. Не знаю как, но приеду.

– Хорошо, – ответила Аня, изумляясь собственной решимости в голосе. – Я попробую. Не знаю как, но попробую. Но тебе надо спешить.

Запеленав малышку, плотно сложив крылья одно на другое и крепко-накрепко прижав их к спине, чтобы они нигде не торчали, Аня вынесла ребенка в родзал.

– Я ненадолго, я только хочу показать ее маме, – пояснила она изумленно воззрившейся на них Юле, которая, разумеется, знала, что именно она приняла. – Мы ведь с ней в одном классе учились. А потом нам придется вызвать врача.

– Врача? – испугалась Лерка. – Зачем врача? С ней... с Верочкой моей что-нибудь не так?

– Да, есть кое-какие проблемки. – Уж что-что, а вести себя как можно естественней в самых противоестественных ситуациях Аня за эти полгода научилась. – Пару дней ей придется провести в хирургии.

* * *

Сергей выбежал на балкон, встал на бортик и развернул крылья. Внизу, по противоположной стороне улицы, шли две химеры, мирно помахивая хвостами с ядовитым жалом на конце. Неожиданно одна из них остановилась и толкнула плечом другую. Обе дружно задрали головы и крикнули Сергею, грассируя и слегка картавя:

– Поздравляем! Удачи!

– Спасибо!

Он помахал им рукой.

Правитель ждал его на ступенях дворца с паспортом и теплым плащом в руках.

– Это дипломатический паспорт. С ним тебя нигде не посмеют задержать. Плащ запахни плотнее, по договору никто не должен заметить

крыльев. Ведь по официальной версии вашего правительства людей с крыльями не существует, есть лишь недолеченные калеки. Если сумеешь забрать ребенка, в аэропорту тебя будут ждать ее документы. Снегирева Вера Сергеевна, так?

– А Лерка?!

– Тут я тебе ничем не могу помочь. Мы предоставляем политическое убежище только антропоморфам. Существует международное соглашение...

– Но Лерка ведь моя жена!

– Сережа, извини, что напоминаю, но по законам страны, где ты родился, ты все еще несовершеннолетний и жениться не имеешь права. Поэтому с точки зрения закона она тебе никто.

– Черт бы побрал всякие законы! А здесь я с какого возраста совершеннолетний?

– С момента, когда начнешь отвечать за свои поступки. Возраст тут ни при чем. С некоторыми этого вообще никогда не происходит. Спеши! Самолет ждет тебя на взлетной полосе. Через час ты будешь у вас. И прошу тебя, будь осторожен!

Сергей выбежал из дворца, и тут же рядом с ним затормозила машина. Шофер-химера распахнул дверь.

– Запрыгивай! Самая быстрая колымага в округе. Пять минут – мы там. А то пока ты еще на своих двоих, к тому же и ветер сегодня встречный.

– Но откуда вы...

– Малыш, да ты сейчас думаешь на весь квартал!

* * *

Крепко прижимая к груди младенца, Аня сидела в подвальном этаже, запершись в туалете стерилизационного отделения, и молилась о том, чтобы ребенок не вздумал заплакать. Она была уверена, что их сейчас ищет вся больница. С момента родов прошло уже два с половиной часа.

– Аня, я здесь! – раздался в ее голове голос Сергея. – Вынеси ее к черному ходу, хорошо? Ну, где мусорные баки.

– Попробую.

Аня накинула на плечи телогрейку, спрятав под ней драгоценный сверток, и, крадучись, по стеночкам, выбралась наружу. Сергей ждал ее на крыльце, закутавшись в плащ и низко надвинув на лицо капюшон. Аня

осторожно переложила девочку в протянутые руки отца.

– Вот памперсы, вот бутылочка с молоком. Сережка, но как же ты...

– Так-так-так. И что ж это у нас происходит?

Оба испуганно обернулись. На крыльце, подбоченившись, стояла Юля и насмешливо смотрела на них.

* * *

Вокруг была ночь. На медленно бледнеющем небе сверкали луна и мелкие звезды. Большинство людей спали. Поэтому ругались они вполголоса.

– Ну, ребята, такого у нас еще не было! С ума вы, что ли, оба сошли?!

– Юль, понимаешь...

– Да я-то все понимаю, но понимаешь ли?! Это же подсудное дело, украсть ребенка! Ты чем думала-то вообще?!

– Юль, честно? Я не думала. Некогда было думать. Я действовала.

– Девчат, ну я пошел, хорошо? Вы уж как-нибудь одни, без меня доругайтесь. А нам с Верочкой пора.

– Куда?! А ну, стой! Хочешь, чтобы я вызвала охрану? У меня, между прочим, тревожная кнопка в кармане. И если я до сих пор еще ее не нажала, то лишь потому, что вас, салаг глупых, несмышленных...

Сергей сделал шаг назад, и в руке его блеснул не то нож, не то другой какой колюще-режущий инструмент. Ясно стало, что ни свою, ни дочкину свободу он за так не отдаст.

– Ой, ну ты совсем сумасшедший! Ань, у вас в классе все такие? Вот скажи, куда ты, интересно, с ней денешься? На первом же милицейском посту...

Вместо ответа Сергей помахал перед Юлиным носом дипломатическим паспортом.

– Хм... Ты что, прямо сейчас оттуда?! Ну ни фиги себе! Впервые вижу кого-то оттуда! И ты что, хочешь взять ее с собой... туда?!

– А что, есть варианты? Я имею в виду, не связанные с членовредительством?

– Но там же у вас ничего нет, я читала! Ни институтов, ни школ. Ни детсадов, ни домов малютки. Каменный век. Каждый сам управляет как может. И вот как ты один, без чьей-либо помощи, с грудным ребенком... Представить себе не могу!

– Да ты вообще себе представить не можешь, как оно у нас там! Не

волнуйся, как-нибудь уж разберусь. Не здесь же ее оставлять.

Юля вздохнула.

– В чем-то ты прав. Не вообще, конечно, но касательно конкретного пациента... Я ведь, салаги, и сама, знаете, сомневаюсь, что наши здесь с таким справятся... Слишком сложная потребует операция. Но в другом случае я б с вами поспорила. Все-таки у нас тут прогресс, наука, развитое общество. Подумаешь, неделя в хирургическом отделении или даже три года на больничной койке. Зато потом сколько возможностей открывается!

– Вот только мало кто ими пользуется почему-то.

– Ну это уже другой разговор. Вопрос личного выбора, так сказать.

– Ага. И вот мой личный выбор в том, чтоб ни ребенка моего, ни меня не калечили.

– погоди, а ты-то здесь при чем?

У Ани перехватило дыхание. Как бы высоко она не ценила Юлю, довериться ей настолько было опасно.

Но Сергей, поколебавшись, все-таки распахнул на мгновение плащ. Лишь на мгновение, но Ане и Юле хватило. Никакие картинки, никакие иллюстрации из учебника не подготовили их к тому, что они увидели. Полностью развившиеся, натренированные вольными полетами крылья были великолепны. Они чуть оттягивали спину назад, придавая спокойную гордость осанке, делая по-мальчишески щуплую фигурку Сергея величественно-прекрасной. Завершали впечатление золотистые кудри. Хорошо, что это длилось всего мгновение. Еще чуть-чуть, и они бы обе в него влюбились.

Сережка запахнул плащ и накинул на голову капюшон.

– Ух ты! – Юля хлопнула себя по лбу. – Ну вот теперь я все поняла! А то все гадала, как она у вас уродилась такая, что хоть сейчас ее подбрось – полетит? Мать-то вроде абсолютно нормальная. Так, получается, ты ее в начале метаморфоза зачал? Ну даешь! Теперь мне все стало ясно.

Юля сияла, словно выиграла неожиданный приз.

– Окей. Считай, что вы меня убедили. Забирай своего детеныша и вали отсюда на все четыре. Желательно только не через КПП.

– Насчет этого можешь быть спокойна! – Сергей продемонстрировал любимый чудо-резак, способный при необходимости стать грозным оружием. – С ним у меня дверь везде, где я захочу.

Аня думала, что, добившись своего, Сергей сразу же уйдет, и прикидывала, как бы ей половчее подсунуть ему заранее заготовленную записку.

Но Сергей почему-то медлил.

– Ну? Чего тебе еще от меня надо?

– Скажи, а можно мне Лерку повидать? На одну секундочку только? Так-то она, конечно, все время у меня перед глазами стоит, но вживую-то ведь совсем другое.

Юля задумалась.

– Рискованно это. По мне, так лучше б тебе исчезнуть отсюда как можно скорее. Ладно, но только на одну минуту. И поговорить не получится, не надейся. Спит она. Мы тут ее наркотой накачали.

– Это ничего. Мне лишь бы прикоснуться.

Юля сдалась и накинула на Сергея халат прямо поверх плаща.

* * *

Лерка спала. Измученная, красивая как никогда. Или просто он забыл, какая она на самом деле?

Сергей склонился к ней и поцеловал. Лерка, приоткрыв глаза, ответила сонно на поцелуй, прошептала: «Сережка» – и опять провалилась в сон. Наверняка была уверена, что он ей просто снится.

– Лерка, – пробормотал Сергей, понимая, что даже если она и слышит его, то потом, скорее всего, забудет. – Лерочка, ты только, главное, не волнуйся. И не верь ничему, что бы они тебе ни сказали. Я просто ее к себе забрал, нашу маленькую. По-другому не выходило. С ней все будет хорошо, обещаю. Может, потом когда-нибудь и ты с нами будешь.

* * *

Сергей ушел, бережно унося под плащом драгоценную ношу. Аня сидела у Леркиной кровати, дожидаясь, пока она проснется и можно будет ее покормить и осторожно изложить ей официальную версию событий. Как и следовало ожидать, Юля оформила девочку мертворожденной.

Однако врать Ане не пришлось. Потому что, едва открыв глаза, Лерка быстро-быстро заговорила сама:

– Верочка моя умерла, да? Не отвечай, я знаю. Ко мне Сережка приходил во сне. Сказал, что забирает ее к себе. Туда, где ей будет хорошо. Сказал, он там о ней позаботится. Они теперь, наверное, оба ангелы. Потому что во сне у них были крылья. Сережка сказал, когда-нибудь и я к ним приду. Ань, да не смотри ты на меня так! Ты, наверное, думаешь, я

пьяная от наркоза и поэтому чушь несу, да? Вовсе нет, я все понимаю. Ангелов не бывает, да и вообще. Просто мне от этого легче. Ты, Ань, пока молчи, не говори ничего, молчи, ладно? Я поем и еще немного посплю. Ужасно не хочется просыпаться.

* * *

В автобусе к Сергею пристали два подвыпивших мента. Один постарше, уже со звездочкой, а другой, похоже, школьник еще, стажер милицейской службы.

– Пацан, а тебе сколько лет? Чего ты там ховаешь за пазухой?

Сергей, привычным уже жестом, вынул из кармана паспорт. Старший сразу потерял к нему интерес, но младший, похоже, не въехал и продолжал хватать Сергея за рукав и громогласно требовать «вытащить, чего там у тебя». На них стали оборачиваться пассажиры. Тогда, брезгливо стряхивая с себя чужие липкие пальцы, Сергей громким шепотом спросил, ни к кому конкретно не обращаясь: «Вам что, в самом деле надо, чтобы я снял плащ у всех на глазах?» Старший мент выругался, заломил меньшому за спину руку и уволок его, несмотря на протесты, в противоположный конец салона.

В самолете Сергей нашел в кармане записку от Аньки. Наверняка сунула, когда он от Лерки выходил, ничего от слез не видя, не слыша. Записка была короткая, впрочем, Анькины послания всегда отличались лаконичностью. Она даже шпоры на контрольных по математике писала сокращенно. Вырвет из середины два-три самых сложных действия, остальное сам, дескать, сообрази. «Серый, нужна помощь. Свяжись, как умеешь, со мной или с Е.».

Сергей пообещал себе, как только, так сразу. Неужто это и впрямь возможно, разговаривать мысленно когда угодно и с кем захочешь? Раньше-то он ни с кем, кроме ближайших соседей и Лерки, не пробовал. Но вот же с Анькой с первого раза запросто получилось. Вроде она даже и не особенно удивилась. Ерофеев, значит, еще меньше удивится. Он такой, Ерофеев, его трудно чем-нибудь удивить.

В аэропорту их встречал Правитель, кентавр Иннокентий и его жена, недавно опять ставшая матерью. Кудрявый кентавреночек, с лицом любознательного двухлетки, нарезал круги по аэродрому, восторженно лягая воздух копытами, время от времени подбегая к матери за очередной порцией молока.

– Мы тут подумали, что тебе пригодится кормилица. Ну и помощь какая-никакая в первое время.

– Спасибо! А ничего, что она человек?

– Да какая разница?! Ребенок есть ребенок. По мне, все они одинаковые.

– Ну вот что ты такое говоришь?! – Кентавриха возмущенно топнула копытом. – Какие же они одинаковые?! Сергей, не слушай его! Твоя дочка – замечательная красавица!

– Правда? – Сергей неуверенно всмотрелся в сморщенное красное личико. До сих пор у него и времени не было особо разглядывать. – Вы думаете?

– В жизни не видела девочки красивее! – заверила его кентавресса. – Лапушка моя! Сереж, можно мне ее поддержать?

* * *

– В примитивном обществе люди жили, как пауки в банке. Каждый норовил вскарабкаться вверх по спинам других. Сильные затапывали слабых либо использовали их слабости на благо себе, чтобы возвыситься за их счет. Происходила постоянная борьба, как в джунглях, либо тебя, либо ты, других вариантов не было. Существовавшие традиции и законы были лишь видимостью, по сути дела помогая сильным возвыситься и подводя юридическое обоснование под угнетение слабых. Даже такие чувства, как любовь, жалость или сострадание, существовали лишь в контексте того, какую в конечном счете из этого можно извлечь выгоду. То есть поддавшийся благу порыву сильный и влиятельный человек всегда держал в голове, так сказать на уровне подсознания, мысль, как он этого спасенного после использует. Да и сам спасенный, если не дурак, как правило, нисколько не обольщался насчет истинной подоплеки поступков спасителя. И так люди существовали веками, пока какой-либо природный катаклизм, например ураган, засуха или эпидемия, не вынуждал всех объединиться и действовать сообща.

– То есть, чтобы люди стали вести себя по-человечески, нужно, чтоб стряслась какая-нибудь беда? А наоборот не бывает? Ну типа подряд несколько урожайных лет, всюду полное изобилие, всем всего хватает, никто ни к кому не лезет, никому не завидует, все довольны и счастливы?

– Как это ни печально, голубчик, но нет. Хотя развитию ремесел, сельского хозяйства, искусства и науки изобилие, несомненно,

способствовало. Что же до культуры человеческих отношений, то потребовались сотни и тысячи лет, чтобы человек...

Машка отвлеклась, задумавшись о своем. Сегодня она нашла в кармане пальто стихи:

Ты – море. Мне нужно лишь добежать до кромки воды.
Ты – лес. Но тропа к тебе заросла травой.
Ты – вершина, которую мне предстоит покорить.
Я стою у подножья, с задранной головою.
Все маячишь перед глазами – утро, вечер ли, день ли, ночь.
Но, похоже, я до тебя доберусь едва ли.
Ты – воздушный шарик, летящий куда-то прочь.
И его уже не поймать, ведь ниточку оборвали.

До этого были эсэмэски и записки с бесконечными просьбами встретиться, поговорить, во всем наконец разобраться. Звонки, на которые Машка не отвечала. Но стихи! Похоже, он дошел окончательно до ручки. Во взглядах, которыми Максим провожал Машку в коридоре, сквозило отчаяние.

Машка и рада была ему помочь, да не знала как. На месте былых чувств в ней теперь зияла пустота. Машка и не представляла себе, что так может быть. Куда же оно все делось? Столько всего было, и все словно вихрем из нее выдуло. Притворяться она не умела. Да у нее бы и не получилось. Что делать с чужой любовью, ставшей вдруг обременительной и ненужной?

Машка чувствовала себя запертой в ловушке, расставленной самой на себя. Она же об этом просила у Бога! А он всего лишь ответил на ее молитву. И куда ей теперь деваться с этим его подарком? Это ведь не пупс, которого можно отдать девочкам во дворе. Не собака, которую, уезжая, оставляешь на родителей.

Этика кончилась. Машка привычным жестом сгребла вещи с парты в портфель и рванула за всеми, стараясь поскорей затеряться в толпе одноклассников.

Кто-то схватил ее за рукав. Нет, ну Макс уже решительно спятил!

Обернувшись, Машка увидела Ерофеева. От сердца у нее отлегло. Она сделала попытку высвободиться.

– Саш, ну чего тебе? Я спешу.

– Не торопись, а то успеешь.

Из кабинета напротив вышел Максим и во все глаза уставился на них. Ясно было, что он думает: «Ну вот и разгадка, она променяла меня на одноклассника». Черт, как бы он еще не начал гнобить Ерофеева на обществоведении! Впервые Машка подумала о Максиме без малейшей вины или сочувствия.

– Ерофеев, ну чего тебе? Я на историю искусства опаздываю.

– А я вообще из-за тебя на матанализ забил. Пошли, не здесь же говорить будем.

– Да куда я с тобой не пойду! С какой стати мне прогуливать?

– Да потому, что это важно очень! Маш, кончай выдрючиваться. Скажи лучше, у тебя спина чешется?

– Что?! Да при чем тут... Постой, откуда ты знаешь?!

Между лопатками уже дней пять зудело невыносимо. Не как раньше, когда ощущения были слабыми, сродни щекотке. Теперь Машка часто ловила себя на том, что выискивает глазами деревья и выступающие углы, чтобы к ним прислониться и как-нибудь незаметно об них потереться. Пару дней назад ей почудилось, что она нащупала в этом месте, под лопатками, два еле заметных бугорка. С тех пор Машка то и дело касалась спины и гнала от себя навязчивые мысли о неизлечимой болезни, опухолях, метастазах. Хотя ничего там, конечно, не было и быть не могло. Ей просто показалось.

Ерофеев, однако, не слушая слабых Машкиных возражений и не выпуская из рук рукава, решительно потащил ее за собой. Ей ничего не оставалось, как подчиниться. Она лишь успела улыбнуться Максиму и беспомощно развести руками. И заметить, как в глазах его блеснула надежда.

* * *

– Ну так и чего ты от меня хотел? Учти, если фигня какая-нибудь, ты об этом пожалеешь.

– Нет, Машк, не фигня. Хотел бы я, чтобы это было фигней. Так, значит, спина, говоришь, уже чешется? Совсем, получается, немного времени осталось. Черт, как же нехорошо все вышло! Я-то думал, у нас хоть пара недель есть в запасе. А получается, счет уже идет на часы и минуты.

– Ерофеев, можешь толком сказать, в чем дело?

– Погоди, Маш, сейчас, только с мыслями соберусь. Слишком много

всего рассказывать, думаю, как бы изложить покомпактней. Видишь ли... Скажи, Маш, ты никогда не думала, что кроме людей на свете могут существовать какие-нибудь еще разумные формы?

– В смысле, химеры, например? Или там кентавры? Так я не думала, я про них знаю.

– Знаешь?! Откуда?!

– Тоже мне великий секрет. Любой мыслящий, образованный человек рано или поздно начинает подозревать, оглядываться по сторонам, и особенно, если он знает, куда смотреть...

– погоди! Так раз тебе известно о существовании антропоморфов, получается, мы с Анькой зря волновались! Тогда ты уже знаешь про свои крылья? Ну, Маш, у тебя и выдержка! Конечно, ничего еще не видно, но... Будь я на твоём месте, побоялся б так спокойно разгуливать.

– Крылья?! Какие крылья?

– То есть как это какие? Маш, ты что, даже не догадываешься? Ты ж сама назвала виды антропоморфов: химеры, кентавры и люди с крыльями.

– Да я впервые слышу о крылатых людях! Хочешь сказать, они тоже есть? Ты уверен, что есть?! Это правда?! Саш, дай я тебя поцелую! Нет, ну как же здорово! А я думала, с крыльями – это ангелы. Представить себе не могла, что с крыльями люди! И что, эти люди в самом деле могут летать?!

Ерофеев с печальной улыбкой наблюдал за ее восторгами. Он уже понял, что объяснять все-таки придется много и долго.

* * *

– То есть крылатым можно не только родиться, но и стать потом?

– Ну да.

– То есть получается, все эти ребята в больничном корпусе, если бы их не стали лечить... И я тоже, если б не Аня...

– Ну да.

– Но ведь это же неправильно! Это же чудовищно!

– Ну да.

– Саш, прекрати нудакать! Говорить, что ли, разучился?! С этим же нужно что-то делать, пойти куда-нибудь, рассказать. Люди ведь ничего об этом не знают!

– Маш, ну ты же сама сказала, что, на самом деле, любой мыслящий человек, сложив два и два...

– Ну да. Сказала. Просто я была дура. Господи, какая же дура!

Ерофеев, тебе смешно, наверное, что можно быть такой душой!

– Вовсе нет. Или уж тогда у нас все общество сплошь из дураков. Пойми, обществу для сохранения своей стабильности приходится чем-то жертвовать. Ну вот оно и жертвует. Ими. Вами.

– Да. До меня как-то все еще не доходит, что это же теперь про меня. Саш, но ты совершенно уверен...

– Практически. Анька не могла ошибиться. Она ж без пяти минут врач.

– Ой да какой она врач! Салага она, первокурсница. Может, ей вообще это померещилось.

– Маш, ну ты же сама сказала, что спина чешется.

– Ну так мало ли отчего она чешется! Знаешь, как трудно самой себе как следует вымыть спину! Я даже иногда жалею о тех временах, когда нас строем загоняли всех в одну душевую.

– Не поверишь, я тоже. Согласись, что-то есть успокаивающее в этой первобытной стадности, ну когда всех вместе куда-то гонят. Типа если ты не один, а со всеми, ничего с тобой плохого не может случиться.

Они оба замолчали, внезапно осознав, что Машку теперь уж вряд ли куда-нибудь погонят вместе со всеми. Теперь ее будут гнать куда-то в другую сторону.

– Может, мне все же стоит пойти в больничку и попросить, чтобы они меня осмотрели? Ну, подумаешь, полежу я три года. Зато потом буду опять такая, как все. Смогу поступить в университет.

Ерофеев заколебался. Раньше это бы мог быть вариант. Почему, почему он не поговорил с ней раньше?!

– Маш, это, конечно, твое решение, но, по-моему, если спина чешется, в больничку идти поздно. Поделаться с твоими крыльями они все равно уже ничего не смогут. Только констатируют факт и отправят тебя в специальное учреждение. Где на тебя навесят вместо имени бирку и прикуют цепью за ногу, чтобы не улетела...

– И будут кормить меня и содержать. Понятно, люди ж все-таки люди, а не звери. Саш, послушай, тогда, может, ты сам посмотришь, что там у меня на спине? Ну вдруг что-то уже заметно?

Ерофееву сделалось жарко. Язык у него прилип к гортани. Но Машка стояла спокойная, как вода в реке, и смотрела на него умоляюще.

Ерофеев сглотнул ком в горле и сказал:

– Да не вопрос. Если ты так хочешь. Стань лучше только к свету.

Подойдя под лампочку, Машка рывком сдернула с себя свитер и расстегнула лифчик. Она стояла к Ерофееву в профиль, так что и грудь ее, и живот оказались прямо у него перед глазами. Живот был плоский, а груди

больше и круглей, чем у Ани, и казались мягче на вид.

Он сглотнул и заставил себя перевести взгляд на спину. Да, почти что как у Сережки. Кожа на спине выглядела сухой и тонкой, и под ней отчетливо проступали новые суставчатые структуры. На ярком электрическом свете кости и сухожилия крыльев просвечивали сквозь кожу, как семечки в спелом яблоке.

– Ну что? Есть там у меня что-нибудь? – спросила Машка, нетерпеливо переступив с ноги на ногу, немыслимо изогнув шею в попытке самой что-нибудь рассмотреть.

– Что? – Ерофеев словно очнулся. – Да. Есть, Машка. Еще как есть! И как же это красиво!

Щелкнул замок. Они оба испуганно обернулись. На пороге, щурясь от яркого света, стояла Аня.

Одного взгляда Ане оказалось достаточно, чтобы понять, почему Ерофеев тогда сказал, что по-настоящему у них нет отношений. Вздыхнув, она улыбнулась и с энтузиазмом воскликнула:

– Ого! Я гляжу, процесс уже далеко зашел! Одевайся, Маш, и давай вместе думать, что теперь делать дальше. Со мной сегодня связывался Сережка, так он вот чего предлагает...

* * *

– Значит, самолетом до ***, оттуда автобус, сойдешь на конечной и – вуаля! – пред тобою горы. Теперь смотри на карту внимательно. Я тебе специально самый что ни на есть крупный масштаб распечатал и стрелочками направления указал. Значит, идешь вот так, сворачиваешь сюда и потом по тропинке вверх. Наверху терраса. Серый сказал, подъем там несложный.

– А как он меня возьмет?

– Ну как возьмет? На ручки, конечно. Ты ж сама летать пока не умеешь. На ручки возьмет, и перелетите вы с ним на другую сторону. Только надо еще темноты дожждаться, а то пограницы засекут. Ну посидишь пару часиков, поскучаешь. А как стемнеет, он за тобой прилетит.

– Ага.

– Вот тебе и «ага». А ты прикинь, как Сергей тогда неделю, в самый дубак, в январе, по козьим тропам скакал и в конце через пропасть на невысохших крыльях ломанулся. Ужас, правда?

– Угу.

– А тебе всего-то надо, что по тропинке подняться и пару часов до темноты подождать.

– Ага.

– Маш, ну что ты все «угу» да «ага». Скажи уже что-то членораздельное. Тебе в этом плане что-то не нравится? У тебя другой план какой-нибудь есть? А может, ты просто боишься?

– Да не, план как план. Не в том дело. Вообще, глупость какая-то. Куда-то я бегу, как преступница. Хотя ни в чем вроде не виновата. Непонятно с чего вся жизнь вдруг коту под хвост. Потом маму с папой жалко. Ерофеев, ты только не смейся, ладно? Они ж вроде тоже тут ни при чем. Только моими приездами и живут. У мамы в кухне календарь висит. Она на нем каждый день, до каникул оставшийся, отмечает.

– Маш, ну я не знаю. – Уж кто-кто, а Ерофеев как раз мог такое понять. Потому сказал на полном серьезе: – Решай сама. Считаешь, лучше им все рассказать? Отец же у тебя ученый, шишка какая-то. Вдруг он еще лучше нашего план придумает?

– Это вряд ли. Если бы он что-то такое мог, они б меня вообще в интернат не отдали.

– Ну тогда, сама видишь, по-другому не получается. Ничего, потом напишешь им оттуда, чтоб не волновались. Или по-другому как-нибудь сообщишь, Сережкиным способом. Тогда, как договорились. Завтра с утра выходишь со всеми, вроде как на уроки. За Домом малютки сворачиваешь и чешешь ко мне, к нашему лазу за кухней. Я тебя там с кусачками буду ждать. Не опаздывай, автобус в восемь пятнадцать. На вокзале пересядешь в аэроэкспресс и через два часа будешь уже в самолете. Анька утром перешлет вашей старосте освобождение для тебя на два дня по болезни. Когда хватятся, будешь уже на той стороне.

– Но Ане ничего за это не будет? Может, мне лучше самой все-таки зайти в медпункт?

Ерофеев покачал головой.

– Опоздаешь на самолет. Не бойся, она ж не своим именем подпишется. Посмотрит, кто там завтра должен по расписанию дежурить, и с его аккаунта отошлет. Они там вечно друг друга прикрывают. Да и вообще, к ним столько народу за этими освобождениями приходит, что, думаешь, они всех помнят?

Брать с собой ничего нельзя: получится лишний вес. Как тогда Сережка ее потащит, она же и сама толстая, как бочка. Так что ничего нельзя брать с собой. Даже лучше, легче начинать новую жизнь с чистого листа.

Разве что самую малость, без чего совсем нельзя обойтись... Ракушечные бусы из летней поездки к морю, пару открыток, присланных на день рождения, золотую цепочку, подаренную папой на шестнадцать лет, фигурки дяди Егора. Слоника, специально для нее слепленного Ерофеевым. Слоник глиняный, чтобы не разбился, придется его завернуть в бумагу. Какой, однако, ком большой получился! Неважно, бумага ведь легкая. Плюшевую мышь Дорофею, с которой Машка спит всю свою сознательную и бессознательную жизнь. Фотографию мамы с папой, где они вдвоем. Еще одну, общесемейную, где сняты все вместе, с Никитой, его женой и детьми. Фото Джима. Здесь ему чуть больше года. Тощий еще, нескладный, почти щенок. Групповой снимок класса. Парадный, снятый в последний день учебного года. Их много, фотографируют ведь каждый год. Машка возьмет с собою последний. Хотя, может, и первый тоже? Хочется же иногда вспомнить, какие они когда-то были смешные. Конечно, фотографии можно закачать в телефон. Но что Машка станет делать, когда телефон разрядится? Из Сережкиных рассказов невозможно понять, есть ли там вообще электричество.

Брать ничего нельзя. Но как можно бросить все книги?! Даже те, что помнишь уже наизусть и с любого места свободно можешь цитировать? Тем более те, что помнишь наизусть... Ну хотя бы сборник поэта, от стихов которого Машка натурально пьянеет, особенно если их читать много, подряд и вслух. А вдруг строка забудется и негде подсмотреть?! И зачитанную до дыр, рассыпающуюся на странички «Фею Люсиль». Машка с ней с детсада не расстается. И что-нибудь в дорогу с собой. Что-нибудь из нечитаного, потолще.

Учебники. Ну тут все ясно. Хотя невозможно себе представить, что больше она не будет учиться! Во всяком случае, тому, чему раньше училась. Во всяком случае, в привычной и понятной форме. Там ведь нет ни школ, ни университетов.

Одежда. Конечно, Машка никогда не сходила с ума по тряпкам, не как другие девчонки. Но хотя бы эту, расписанную Леркой, золотисто-коричневую шелковую косынку? Она ж вообще ничего не весит, нежная, тоненькая, как лепесток. И так подходит Машке к глазам, так хорошо сочетается с любимым платьем... Ой, платье ведь тоже придется оставить!

Она берет рюкзак, с которым каждый день ходит на занятия.

Вытряхивает из него все: учебники, конспекты, крошки от завтраков, записки Максима. Записки тщательно рвет и спускает мелкие клочки в унитаз. Укладывает белье на смену, зубную щетку, фотографии, книжки, тщательно отобранные дорогие мелочи. Присаживается на край кровати и плачет.

Как хорошо, что сегодня конец месяца, дискотека и все три ее соседки ушли танцевать!

* * *

Выплакавшись, Машка достает телефон с целью закачать в него все-таки часть фоток. Звук выключен еще с утра, если не со вчера, а то даже и еще раньше. Заглушила перед каким-то уроком и забыла вернуть обратно.

И что тут у нас? Пятнадцать пропущенных звонков от Максима и тридцать восемь... от мамы. Последний звонок пять минут назад. Тридцать восемь – это и для мамы уже перебор! Конечно, Машка домой сама пару дней уже не звонила, да еще если телефон был выключен...

– Мам, привет! Случилось что-нибудь?

– Ну слава богу! Думала, не дозвонюсь. Ты что там трубку неделями не берешь?! Телефон сломался?! Думала уже Дусе вашей звонить. В общежитие ж бесполезно, никто никогда ничего не знает. Одна Дуся всегда в курсе, где тебя искать. Ладно, неважно. Слушай, я сейчас в машине. Еду за тобой. Через два часа, если программа не врет, буду у вас на КПП. Собирайся и выходи. А то я внутрь заезжать не хочу, время дорого.

– Мам, как за мной?! (Как же крылья?! как же все наши планы?!) Ты с ума сошла, кто ж меня пустит посреди занятий?!

– Пустят, Машка. Как миленькие пустят. Я везу для тебя «особое разрешение».

– Но... как?! Почему?! Зачем?!

– Затем, что твой отец умирает. Врач сказал, счет идет уже на дни и часы. И он хочет видеть тебя. Принимая во внимание папины заслуги... ему не могли отказать в «этой маленькой просьбе».

Мамин голос сочился незнакомым Машке сарказмом.

– Но... мам, как давно он болеет? Почему ты мне раньше об этом не говорила?! Почему я вообще ничего не знала?! Мам, что случилось, папа же совсем молодой?!

– Не такой уж он молодой, за семьдесят. Хотя, конечно, мог бы еще жить да жить. Вон люди до ста доживают. Только не такие, как он, другие.

Сердце. Врачи летом еще сказали. Не хотели тебя расстраивать, вот и не сказали. Думали как-нибудь подготовить. Но к такому как подготовишь? А чего ждать, если он всю жизнь в лаборатории пахал с утра до ночи как лошадь, да еще завод! Каждый день как каторжный, по четыре часа, в цеху, с работягами, в жаре, в духоте! А потом назад, со всех ног в лабораторию! В нашем климате, летом в зной, зимой по морозу! Машину не брал, «тут недалеко»! Какое сердце такое выдержит?! А я говорила, я предупреждала! Мог бы, как я, полы где-то подметать! Нет, не может, мужская гордость мешает! Как так, все работают, а я веничком помахать стану? Что я, девица, которая маникюр боится испортить? Шовинист хренов! Пока не свалился год назад с инфарктом, пока официально его не освободили, пока врачи прямо в морду ему не сказали: «Нельзя так больше!» Тогда только угомонился, да поздно уже. Сволочь, гад! Ни о ком, кроме себя, никогда не думал! Не мог хоть сколько о себе позаботиться?! Как мы теперь без него?!

– Мам, ты плачешь?! Мамочка, ты что, не надо, нельзя! Как там: «Dum spiro spero!» Мамочка, еще, может, обойдется? Мам, знаешь, врачи тоже иногда ошибаются. Мам, а про пересадку вы думали? Можно ведь сделать пересадку? Ну да, сердце, но ведь если остальной организм здоровый... Нам на биологии объясняли...

– Да не хочет он пересадку, Маш! Говорю тебе, счет идет на часы.

* * *

Собирать Машке, понятное дело, больше нечего. Разве что халат теплый да пару бесформенных свитеров, с большими капюшонами и пообъемней. В доме ж надо будет в чем-то ходить.

Звонить Ерофееву она поостереглась, решила сама забежать, благо близко. Поверх куртки накинула на плечи платок. Жарко так, конечно, весна уже, а что сделаешь? Сейчас еще мама наверняка прицепится: «Машенька, не сутулься! Не горбись, выпрями спинку». И вот как ей на это отвечать, если не грубить?

У крыльца общаги маячила смутная, еле различимая в сумерках фигура. Завидев Машку, фигура оживилась и рванулась навстречу.

– Маша, стой! Ты почему не отвечаешь на звонки?!

– Максим... Игоревич, извините, мне некогда! Я вам все сдам на следующей неделе.

– Да перестань ты! Никто на нас не смотрит. Кому мы с тобой нужны? Маш, погоди минутку, ну вот куда ты бежишь? Маш, ну согласись сама, это

бред! Мы ж с тобой разумные люди. Всегда можно поговорить, во всем между собой разобраться. Маш, ну поймей совесть! В конце концов, я старше тебя, мне трудно за тобой по лужам скакать! Маш, ну неужели после всего я не заслужил к себе простого человеческого отношения?

Она остановилась. Улыбнулась измученной, усталой улыбкой. Так мать иногда улыбается ребенку.

– Хорошо, только быстро. Я правда очень сильно спешу.

– А когда с тобой можно поговорить спокойно, без спешки? Может, закончишь свои дела и забежишь ко мне на минутку? Обещаю вести себя прилично, рук не распускать.

Она покачала головой.

– Маша, ты что, боишься меня?

– А считаешь, у меня нет оснований?

– Маш, но если ты о том случае, хотя я думал, мы с тобой давно уже все проговорили, то можешь не волноваться. Я теперь умею держать себя в руках, если захочу. Та история с тобой многому меня научила. Хотя, извини, если честно, тогда ты сама отчасти была виновата. Одедась вызывающе, накрасилась, в глаза мне как-то странно смотрела. Плюс тот давний разговор о ребенке. Я не оправдываюсь, не думай. Но все-таки... Ну прости еще раз, я тогда не сдержался. Ты ж знаешь, как я к тебе...

– А что теперь изменилось?

– Малыш, ну сейчас ведь совсем другое дело! Ну, допустим, я не сдержусь, допустим, разож тебя обниму. Что здесь такого? После всего, что у нас с тобой было...

Машка вообразила, что будет, если Максим прикоснется к ее лопаткам, и живот у нее в ужасе свело. Кишки связались в немыслимый узел. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

На всякий случай Машка сделала шаг назад, чтобы увеличить расстояние между ними. И опустила глаза, чтобы взглядом Макса случайно не спровоцировать. Глухим, хрипловатым голосом, глядя в тающий под ногами снег, Машка скороговоркой пробормотала, что да, конечно, она забежит. Как-нибудь вечерком, ненадолго. На следующей неделе. И они обо всем спокойно поговорят. А сейчас ей пора. Пока-пока, хорошо?

И, не дожидаясь ответа, Машка развернулась и рванула во все тщательно оберегаемые лопатки.

Максим не стал ее догонять. Стоял и просто смотрел. Радуюсь, что идиотское это, измучившее его молчание наконец прервалось. Господи, как он по ней соскучился! Дурочка маленькая. Наверняка ведь ей это тоже нелегко далось. Вон она как ссутулилась, похудела. Даже на Дусю

сделалась чем-то похожа. В платок кутается, зябко ей. Ничего, пусть только придет. Максим ее отогреет.

* * *

– И что вдруг на тебя всё сразу! Сперва крылья, теперь отец. Поневоле думать начнешь, что Бог есть и у тебя с ним какие-то личные непонятки. – Ерофеев сочувственно цокнул языком. – Машк, ну ты это... Держись, короче. – Ерофеев сглотнул, отгоняя воспоминания. Как вообще можно сравнивать? С мамой все в порядке, она стоит, ждет его на холме. – Поезжай, побудь с отцом, пока ты ему нужна. А потом сразу не тяни и рви когти. Знаешь, может, так даже и лучше. С «особым разрешением», подписанным самим главврачом государства, никто к тебе не прицепится ни в транспорте, ни на улице. Всегда сможешь сказать, что тебя на другой конец страны в аптеку послали. Не дрейфь, Машка! Пара дней в запасе у нас еще есть.

– А как же Сережка? Получается, он завтра зря прилетит?

– Об этом не парься. Он сказал, в любом случае перед вылетом свяжется с тобой. Чтоб не наобум лететь, а точно знать, где тебя искать. Вдруг ты там в горах напутаешь что-нибудь?

– Как... свяжется?

– Ну как, как... Своим способом, как с нами.

– Саш, а как пойму, что это он, а не галлюцинация?

– Марусь, ну ты что, на голову больная?!

Внезапно Машка вся подалась к нему, обняла его, прижалась к груди. Ерофеев почувствовал, как бьет ее крупная дрожь, как по щекам текут слезы. Машка всхлипнула, и сердце у него сжалось. Он осторожно провел рукой по ее спине, по лопаткам, по крыльям.

И решительно оттолкнул.

– Все, Маш, иди. Пора. Тебя мама ждет.

* * *

Отец умирал неделю.

И все это время к ним в дом, в их крошечную квартирку, нескончаемым потоком шли люди. Коллеги, аспиранты, студенты. Бывшие ученики, давным-давно сами ставшие профессорами.

Мама с Машкой всех шепотом предупреждали, что можно только очень недолго. Все клятвенно обещали и, как правило, честно сдерживали обещание. Минут через пять прощались и выходили.

Некоторые со счастливыми, просветленными лицами, явно получив от папы необходимый совет или наставление. Такие были Машке неприятны, хотелось их поскорее выставить. «Стервятники», звала она их про себя.

Но многие были искренне опечалены, прямо чуть не плакали. Таких, наоборот, хотелось задержать, напоить чаем, погоревать с ними вместе. Но возможности такой не было, потому что люди входили и выходили просто без перерыва, Машка едва успевала здороваться и прощаться.

* * *

Только один человек вошел в папину комнату на рассвете и просидел там полдня. Все это время никто к ним больше не заходил и даже не пытался. Видимо, всех заворачивали еще на лестнице. Даже Никита, как выяснилось потом, не смог тогда к ним пробиться.

Дверь открыла Машка. И совершенно обалдела, увидев на пороге человека, которого, конечно же, сразу узнала, хотя никогда не встречала раньше. Человек улыбнулся ей знакомой по парадным портретам улыбкой. Спросил: «Дочка? Вылитый отец, как две капли! Тебя как звать? Мария?» Не сказать, что очень оригинально. Машка и так знала, что похожа на отца. Ей всю жизнь об этом твердили. Но ей было приятно, что он это заметил. Она улыбнулась и вежливо поблагодарила. Ей казалось, сердце у нее колотится так, что вот-вот выскочит из груди. Шутка ли сказать, сам главврач страны, ни больше ни меньше!

Она проводила его к отцу (а обоих сопровождающих в кухню, где мама сразу же налила им кофе из никогда не стихавшей в эти дни кофеварки). Гостю Машка отнесла кофе с бутербродами на подносе в комнату и хотела сразу вернуться на кухню, мало ли о чем там у них речь пойдет, но отец ей жестом велел остаться. Она привычно опустилась на скамеечку в ногах папиной кровати. Отец вообще с ними в последнее время чаще жестами общался, чем говорил. Так ему было легче. Мама с Машкой всегда отлично его понимали.

Не то что Никита, тому часто приходилось переводить. Никита папины жесты понимал с пятого на десятое. Ну правильно, он ведь с родителями давно не жил. Из школы пошел в универ, в каникулы домой не каждый год приезжал. То горы у него, то байдарки, потом и вовсе женился. Если б отец

его после универа в свой институт не пристроил, вообще б, наверное, в другом городе обосновался.

Главврач жадно отхлебнул кофе. Не побрезговал и мамиными бутербродами, хоть они и были с простой колбасой и сыром, а не с какой-нибудь семгой (или кто его знает, с чем он там привык).

– Ну, – сказал он, укоризненно глядя на отца. – Ты что же это удумал, Сеня? Допрыгался? Никак умирать собрался?

– Собрался, Гриш, не сегодня завтра в дорогу, – в тон ему ответил отец. Машка ахнула про себя – папа с главным врачом на «ты»?! – Ну а что поделаешь? Все рано или поздно там будем. Или ты про себя думаешь, что вечен?

– Я те дам, рано или поздно! Думать забудь! Ты у нас еще обществу послужишь! Я тебя этой дуре с косой за так не отдам! Ты лучше скажи, почему мне раньше не позвонили? Я ведь, пока тебе справка для пигалицы этой не понадобилась, и знать ничего не знал. Давно б могли тебе пересадку организовать.

Отец поморщился. Слова давались ему с трудом. Две маленькие трубочки, идущие от кислородного аппарата к носу, раздражали отца чрезвычайно, и он все время порывался их выдернуть и пустить свободно болтаться на шею. Однако без них лицо его через пару минут начинало сереть, язык заплетался, отец принимался ловить ртом воздух и тогда сам, или с помощью Машки, возвращал трубочки на место. В очередной раз гневно сорвав ненавистное устройство с лица, отец резко произнес:

– Спасибо. Я потому и хотел, чтобы ты узнал как можно позднее. Желательно, когда я уже буду в гробу.

– Ну как же, скромность-то у нас паче гордости! Не мешайте мне, я сам как-нибудь. Из-за этого ты всю жизнь вместо Столицы в глухомани проторчал, из-за этого дети твои вместо столичного лицея не поймешь где учились, из-за этого супруга твоя, художница, забыла уже давно, как театр или там картинная галерея выглядят.

– Почему? В области у нас приличная филармония. А театр аж за границу на гастроли звали. Правда, их не выпустили, сочли нецелесообразным. Кстати, декорации к последним спектаклям целиком почти по эскизам моей супруги. Не факт, что в Столице ей бы дали так развернуться. – Папа закашлялся и жестом попросил Машку помочь ему вернуть на место кислородные трубки.

– Да, что-то такое слышал. Какая им заграница, как бы вообще постановку не запретили. И жена твоя, слышал, тоже излишнюю фантазию проявила. Какие-то у нее там крылатые кони на заднике, цветы с лицами.

Хоть ты ей скажи, чтоб поосторожней. В Столице бы за такое...

– Вот потому мы там и не живем, – ухмыльнулся слегка порозовевший отец.

– Тебе все шуточки! Ладно, кончай давай с лирикой. Покуражился, и будет. Я уже распорядился, завтра тебя перевезут в больницу и начнут готовить к операции. Послезавтра доставят донора. Тут у вас не Столица, конечно, но врачи вроде вполне вменяемые, оборудование есть, хоть и старое. Да и операция сама ведь не сложная. Мы с тобой таких сто штук на ординатуре переделали.

– Я не дам своего согласия, – упрямо сказал отец, отдышавшись. – Во-первых, я не настолько кровожаден и не могу допустить, чтобы ради меня умерло мыслящее существо, даже если ему не повезло совпасть со мной по группе крови и прочим показателям. Во-вторых, ты посмотри на меня. Я просто не перенесу операции.

– Да что ты несешь?! Конечно, сейчас ты не в лучшей форме, кто б спорил. Но я привез такие препараты! Поверь мне – мертвого на ноги поднимут.

– Гриша, кому ты все это говоришь? Мы ж с тобой это все тыщу раз проходили. Возьми меня за руку, оттяни веко, загляни в глаза. Пощупай отеки у меня на ногах...

– Да потому что ты упрямый дурак! Не слушаешь никого, вот и довел себя! Да пойми, кретин, твоя жизнь нужна обществу, науке, семье твоей, наконец! Да я приказом могу тебя обязать...

– Гриш, не забывай, ты все-таки в моем доме. – Отец опять отбросил с лица ненавистные трубки и даже чуть приподнялся на локтях, чего не делал уже несколько дней. Но тут же упал назад, на подушки, жадно хватая губами воздух. Машка, уже без всякого разрешения, всунула ему трубки в нос и раскрутила кислородный кран до упора.

Внезапно на лице главврача проступила дикая усталость.

– Прости, Сень. Я не должен был так с тобой разговаривать. Понимаешь, смена тяжелая выдалась...

Как многие врачи Страны, главврач отрабатывал общественную повинность санитаром в больнице.

Отец смягчился.

– Гриша, а ты не хочешь прилечь? Давай я Леле скажу, чтобы тебе постелила. В нише, за занавеской. А потом бы мы с тобой еще поговорили, спокойно, без нервов.

– Спасибо, Сеня, но нет. Мне ведь уже назад скоро. Я лучше, если не выгонишь, еще чуть-чуть с тобой посижу. Что тут у тебя в банке, спирт?

Можно я за твое здоровье немножко выпью? Не бойся, больше ни о чем таком говорить не буду. Просто вспомним молодость, университет. Помнишь, как я чуть не завалился на биохимии? Цикл Кребса забыл, и ты мне его на коленке пальцем левой рукой чертил. А правой писал в это время ручкой ответ на свой собственный билет.

– Помню, Гриша, все я помню. Тебя б из университета тогда поперли, если б не я. Отчислили бы прям с первого курса. Третий заваленный экзамен в сессию! И студсовет бы тебе не помог! Хотя ты и тогда уже был общественник. Тебе же учиться некогда было. Ты вечно где-то бегал, налаживал, реорганизовывал. Потом я тебе перед сессией весь пропущенный материал разжевывал и кусками крупными впихивал.

– Девочка, тебя как зовут, Маша? Так ты вот что, Мария. Все, что в этой комнате слышишь, не повторяй никому никогда! Молчок! Под страхом смерти! Потому – государственная тайна.

– Не бойся, Гриш, Марусенька не болтливая.

– Да я вижу! Вообще, Сень, знаешь, дети у нас в Стране замечательные! Неважно, почему оно так выходит, но других таких хороших детей ни в одной стране мира нет! Не спорь со мной, я поездил. Таких послушных, трудолюбивых, ответственных детей нет нигде! Ни за какими горами-морями, ни в Африке, ни в Австралии! С такими детьми, как у нас, Сень, умирать не страшно. У нас уже сейчас вся Страна на них держится. А дочка у тебя еще и красивая. Небось, в интернате все за ней бегают? Ты там как, Мария, еще не беременна?

Они оба уставились на нее. Главврач – гаденько улыбаясь, а папа с новым, незнакомым каким-то Машке любопытством. Машка опустила глаза в пол и залилась краской. Отец смутился. Протянул руку, желая потрепать ее по плечу. Машка испуганно отдернулась, и рука бессильно упала.

– Ладно тебе, Марусенька, не сердись. Гриш, ну вот зачем ты? Маша у нас скромница, историей увлекается, литературой. Религии мировые изучает. А ты к ней вдруг с такими вопросами. Что она о тебе подумает? Аккуратней надо. Ведь для них ты легенда, они ж тебя, окромя телевизора, нигде не видят. Ты ж у нас фигура! Как только до нас, грешных, снизошел.

– Сеня, кончай изгаляться! Уж кто-кто... Эх, Сеня, Сеня! Ты, Марья, не представляешь себе, какой твой отец ученый! Его имя столетиями в учебниках крупными буквами писать будут! Он небось и смерти потому не боится, что знает – бессмертие ему гарантировано. А я что? Я ничего. Как был функционером, так и остался.

Машка извинилась, поправила отцу трубочки, прикрутила чуток

кислород и вышла. Всю жизнь она знала, что отец ее сутками пропадает в лаборатории, выныривая оттуда лишь для того, чтобы перекусить, поспать, сказать что-нибудь ласковое и мудрое и опять исчезнуть. В лаборатории отец двигал вперед науку. Но так как и сам институт, и лаборатория, где трудился отец, были засекречены, то Машка и понятия не имела, чем именно отец занимается.

Сопровождающие вышли на лестницу покурить. Из-под неплотно прикрытой двери доносились их голоса. Мама дремала, примостившись на диванчике в кухне. Услышав Машкины шаги, она встрепенулась:

– Ну как они там? Сидят разговаривают? Не уговорил он отца?

Машка безнадежно махнула рукой.

– Ну ясно. Я, вообще-то, и не надеялась. Голодная? Приготовить тебе что-нибудь?

– Не, потом. Мам, а чем именно отец занимался? Знаю, что тайна. Но ты как-нибудь в двух словах, без подробностей.

– В двух словах... Знаешь, Марусь, я ведь и сама не специалист. Но в двух словах: отец искал способ еще в раннем детстве выявлять детей, у которых с возрастом проявится вторичный сколиоз. Насколько я знаю, папа в своих исследованиях продвинулся достаточно далеко, попутно сделал еще несколько важных открытий. Но до конца работ им там еще как до неба. Хотя папа уверен, что они на верном пути и когда-нибудь его ученики добьются успеха.

– И что тогда будет? Вторичный сколиоз пропадет?

– Не думаю, Маш. Это было б слишком прекрасно. Но по крайней мере, таких детей можно было бы сразу изолировать и лечить. А не ждать, как сегодня, до первых клинических признаков. И возможно, тогда не всем детям было бы обязательно в десять лет идти в интернат. Некоторым разрешили бы пожить еще дома.

– Мам, а это как связано? Мы ведь там учимся потому, что так обществу легче организовать производственно-учебный процесс. Мы и на полях там работаем, и на фермах, и в мастерских. И кружки в одном месте сосредоточены, и школы искусств, и спортсекции...

– Это-то конечно, Маш, но... Вот я ж говорила, что ты не поймешь!

– Верно. Кажется, я совсем ничего уже не понимаю.

– Тебе и не нужно! Тебе только нужно знать, что отец твой – большой ученый с мировым именем. И гордиться тем, что ты его дочь.

Отец умер ночью, во сне, смертью праведника.

Машка проснулась от маминого крика и спросонья не сразу разобрала, где она и что происходит. Только когда вслед за мамой завыл Джим, до нее наконец-то дошло. И она вылезла, закутавшись предварительно в махровый халат, и тоже начала подвывать, но не громко, как мама, а тихо-тихо, почти беззвучно, чувствуя тупое бессилие.

Он ушел, а они так ни о чем и не поговорили. Он ей так ничего и не объяснил, и вот как теперь с этим жить?!

Умом Машка понимала, что вряд ли отец искренне одобрял и поддерживал сложившуюся вокруг ситуацию. Но ведь как-то же он во всем этом существовал, что-то же он говорил себе, как-то оправдывал перед собою свое пассивное участие! Перед собой, между прочим, трудней всего оправдаться. Ведь себе как ни лги, как самого себя ни запутывай, все равно в глубине души ты знаешь... И от себя ты не скроешься никуда! Может, от этого у папы сердце не выдержало? А в цеху он, наоборот, от угрызений совести спасался? Тяжелой, отупляющей, дающей забвение работой.

А может, узнай отец, как находить скрытых антропоморфов, он бы, наоборот, им как-то помог? Машке очень хотелось бы в это верить. Ведь вот же не дал он ради себя кого-то из них убить! Интересно кого? Химеру или кого-нибудь вроде Машки, с крыльями? Кстати, Машка сама бы, наверное, ему подошла идеально, тем более что она так на него похожа...

Господи, какую чушь она думает!

Спина уже чесалась нестерпимо. Кожа на ней высохла, натянулась, как на барабане, и вот-вот должна была лопнуть. А Машка все никак не могла заставить себя подхватить рюкзак и слинять. Ей было жалко Джима, маму и всей жизни, которую она здесь оставляла. Из школы уезжать было бы куда проще. К общежитской-то коечке Машку ничто не привязывало. А здесь у нее и прошлое и будущее – все разом.

Плача мама выудила из папки лист, взяла карандаш и стала быстрыми-быстрыми штрихами набрасывать последний папин портрет. Изумленной Машке она пояснила, что иначе не выдержит, а просто здесь, на месте сойдет с ума или тоже сама умрет. Придется тогда Машке хоронить двоих.

Пока мама рисовала, добросовестно сосредотачиваясь на деталях, слезы на ее лице постепенно высохли, судорожные всхлипы стихли, и она начала осмысленно отвечать на вопросы. «Что делать? Звонить в специальную скорую помощь, оттуда должны прислать врача для констатации смерти. Врач приедет на санитарной машине из морга, распишется и вместе с санитарями заберет тело. Телефон в кухне, на холодильнике, висит на магнитике с зелененькой кошкой».

Дождавшись санитарной машины, увезшей из квартиры тело отца, совсем уже пришедшая в себя мама отправилась в загс и похоронную контору. Два портрета, один другого удачней, приклеены были к стене над маминым рабочим столом.

Машка осталась одна и могла наконец-то собраться с мыслями.

Почему все это вообще возможно?! Почему все молчат и совсем ничего не делают? Даже Машкины папа с мамой? Ведь получается, так они со всем этим соглашаются? И помогают всему этому продолжаться? Вопросы, вопросы, как от них болит голова! И она, Машка, тоже молчит. Почему? Ведь она все знает, она могла бы всем рассказать и даже показать...

Машка резко вскочила, дернула плечом и почувствовала, как по спине потекла вода. Прорвавшиеся наружу крылья ожили, задергались, расправляясь. Усилием воли Машка прижала их покрепче к спине.

* * *

Остаться в квартире было невозможно. В любой момент могла возвратиться мама. Схватив так и не разобранный рюкзачок, Машка выскочила на лестницу, но, вместо того чтобы бежать вниз, побежала вверх. Быстрее, быстрее, перескакивая через ступеньки. Только бы никто не вышел навстречу ей из своей квартиры!

Добежав до железной лестницы, Машка в одно мгновение вскарабкалась по ней и чуть не стукнулась головой о крышку люка. Где же ключ, идиотка, она забыла ключ... Пришлось выпилить замок Сережкиным резакон.

На крыше было сухо, тепло и по-весеннему солнечно. Господи, как давно Машка не выбиралась сюда днем! Вечно по ночам, в темноте, украдкой. Она и забыла уже, как здесь хорошо! Просторно, светло от солнца, и легко дышится. Гарь, мазут, выхлопы бензина – все осталось позади, там, внизу. А здесь лишь синева и покой и воздух такой сладкий, что словно тает во рту.

Машка обежала все четыре угла, сравнивая огромные скульптуры с крохотными, зажатými в кулачке фигурками. И внезапно на подножье пьедестала, где стоял Бог, углядела стершиеся буквы. Бесстрашно свесившись с крыши вниз, Машка провела кончиками пальцев по остаткам надписи. «Егор Голованов». Так вот, оказывается, кто был тот бесследно сгинувший скульптор! Жаль, что он ей не открылся, жаль, что Машка не

узнала об этом раньше, когда еще дедушка Егор был жив. Машка могла бы ему сказать...

Впрочем, он и так все знал. Потому и фигурки свои ей оставил.

Грозный кентавр с натянутым луком. Печальная химера, знающая обо всем на свете. Крылатые, как Машка, дети. Обнимающая их воспитательница, которой, кстати, похоже, по фигу, что они без голов. И Бог. До Машки неожиданно дошло, что никакой это и не Бог вовсе. Человек. Обыкновенный человек рядом со своими мыслящими собратьями. Дом с четырех углов, каждый угол прям и абсолютно равен другому. С кем же она вела свои бесчисленные разговоры? Кто всегда откликнулся на ее молитвы, исполнял ее просьбы, включая самые идиотские?

Машка спустилась в амфитеатр и уселась на нижнюю ступеньку. Спешить было некуда. Она стянула через голову свитер и расправила наконец-то крылья. Пусть они немножко подсохнут, а она пока что подумает.

С одной стороны, наличие крыльев автоматически лишает ее всех прав, превращая из человека в антропоморфа. С другой – в кармане джинсов у Машки лежало особое разрешение. Вот она как натянет обратно свитер, набросит поверх него еще что-нибудь, неважно что, главное побесформенней, и почти наверняка без проблем доберется до Непреодолимых Гор, где ее будет ждать Сережка. Хотя зачем ей теперь Сережка? У Машки же есть свои собственные крылья!

Да, но она пока что не умеет летать.

Летать! У Машки перехватило дыхание. Она вскочила, запрокинула голову. Небесная лазурь из чаши амфитеатра звала и ласкала глаз. Машка почувствовала, что крылья у нее за спиной трепещут от нетерпения. Она подпрыгнула и что было сил заколотила ими по воздуху, как неумелый пловец по воде руками. Пару минут ей удалось продержаться, после чего она позорно шлепнулась на брюхо. Но тут же опять вскочила и оттолкнулась ногами. Во второй раз получилось гораздо лучше, хотя полетом это по-прежнему можно было назвать с натяжкой. Скорее, бестолковое барахтанье в воздухе. Внезапно в ее распоряжении оказалось так много новых мышц и суставов! Битый час Машка училась синхронизировать их движения, пока наконец ей не удалось-таки сделать приличный круг по краю амфитеатра, почти не касаясь руками верхних ступенек.

Еще через пару часов Машка почувствовала, что устала и проголодалась. Плечи побаливали, но это была здоровая мышечная усталость. Она с жадностью сгрызла захваченное в спешке из дому яблоко.

Ее переполняло чувство законной гордости. Всего ведь ничего, как она крылатая, а смотрите, как круто у нее выходит!

Жаль, что никто этого не видит.

Она вновь опустилась на нижнюю ступень. И подумать только, что всего этого могло не быть! От одной только мысли у Машки испуганно сжалось сердце. А сколько таких же, как она, ребят никогда не испытают ничего подобного? Причем большинство из них даже не подозревают, а многие так никогда и не узнают, что именно у них отняли. Но те, кто организовал эту страшную подлость, – они-то ведь не могут не знать?!

Права – черт с ними! Ограничения есть у всех, никто не живет на свете сам по себе, как его левая нога пожелает. Ни бедные, ни богатые, ни антропоморфы, ни люди. Каждый в чем-то вынужден уступать другому. Но просто так, за здорово живешь, отнять у кого-то крылья?! Навсегда забрать возможность летать?! Не кажется ли вам, что это уже чересчур? Как вообще можно после этого спать спокойно?!

Машка почувствовала, как в ней нарастает гнев. Против гадкого мироустройства, где все всё знают, но молчат, позволяя одним наезжать на других и давить их, давить, как танки, распластывая асфальтовым катком в лепешку. Каждый, кто молчит, делается частью заговора, становится чьим-нибудь палачом.

И она, Машка, стало быть, тоже. Ведь она знала обо всем и молчала! Но больше она молчать не станет.

Да, конечно, она может, закутавшись в плащ с головы до пят и помахивая особым разрешением, проехать через всю Страну, перелететь границу и скрыться под покровом ночи на другой стороне. Но ведь это значит, что она согласна со всем, в том числе и с собственной участью, и просто в последний момент сбежала, как вор. А ведь она никакого преступления не совершала!

– Не хочу! – произнесла она громко, вслух, тоном маленькой шестилетней девочки. – Не хочу и не буду! Нет!

– Нет, нет, нет! – раскатилось эхом.

Машка рассмеялась.

– Стало быть, Ты тоже так думаешь? Ну нет значит нет! Как скажешь.

Она повертела свитер в руках. Расправила на коленях, скосив глаза, глянула самой себе за плечо, прикинула размеры в уме. Пару раз прошлась по ткани Сережкиным резакон. Надела свитер и просунула крылья в свежепроделанные отверстия.

– А чего, ништяк. Стильно и даже довольно удобно. Надо бы еще с Леркой посоветоваться...

Машка запнулась. Бедная, бескрылая, обобранная до нитки Лерка! А с ней еще целая куча ни в чем не повинных, ни о чем не подозревающих людей. Которые и вправду не в курсе. И не потому, что глупые или недогадливые. Просто они не знают, куда смотреть.

Что ж, Машка им покажет.

Маша подходит к краю крыши. Перелезает через барьер, выпрямляется, смотрит вниз. Внизу все такое крошечное: машины, деревья, люди. Каждый занят своим делом, им некогда оглядываться по сторонам, некогда глядеть вверх, короче, никто не обращает на Машку внимания.

Вон мама прошла. Машка машет ей рукой с крыши, но мама идет, опустив голову, и не видит. Бедная мамочка! Какая же она отсюда маленькая!

Наконец кто-то случайно поднимает голову, щурится, прикрывает глаза от солнца, ахает. Хватает проходящего мимо за рукав, тот в свою очередь окликает кого-то третьего, они вместе зовут четвертого. Постепенно, как когда-то в детстве, внизу собирается небольшая толпа. Все смотрят на Машку, совещаются, что же делать. Вот-вот кто-то полезет ее спасать или вызовет на помощь милицию.

Пора!

Машка расправляет крылья и делает шаг вперед. Воздух подхватывает ее, и она парит. Делает круг над толпой, снижается, чтобы дать им как следует себя рассмотреть, снова взмывает вверх. Ну, куда теперь? Конечно же туда, где народу больше. Машка берет курс на главную площадь, ориентируясь на шпиль телебашни. Она летит над проспектом, а люди бегут внизу, гомонят, тычут в нее пальцами.

– Сумасшедшая! Что ты делаешь?! – взрывается у нее в голове голос Сережки.

Машка смеется и не отвечает. Зачем слова, он сейчас и так все поймет.

Внизу щелкают мобильники, мыльницы, кое-где извлекается из чехлов солидное, более профессиональное оборудование.

Машка летит, делая широкие взмахи крыльями. Ей нужно спешить, чтобы как можно больше людей успели ее увидеть, заснять или хотя бы просто запомнить.